
ОГОНЁК
№ 5 ЯНВАРЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Знатный бригадир-стахановец сборочного цеха вильнюсского завода «Жальгирис» В. Гелижаускас.

Фото В. Евграфова

На первой странице обложки: в Институте электросварки Академии наук Украинской ССР. Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии, директор института академик Евгений Оскарович Патон с сыновьями: Владимиром Евгеньевичем (слева), лауреатом Сталинской премии, научным сотрудником института, и Борисом Евгеньевичем, научным сотрудником института.

Фото Н. Козловского.

ОГОНЁК № 5 (1182) 29 ЯНВАРЯ 1950

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Страна готовится к выборам в Верховный Совет СССР

Ленинград. Тысячи агитаторов разъясняют избирателям «Положение о выборах в Верховный Совет СССР». На снимке: агитатор Л. И. Фабричева проводит беседу с отличниками учебы ремесленного училища № 9.

Фото И. Фетисова и Н. Науменкова (ТАСС)

Омск. Облисполком организовал отправку избирательных документов в отдаленные северные районы области. На снимке: подготовка посылок к отправке.

Фото В. Владимирова (ТАСС)

ПЯТЬ ЛЕТ созидательного труда

Беседа с секретарем ЦК КП(б) Литвы А. Ю. СНЕЧКУСОМ

Прошло пять лет со дня освобождения территории Литвы от гитлеровских захватчиков. 28 января 1945 года войска доблестной Советской Армии выбили гитлеровцев из города Клайпеды. По указанию товарища И. В. Сталина Клайпеда и земли, прилегающие к ней, были переданы Литовской ССР. Этим было завершено воссоединение всех земель Литвы в едином советском государстве.

Много горя и страданий принесли гитлеровцы трудящимся Литвы. Опустошительному разрушению подверглись Вильнюс, Клайпеда, Шяуляй, Расейняй, Шакяй и другие города. Было уничтожено большинство промышленных предприятий, свыше 80 тысяч зданий: университеты, театры, библиотеки, музеи, клубы, больницы, жилые дома.

По далеко не полным данным, общий ущерб, нанесенный народному хозяйству Литвы, составил 17 миллиардов рублей. В тяжелом состоянии оказалось сельское хозяйство. Фашисты уничтожили или вывезли весь машинно-тракторный парк, расхитили или угнали в Германию свыше полутора миллионов голов скота.

В труднейших условиях начали восстановление народного хозяйства партийные и советские организации республики. На помощь Литве пришел весь советский народ. С величайшим энтузиазмом взялись трудящиеся республики за возрождение фабрик и заводов, городов и сел. Мы постоянно чувствовали и чувствуем дружескую поддержку братских народов СССР, в первую очередь русского народа, союзного правительства, ЦК ВКП(б) и лично товарища Сталина. Нам оказана огромная помощь в восстановлении промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Трудящимся крестьянам была возвращена земля, отнятая гитлеровскими оккупантами. Советская власть передала им около 33 тысяч жилых домов, свыше 78 тысяч различных хозяйственных построек, более 150 тысяч голов скота, 100 тысяч различных сельскохозяйственных машин.

За пять лет мирного, созидательного труда, как никогда, развернулись творческие силы литовского народа. Воссоединив все свои земли, свободный литовский народ, благодарный партии Ленина — Сталина и социалистической Родине, с небывалой энергией начал бороться за досрочное выполнение послевоенной сталинской пятилетки.

В советское время началась подлинная индустриализация Литвы. Намного вырос удельный вес промышленности в народном хозяйстве, увеличились ряды рабочего класса, успешно идет восстановление и дальнейшее развитие литовских городов. Столица республики Вильнюс обогатилась новыми красивыми зданиями и улицами. В городе восстановлены промышленные предприятия, построены новые фабрики и заводы. Литва дает теперь станки и электромоторы, строительные механизмы и покрасочные аппараты — продукцию, которая раньше никогда в Литве не производилась. Создана новая швейная фабрика, идет строительство крупной кондитерской фабрики и других предприятий.

Больших успехов в городском и промышленном строительстве добились жители Шяуляя, Клайпеды, Каунаса, Шакяя и других городов.

Из года в год промышленность республики выполняет задания пятилетнего плана по выпуску валовой продукции. Серьезное развитие получила мясо-молочная и пищевая промышленность. Быстро растет и оснащается новым отечественным оборудованием легкая промышленность. Заново создана рыбная промышленность. Развернувшееся на фабриках и заводах социалистическое соревнование за досрочное выполнение послевоенной пятилетки выдвинуло тысячи подлинных героев труда. Многие рабочие уже выполнили пятилетние планы. Широко развернулось движение за получение звания бригады отличного качества. Выросли сотни рационализаторов и изобретателей.

Знаменательным событием в жизни республики был VI съезд коммунистической партии большевиков Литвы. Руководствуясь указаниями ЦК ВКП(б) и лично товарища Сталина, съезд выдвинул задачу развертывания колхозного строительства. Решения съезда были горячо подхвачены трудящимися крестьянами. Убедившись на опыте колхозов братских республик и первых литовских колхозов в преимуществе социалистического земледелия, крестьяне Литвы с начала прошлого года начали массами вступать в сельскохозяйственные артели. В литовской деревне произошел глубочайший революционный переворот, обеспечивший победу колхозного строя. Подорваны экономические основы кулачества и созданы предпосылки для его вытеснения. Сейчас на литовской земле создано около 6 тысяч колхозов, имеется 77 машинно-тракторных станций.

Наши молодые колхозы добились серьезных успехов в хозяйственном строительстве. Они собрали урожай значительно выше, чем в единоличных хозяйствах. Мастера высокого урожая тт. Жмеяускас Миклушис, Иодинскас, Лекавичус удостоены высокого звания Героя Социалистического Труда. Многие колхозники награждены орденами и медалями. Члены артелей получили высокие доходы по трудодням, стали жить более зажиточно и культурно. Они проявляют большую политическую и производственную активность в устройстве новой жизни.

Серьезные успехи достигнуты в развитии литовской социалистической культуры. Созданная советской властью Академия наук и ее 11 научно-исследовательских институтов оказывают большую помощь народному хозяйству. В республике имеются два университета, сельскохозяйственная и ветеринарная академии, консерватории, два художественных института, физкультурный институт, педагогический и два учительских института. Число студентов в вузах по сравнению с 1939 годом выросло в четыре раза. Успешно осуществляется всеобщее семилетнее обучение детей, открыты сотни новых школ.

Деятели литературы и искусства обогатили литовскую культуру новыми высокохудожественными произведениями, созвучными нашей эпохе, помогающими в воспитании трудящихся. Звания лауреата Сталинской премии удостоены композиторы Таллат-Келпши, Дварионас и группа работников литовского драматического театра: режиссер Даугуветис, артисты Рудзинскас, Радзевичюс, Яцкевичют. Литовские писатели создали ряд ярких произведений. Наиболее значительные из них — роман А. Гузевечюса «Правда кузнеца Игнотаса», поэма Т. Тельвитиса «Уснине». Издан второй том произведений любимой народной поэтессы лауреата Сталинской премии Саломеи Нерис. Готовится к печати собрание сочинений Петраса Цвирки и Людаса Гира. В литературу приходят новые молодые писатели, которые создали ряд ценных произведений прозы и поэзии.

На сцене литовских театров поставлены спектакли о социалистическом строительстве в деревне. Серьезным достижением театрального искусства является спектакль Литовского государственного драматического театра «Яблони зацветут», рассказывающий о первых шагах наших колхозов.

Широкой сетью клубов, изб-читален, домов культуры, кинотеатров, библиотек покрылись все районы республики. Тысячи людей участвуют в художественной самодеятельности, занимаются спортом. В этом году число физкультурников выросло на 20 тысяч человек. Мужская баскетбольная команда Литовского института физкультуры заняла второе место во всесоюзных соревнованиях. На второе место в СССР вышел по боксу мастер спорта Шоцикас. Значительных успехов добились футболисты «Спартака». Проведенные спартакиады сельской молодежи, молодежи, работающей в легкой промышленности, и студенчества привлекли к спорту тысячи юношей и девушек.

На землях республики создано несколько курортов и домов отдыха. Популярностью пользуются приморский курорт Паланга и курортный город Друскеники на берегу Немана.

В этом году трудящиеся Литвы будут праздновать десятую годовщину со дня установления советской власти в республике. Уже сейчас в городах и селах идет подготовка к тому, чтобы достойно отметить это историческое событие, изменившее жизнь литовского народа. На заводах и фабриках ширится соревнование за отличную работу в 1950 году. Активно готовятся к весеннему севу колхозы и МТС. Республика получает значительное количество новых тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин; создается 36 новых МТС. Колхозники вооружаются передовой мичуринской агробиологической наукой.

Всеми своими успехами Литва обязана великой партии Ленина — Сталина и мудрому вождю и учителю товарищу Сталину — освободителю литовского народа от иностранного порабощения. Товарищ Сталин воссоединил наши земли в едином социалистическом государстве и повседневно помогает нам в восстановлении и дальнейшем развитии народного хозяйства, в строительстве новой жизни.

В дни празднования 70-летия товарища Сталина литовский народ с особой силой выразил чувства любви к своему лучшему другу, учителю и любимому вождю. На многочисленных собраниях рабочие, крестьяне, интеллигенция продемонстрировали свою глубокую, беззаветную преданность большевистской партии, товарищу Сталину, свою готовность с утроенной энергией бороться за торжество коммунизма.

За пять лет мирного, созидательного труда неизмеримо поднялись, выросли в культурном и идейном отношении наши люди. С высоким сознанием своего патриотического долга, с чувством большой ответственности перед Родиной трудится литовский народ над тем, чтобы обеспечить новый расцвет народного хозяйства и культуры республики.

Сейчас трудящиеся Литвы, как и все советские люди, готовятся к выборам в Верховный Совет СССР. Подготовка к выборам вызвала новый подъем политической и трудовой активности рабочих, колхозников, интеллигенции республики. Все шире развертывается социалистическое соревнование на фабриках и заводах, в колхозах и на машинно-тракторных станциях. Сплоченный вокруг великой партии Ленина — Сталина, литовский народ добьется новых успехов во всех областях хозяйственного и культурного строительства.

ЛЮДИ, ПЕРЕДЕЛЫВАЮЩИЕ ЖИЗНЬ

От Виленщины до Дзукии и дальше вниз по Неману, до прекрасной Жемайтии и берегов хмурого Балтийского моря ломаются вековые устои старой жизни. Неузнаваемой становится Литва.

Каждый шаг строительства новой жизни в литовской деревне связан с деятельностью коммунистов. Ни одно начинание, ни одно сколько-нибудь значительное дело не совершается без активного участия партийных организаций. В малом и большом проявляется их организующая авангардная роль.

* * *

...Рано начинается сельская жизнь. В семь часов утра секретарь Юрбаркского волостного комитета партии Добилайтис уже среди крестьян. Вычерчивая палкой линии по свежему снежку, он рассказывает руководителям колхоза «Первое мая», какими должны быть новые колхозные постройки.

— Если уж строить, то строить как следует,— говорит он,— прочно, надолго, с перспективой. Фермы у вас, несомненно, будут расширяться, а в вашем проекте это не учтено. Как будет доставляться корм скоту? Где доярка помоет руки? Все это надо предусмотреть в проекте. Придется переделать его. Обязательно учтите опыт строительства в передовых колхозах страны.

Замечания и советы секретаря волкома по душе колхозникам. Вот и мельницу паровую в три этажа соорудили при его участии. Добротная вышла мельница. Кузницу поставили такую, что во всей округе не сыщешь. Сейчас новые заботы. Надо строить лесопилку. Какой она должна быть? Опять они пришли к товарищу Добилайтису за советом.

В январе 1949 года коммунисты Пимурчин и Адомайтис выступили инициаторами объединения тридцати крестьянских хозяйств в сельскохозяйственную артель. Все было новым и неизведанным. Коммунисты помогли молодому председателю колхоза Кимонтасу создать бригады и звенья, сами стали на решающие участки и возглавили подготовку к весеннему севу.

Все лето шла борьба за высокий урожай, за умножение артельной собственности. Коммунисты личным примером учили, как надо работать в коллективном хозяйстве.

И вот результат: засыпав все фонды, колхоз выдает на трудодень по 9 килограммов зерна. У него имеются четыре животноводческие фермы. Начато большое строительство.

— Никогда моя семья не имела столько хлеба, сколько сейчас. Никогда не думал я жить так счастливо и богато, как зажил в колхозе,— говорит бывший бедняк Якубаускас.

За успехами колхоза внимательно следили окружающие хуторяне. Летом и осенью в него вошли еще 43 крестьянских хозяйства. Артель окрепла и сейчас берется за более сложные хозяйственные дела. Теперь уже ни у кого нет сомнения в правильности избранного пути, никто не колеблется, не страшится за будущее.

Во всем этом видит долю своего труда секретарь волкома партии Добилайтис. Закончив дела в колхозе «Первое мая», он едет в ближайший местный совет, где его ждут.

«Надо создавать во всех колхозах первичные партийные организации, — думает он. — Большая это задача».

Добилайтис едет перелеском. На востоке занимается заря. С Немана веет сырой прохладный ветерок. Ноет старая рана, нанесенная кулацким выродком. В голове теснятся большие планы. Надо колхозы прочно поставить на ноги, укрепить, подобрать и подготовить кадры. Предстоит несколько тысяч людей собрать с хуторов в новые, благоустроенные поселки, построить эти поселки, залить их электрическим светом, окружить садами и водоемами. Сколько работы!

В волость уже подвозят кирпич, черепицу, цемент, лес. Десятки строительных колхозных бригад воздвигают здания, каких не видела старая Литва. На колхозных собраниях горячо обсуждаются генеральные планы будущих поселков, закладываются фундаменты электростанций. Эту строительную работу на селе направляют коммунисты.

...Поднимается с востока чистый утренний свет. Смотрит на него Добилайтис, и еще радостнее становится у него на сердце.

— Оттуда идет помощь!

* * *

В Алитусском уезде, за Неманом, раскинулись пашни колхоза «Светлый путь».

Председатель артели Игнас Ажукас встретил нас на пороге своего дома. На нем были широкие шаровары и расшитая яркими узорами рубашка. Подав руку, он подкрутил пышные усы и погладил бритую голову. Из-под густых бровей сверкают светлые глаза.

— Когда создавали артель, многое пришлось преодолеть. Кулаки крепко сопротивлялись. Стреляли из-за угла по нашим. А теперь смотрите,— он кивнул в сторону окна.

За окном виднелась широкая, прямая улица. Светлые крестьянские дома упирались в сад. В центре села белое двухэтажное здание с колоннами у парадного входа. В этом здании разместились правление колхоза, клуб, читальня, библиотека. Вправо от сада, в липовой роще, большая пасека. В стороне от поселка, около водоема, раскинулись скотные дворы и склады. Речку преградила высокая плотина. Около нее возвышается здание колхозной гидроэлектростанции.

— Уже в 1948 году,— говорит Ажукас,— наши колхозники получили на трудодень по 5 килограммов зерна, по 3 рубля деньгами, много шерсти, меда, овощей, фруктов. В истекшем году стоимость трудодня еще выше. Колхоз собрал высокий урожай, создал четыре животноводческих фермы, приобрел грузовую автомашину, продолжает строительство нового колхозного поселка. Достаток и изобилие пришли в наши дома.

Но не только заботами об артельном хозяйстве занята партийная организация. Коммунисты колхоза много внимания уделяют политическому просвещению и воспитанию людей. Они проводят также большую работу по пропаганде и внедрению передовой мичуринской агробиологической науки. Сейчас у многих колхозников имеются личные библиотеки, в которых почетное место занимают книги Вильямса, Мичурина, Лысенко.

— Люди стали совсем другими,— продолжает Игнас Ажукас. — Теперь редко кто идет к ксендзу, мало кто верит церковникам. Люди охотно посещают занятия в политических кружках, лекции и доклады. Хорошие книги переходят из рук в руки. Наша молодежь с увлечением занимается спортом, участвует в художественной самодеятельности колхозного клуба.

Большевики колхоза стали подлинно народными вожаками. Они сплотили людей и умело ведут их к новым успехам.

Рассказывая о делах колхозных большевиков, Ажукас устремляет свои светлые, излучающие теплоту глаза на портрет товарища Сталина. Он громко читает лозунг, начертанный под портретом: «Под солнцем Сталинской Конституции, под водительством родного Сталина вперед, к коммунизму!» И говорит: «Вот наш путь!»

* * *

Секретарю Плунгеского волкома партии Дануте Станелене 27 лет. Она депутат Верховного Совета СССР. На ее груди ордена «Славы» всех трех степеней, медаль «За отвагу» и «За победу над фашистской Германией». Она сражалась с немецкими захватчиками под Орлом и в Белоруссии, под Шяуляем и в Латвии, участвовала в бою за Клайпеду, завершившем освобождение Литвы от гитлеровских захватчиков. Всю войну Дануте Станелене была командиром пулеметного отделения. После войны, окончив партийную школу, она стала руководить волостной партийной организацией. Ежедневно десятки крестьян и крестьянок бывают в ее кабинете. Приветливая и чуткая к людям, она беспощадна ко всем, кто допускает косность и халатность в работе, кто любит пожить вразвалку.

Плунгеская волость — одна из передовых в республике. Сила секретаря волкома в тесной связи с народом. У волкома большой беспартийный актив. Хозяйственные и политические задачи решаются четко и оперативно.

Дануте Станелене в составе литовской правительственной делегации побывала в Москве на праздновании 70-летия со дня рождения товарища Сталина.

Надо было видеть, с какой радостью встретили ее колхозники. Сотнями вопросов забросали они свою делегатку.

Другой делегаткой на празднествах в Москве была секретарь Шакяйского уездного комитета партии Татьяна Ионовна Янчайтите.

Земли этого уезда омывает река Шешупа. По ту сторону реки лежала Восточная Пруссия. Пять лет назад враг, прижатый советскими войсками к своему логову, с безрассудной жестокостью уничтожал здесь все живое, превратил в развалины пограничный город Наумиестис. Груды пепла и щебня остались и от города Шакяй.

Трудные задачи встали перед большевиками уезда после его освобождения Советской Армией. Жители ютились в землянках. Сельское хозяйство было разорено.

Еще гремела артиллерия по ту сторону Шешупы, а на землях уезда уже развернулись восстановительные работы. На помощь Литве пришла вся Советская страна. Небольшая тогда группа коммунистов подняла трудящихся на возрождение городов и поселков. На пленуме укома был обсужден и принят план восстановления народного хозяйства. Этот план коммунисты и беспартийный актив разъясняли каждому крестьянину, каждой крестьянке. Он стал знаменем борьбы трудящихся уезда.

Прошло три года, и город был отстроен заново. Вдоль широких и прямых его улиц раскинулись новые красивые двухэтажные и трехэтажные дома. Вокруг многих из них уже растут фруктовые сады.

Посевные площади и урожайность в уезде превысили довоенные размеры. Быстро развивается животноводство. Здесь создано 147 колхозов, объединяющих 86 процентов крестьянских хозяйств. Многие из колхозов строят новые поселки.

Немалые успехи достигнуты и в области культуры. Сейчас в уезде работают 3 гимназии, 7 прогимназий, более 100 начальных школ, 160 клубов-читален.

* * *

В феврале 1949 года проходил VI съезд коммунистической партии большевиков Литвы. На съезде обсуждался вопрос о социалистической перестройке деревни в республике.

На трибуну поднялся невысокий, плотный человек в черной гимнастерке, подпоясанной широким ремнем:

— Товарищи! Пятнадцать лет я работал машинистом на паровозе. Строил Магнитогорск. Партия послала меня в литовскую деревню. Я с радостью воспринял это задание партии. И вот уже три года работаю в деревне, как подобает машинисту, без срыва графика движения к коммунизму. Мы успешно решим задачу коллективизации, если направим из города на помощь селу сотни коммунистов — рабочих, стахановцев послевоенной пятилетки. Я призываю съезд поддержать это предложение.

Дружными аплодисментами ответили делегаты съезда на предложение секретаря Лапесского волкома партии Александра Ивановича Вьюк.

После съезда на постоянную работу в деревню выехали из Вильнюса, Каунаса, Клайпеды, Шяуляя сотни коммунистов. Движимые высокими патриотическими чувствами, желая помочь литовским крестьянам в строительстве новой жизни, они всей душой отдались новой работе. Не прошло еще и года с тех пор, а в Литве уже около 6 тысяч колхозов. Шяуляйский, Ионишкский уезды в основном завершили коллективизацию.

Уверенно ведут коммунисты литовскую деревню по пути к коммунизму.

М. ФИЛИМОНОВ

На стахановском ЗАВОДЕ

Фото и текст С. Фридлянда

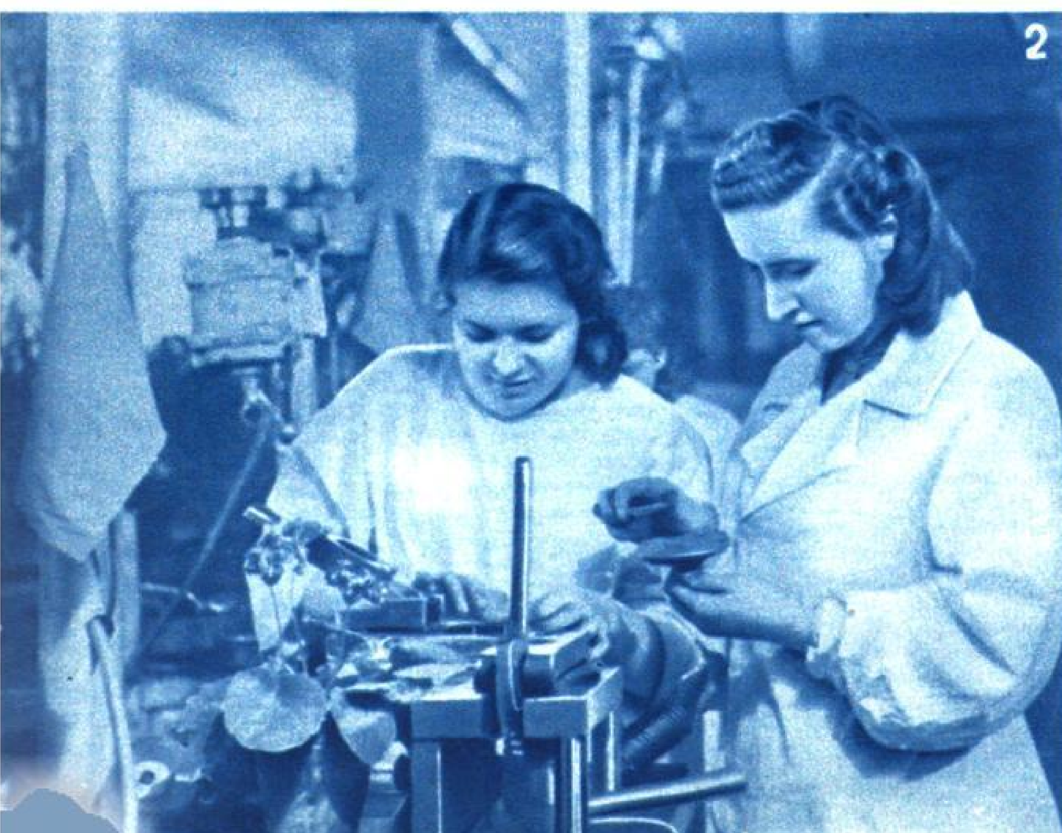
Пройдите светлыми цехами, побеседуйте с людьми, изучите выкладки инженеров, плановиков, заинтересуйтесь историей Московского карбюраторного завода — и у вас возникнет благодатное ощущение стремительного движения.

Вчерашний день быстро уходит в прошлое, и в сегодняшнем дне непременно есть уже осязаемые частицы завтрашнего.

	1946	1947	1948	1949
ТОВАРНЫЙ ВЫПУСК	100 %	145	258	366
СРЕДНЕМЕСЯЧНАЯ ВЫРАБОТКА ОДНОГО РАБОЧЕГО	100 %	138	219	270
КОЛИЧЕСТВО РАБОЧИХ	100 %			147

Всмотритесь внимательнее в это лаконичное выражение безостановочного движения вперед, в котором каждый день рождает успех следующего дня и самый рост становится непреложным законом заводского бытия.

1

В годы первой пятилетки комсомолец Харламов был учеником слесаря. Возникали новые цехи, осваивались новые виды изделий, совершенствовалась технология — вместе с ростом завода изменялся и облик молодого парня. Миша стал Михаилом Макаровичем, ударник — стахановцем, комсомолец вырос в коммуниста, руководителя одного из первых стахановских цехов завода, заботливого воспитателя молодежи, вот таких юнцов, как слесарь Виктор Скачков (справа).

— У меня сейчас мечта вон в том углу сидит. Видите, у конца конвейера работница бензонасосы в ящик складывает и везет на испытательную станцию, в соседнюю комнату. Двадцать—тридцать метров, скажете пустяки? А я вот поставлю сюда цепной конвейер, тогда посмотрите. Бензонасосы сами путешествовать будут, не отрывая человека от сборки. А вот там, глядите... — И еще, и еще рассказывает о своих планах Михаил Макарович, и почти зримо чувствуется его неутомимая потребность совершенствовать, переделывать и улучшать все вокруг себя.

2

— У нас просто хорошая работа за хорошую не почитается. Нам подавай отличную, стахановскую,— этими словами рекомендуется бригадир молодежной сборочной бригады комсомолка Нина Дорохова (справа). Больше половины членов ее бригады — ученики вечерней средней школы.

Работают, учась, и учатся, работая,— все то же неистощимое стремление к знанию, к движению вперед и вперед. И сам конвейер движется тоже с повышенной скоростью. Одаренный бригадир, прежде чем перейти с первой скорости на самую высшую, четвертую, она перестроила весь ход работы. Сначала члены бригады освоили совмещение операций, обрабатывая вместо

одной две — три детали. Это позволило вчетверо сократить расстояние между рабочими столиками и освободить часть поточной линии для других процессов. И затем, чтобы повышенная скорость не вызывала утомления в работе, на линии были установлены добавочные механизмы, намного облегчающие труд.

3

Вот один из очень многих на заводе примеров рационализации производства. Не так давно под резец станка закреплялась одна деталь. После обработки станок останавливался для ее замены. Сравните это с установленным ныне поворотным столом, на котором закреплены восемь деталей. Медленно движется круг, последовательно подставляя под резец одну за другой детали карбюратора. Обработанные детали заменяются на ходу.

4

Михаил Макарович Харламов рассказывает о своем сборочном цехе и как деловитый командир и как вдохновенный мечтатель.

А поглядеть есть на что! Потоки света, льющиеся справа и слева в широкие окна, сливаются с мягким освещением ламп дневного света. Кроны пальм и живые цветы сопровождают все конвейерные линии во всю их длину. За серебристыми столиками идет спорая, ритмичная работа. Казалось бы, все чудесно: и цех стахановский, и нормы систематически перевыполняются, и красота вокруг. Но чуть ли не каждый день здесь, как и во всех цехах стахановского завода, возникают новые и новые рационализаторские идеи.

5

В конторке первого механического цеха после конца смены собралась бригада Николая Васильевича Холина (в центре справа). Здесь же инженер-технолог Семен Ефимович Урецкий (в центре) и начальник цеха Андрей Иванович Столяров. Это — рядовое явление на заводе, где новаторская деятельность рабочих теснейшим образом связана с конструктивной мыслью инженеров. Тема беседы была, однако, не рядовая. Коллектив Карбюраторного завода — один из инициаторов движения за рациональное использование заводской площади. И эта вечерняя беседа была лишь одним из звеньев теперь уже завершенного, большого и важного дела. Тщательно продумав иное размещение станочных линий, из четвертого в первый механический цех перебросили 16 станков, образовавших новый рабочий участок на старой площади цеха. На освободившемся месте в четвертом цехе организована новая линия сборки изделий для «Москвича», в свою очередь переброшенная из сборочного цеха.

6

С наладчиком автоматной линии Михаилом Гавриловичем Денисовым мы встретились в читальном зале заводской библиотеки. В недавнем прошлом Михаил Гаврилович был чернорабочим. Социалистический завод — та же школа. Здесь он окончил двухгодичные курсы мастеров, стал коммунистом. И здесь же выросла его слава лучшего автоматчика завода.

7

Вместе с нами выходят из цехов кончившие свою смену рабочие. Спешат на учебу студенты и учащиеся различных высших и средних учебных заведений столицы.

СКАЗ о мордовской земле

Галина ШЕРГОВА

А красивой я вовек не была,
Да рот мой красивым был.
Уж как пела я — люди радовались,
Трава слезу-росу высушивала...

Фекла Игнатьевна перевела дыханье и запела снова. Постепенно черный провал зрительного зала у ее ног заполняли слова песни, обретающие плоть и становящиеся ее далеким детством и молодостью.

...Четырехлетней девочкой сидит она на печке и приговаривает свадебные причитания. Вчера у соседей играли свадьбу, и она запомнила песни до слова. А бабка крутит головой в радужном панго[1] и недовольно ворчит: «Ой, не жилица Феклушка, нет, не жилица — жить торопится, помрет рано». Но песня уже с ней, и в ней, и некуда от нее отступиться — на всю жизнь.

...Вот идет она с поденщины, покачивая тяжелым пулаем — поясом, в котором одних кистей и бубенцов на 16 фунтов,— это девушке очень важно красиво повести пулаем,— и поет.

А соседи, злые от безысходно жаркого неба, изломанные усталостью, косятся: «У Феклы всегда свадьба».

...Лунный свет ложится на ее руки, и в нем они движутся, невесомые и прозрачные, над мудрым узором сорочки. Здесь все девушки вышивали при лунном свете. Лучина может холст закоптить, а днем не до шитья. С семи лет Фекла сидела за прялкой. Сочная алая нитка забрызгивала холст. Фекла ходила за краской мареной — корнем — за тридцать верст к Суре. «Росой умывалась, травой утиралась, ноги белые сбивала»,— поет она. Она поет, потому что песня — ее единственная в жизни радость, единственная слава.

Фекла Игнатьевна Беззубова повторила дважды строчку про славу и посмотрела в черный, безликий зал. И вдруг по какой-то ей одной понятной ассоциации возникла другая песня, страстная и задорная:

Чем же они славятся,
Анкины красавицы —
Голосами ль — трелями,
Плясками ль — метелями?
Иль большим радением
За судьбу артельную?

По залу прошел шорох — узнали песню. Это был ее сказ о комсомольском звене, вырастившем рекордные урожаи конопли. И его слава была всем близка и понятна.

Полина Равкина подалась вперед и напряженно вслушивалась. Может быть, и о них была эта песня. Ведь они тоже создали первое в колхозе комсомольское звено по конопле, обсуждали свои планы, обращались с призывом ко всему району, читали агротехнические брошюры, слушали лекции. И когда Беззубова пропела:

Чует сердце анкино:
Быть по утру холоду.
Больно звезды яркие
В небе понаколоты,—

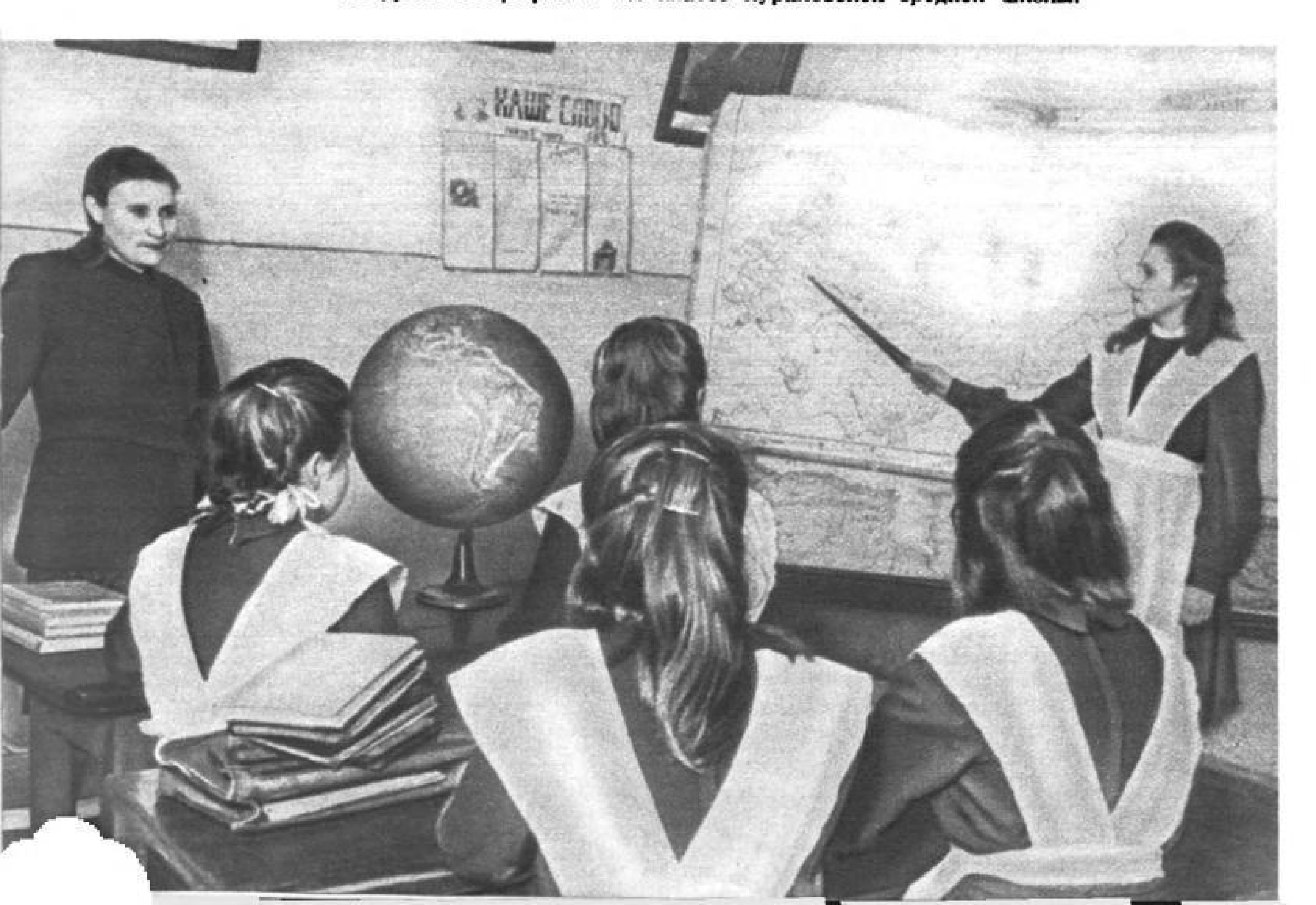
Полина увидела себя, стоящую на краю поля и тревожно глядящую в небо.

Песня называлась «Слава», и Полина подумала о том, как пришла ее слава, слава маленькой мордовской девочки. Когда первый раз она поехала в Москву на совещание передовиков сельского хозяйства, ей казалось — почетнее ничего нет. Но потом ее выбрали делегатом XI съезда комсомола, и она сказала себе: «Что же еще может быть лучше?» А сейчас она, Герой Социалистического Труда, вернулась с приема в Кремле в честь 70-летия товарища Сталина. Откуда же такая слава пришла к ней,— неужели это ее 12 центнеров конопли с гектара, ее опытный участок?

Может быть, никто в зале не посмотрел на Полину, все думали о разном; неизвестно, почему шел легкий гул по залу. Наверно, оттого, что так звонко столкнулись над ним две песни, два времени.

[1] Мордовский национальный головной убор.

На уроке географии в 6-м классе Куриловской средней школы.

* * *

И снова песня ушла в давние годы, и мимо Феклы Игнатьевны потянулись события и люди прошлого. Стонала под березой соседка, надорвавшаяся на жнитве. Стучали о крыльцо колодками, привязанными к лаптишкам, мальчонки. Ревел над сходом поп Иван: «Богородица дева, радуйся». «Дева» — такого слова не знали в мордовской деревне. «Девка» — говорили. И сход пел: «Богородица девка, радуйся». А поп багровел: «На колени, ироды, идолопоклонники».

Когда Фекле исполнилось 15 лет, в селе открыли школу. Отец сказал: «Учить бы надо». Но мать отрезала: «Что она, попом будет? Или писарем? Пусть работницей будет». На этом кончились разговоры об ее образовании.

А время, далекое и темное, все отчетливее проступало из песни, и люди вспоминали другие его подробности. Тогда приехал в одно из мордовских сел — Курилово — учитель Иван Ильич Тихонов. Он ужаснулся темноте деревни, хотя в его тетради уже раньше было записано: «Среди мордвы насчитывается всего 3,7 процента грамотного населения, а из тысячи женщин только 4 могут написать свою фамилию». В Курилове было двое грамотных. Вся житейская премудрость сосредоточивалась в Куриловском женском монастыре. Для него куриловские мужики пахали землю и метали сено в стога. В праздник тихвинской божьей матери у монастыря гудела ярмарка, и монахини, перевязав пучки этого сена голубыми ленточками, продавали его как «сено из яслей Христа». Тут же продавались «гвозди, которыми распяли спасителя». Гвозди ковала могучая мать Иеремия. Огромная, озаренная пламенем кузни, она солоно ругалась и, похлопывая себя по бокам, кричала игуменье: «После, после, матушка, благословишь! Некогда!»

И людей, живших в этой глухой вере, Иван Ильич должен был приобщить к свету.

Но как утренние тени сжимаются перед властно наступающим рассветом, так перед Беззубовой отступало прошлое и входило сегодня и люди, каждый день встречаемые ею: сыновья ее Георгий и Василий — оба с высшим образованием — и старая учительница Лавровская, говорившая ей: «Вот, Фекла Игнатьевна, во всей Мордовии осуществили семилетнее образование», и сидевшая в зале Полина Равкина.

Иначе живут теперь люди, и другими стали они.

Мать Полины часто слышала от соседок: «Что ж ты, для того дочку учила, среднее образование дала, чтоб она опять в поле пошла?» И мать, перебирая ее книги,— она не умела читать, но Полина говорила ей названия: «Вопросы ленинизма», «Агробеседы», «От всего сердца»,— думала: «Может, правду соседки говорят: зачем учила?» Но вечером Полина садилась против нее и весело клала ей руки на фартук: «Мама, мама, теперь в сельском хозяйстве образование нужно, как в любом деле. Потому мое звено и передовое, что мы все образованные. А нам знания особенно необходимы — мы же самые отсталые были. Вот,— и Полина брала книжку,— вот послушай, что Сталин пишет: «Политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к этим народам состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности руссифицировать их. Результаты такой политики — неразвитость и политическая отсталость этих народов». И мать качала головой: «Это верно». Полина показывала ей тетрадки: «Вот видишь записи — я готовлю доклад для научно-технической конференции. Научной! А ты: «К чему образование?». Ох, мама, пойми это!..»

Лет сорок назад Иван Ильич задал ученикам сочинение на тему «Кем я желаю быть». Они сохранились, эти листки,— наивное свидетельство мира мордовских ребятишек того времени.

Параша Тараскина написала тогда: «Хочу кончить двухклассное училище, потом гимназию. Приехать в Курилово и учить всех детей. А еще — купить швейную машинку и шить на бедных». Теперь, когда все куриловские дети учатся в десятилетке, Прасковья Ивановна, депутат Верховного Совета республики, нашла

более радикальные способы, чем с помощью швейной машинки заботиться об односельчанах.

Один из мальчиков мечтал «завести пару лошадей и кормить их нищенскими кусками». Но кусков нехватало и нищим, а коней он, выросши, так до революции и не завел.

Может быть, об этом вспомнил Иван Ильич, когда недавно приехали к нему бывшие ученики: Любовь Михалкина — сейчас инженер-путеец, строящая железную дорогу, и майор Степан Тараскин. И, получая письма от бывшего ученика, теперь научного сотрудника ленинградской Академии лесного хозяйства Михаила Иркаева, или разговаривая в классе с учениками, Иван Ильич думает о том, как выросли люди, как расширился их кругозор, как широко они стали мыслить.

В школе, где раньше преподавал он один, теперь 29 учителей, и не одному ему теперь говорят крестьяне, кланяясь при встрече: «Здравствуйте, учитель».

И, не называя имен, может быть, и не зная их, Беззубова пела об этом.

Фекла Игнатьевна не знала официальной статистики, где говорилось, что в старое время на территории Мордовской республики на 9 тысяч населения приходился один медицин-

Герой Социалистического Труда П. И. Равкина, звеньевая колхоза имени 13-го года Октября.

ский работник, что тысячи людей были больны трахомой и туберкулезом, а смертность среди детей была огромной. Она не знала этих цифр. Но она похоронила девятерых детей и помнила низкий, черный потолок и плетеную люльку, где извивалось в жару щуплое тельце. И над всей ее материнской судьбой стоял страшный силуэт бабки Вирьбабы с лоханочкой угольков, отсвет которых подчеркивал замысловатые морщины бабкиной шеи и острый подбородок. Бабка шептала: «Подуй, крошечка, на уголечек, боль-то и уйдет»,— но боль не уходила. И появлялся в избе тесовый гробик.

Она еще не сложила об этом сказа, но сложит. Сейчас она отчетливо почувствовала его, как чувствует в себе мать первое движение ребенка. Почувствовала именно сейчас, когда вызванные силой ее воображения образы прошлого стоят перед ней ощутимые и зримые, когда рядом с ними возникли другие — светлые и волнующие.

Это будет сказ и о том, как берет на руки ребенка врач Аболимова, о том, как первый крик всех без исключения маленьких граждан Ичалковского района раздается у нее в больнице, как граждане послали ее своим депутатом в Верховный Совет РСФСР. Это будет сказ о том, как заслуженный врач РСФСР Горбатов склоняется над операционным столом в далекой Ширингушской больнице, как излучают загадочные лучи рентгеновские и физиотерапевтические аппараты районной Инсарской больницы.

Это будет сказ о великом исцелении от трахомы и туберкулеза, о сильном и здоровом человеке.

* * *

Когда волнение актера передается зрителю и обратной волной возвращается на сцену, тогда наступает полное слияние чувств зрителей и исполнителя, тогда в театре бьется одно сердце. Но то, что случилось здесь, было сильнее. Не просто слитое волнение — это были слитые судьбы. Люди праздновали свой день рождения — 20 лет Мордовской АССР. И шелест страниц ее истории и властный ритм сегодняшнего дня жили в их сердцах. Фекла Игнатьевна сидела, уложив на коленях морщинистые руки, и, чуть заметно покачиваясь, говорила речитативом, слегка тронутым мелодией. Она снова запела старую народную песню:

Что так плачет мир, что так стонет он?
Плачет мир от пса — злого барина,
Стонет люд честной от Столыпина.
Отобрал у нас он леса, луга,
Земли дедовы он забрал у нас.
Лебедой-травой живем, кормимся,
Мы слезой своей поим дитяток.

И за спиной у песни зашумела сходка. По столыпинской реформе кулаки выходили на отруба. Богатая семья Григоркиных забирала у общины землю. В длинных домотканных зипунах, в низких шапках мужики гудели, сбившись в кучу. Егор Тараскин кричал: «Что ж это получается у нас? И так по полдесятины на двор, да помещик, да монастырь на шее, а у помещиков земли по 2,5 тысячи десятин будет, а теперь что же — нам еще хуже станет? Не отдавать!» И в ночи полыхала григоркинская рига, а по дорогам тащились разоренные мужики, бабы с детьми — нищенствовать... Вот о чем была песня.

Но вдруг, как бы отгоняя ее от себя, сказительница повела рукой и выше поднявшимся над головами голосом завела другую мелодию — сказ об аташевских трактористах, об МТС, откуда выходят тракторы на колхозные поля. О том, как в колхозах по вечерам горят электричеством окна, играет радио и в домах люди читают книги.

Каждый думал о своем колхозе, а Храмов, депутат Верховного Совета РСФСР, председатель колхоза «Обновление», закладывал на пальцах: «Электричество имеем, радио, стационар-кино, библиотеку имеем, 9 подсобных предприятий и доход 700 тысяч в год. Значит, про нас песня». И толкнул локтем соседа: «Как думаешь: и про вас тоже?»

А сказительница пела:

В добрый путь, мои друзья,
Вам побед желаю я...

* * *

В начале вечера Фекле Игнатьевне этот зал казался темным, безликим пятном, но постепенно она, вглядываясь, узнавала лица людей, сидящих там. Еще подростками знала она их, вся их жизнь прошла рядом. Вон Дарья Наумова, кандидат исторических наук, вон Вера Лемонова. Надо же подумать: молоденькая такая — заместитель председателя Верховного Совета РСФСР! Беззубова знала, как Вера учительствовала в селе, как в войну на каникулах руководила бригадой косарей, как потом возглавляла учителей района. Сейчас уж ее ученики в вузах — Алеша Гришков, Маша Плассина, Оля Мацкевич... А вон сидит Морозова, хирург. Вот они, мордовки! А ее-то подруги полгода после замужества за стол не имели права сесть, через головы хлебали, какие уж там науки...

И она запела последний сказ. Он возникал в ней, просторный и вдохновенный, рожденный тут же всем пережитым ею за долгую жизнь и в эти короткие минуты на сцене. Это был сказ о 20-летии ее республики, получившей жизнь из рук советской власти, потому что до

Народная сказительница Мордовии Фекла Игнатьевна Беззубова.

революции ее земля не имела права даже называться своим именем и люди — мордва — насильственно расселялись по России. И, раздвигая стены, в зал входила ее Родина — в звоне березовых сережек и в медовых зарослях гречихи, пахнущая груздями, укутанными в бересту, и сурской стерлядью, печеной на костре в листьях конского щавеля. Входила ее Родина, строящая электростанции и больницы, издающая книги, изучающая ее язык в научно-исследовательском институте. Она была широка, и песня не вмещала ее. Тогда Беззубова встала и протянула руки к этой земле и людям, к человеку, принесшему ее земле имя и счастье, чтобы вобрать их в песню.

Хирург республиканской больницы М. В. Морозова после операции беседует с врачом Д. П. Радаевым.
Фото Г. Куприянова

ПЛАМЕННЫЙ БОРЕЦ ЗА КОММУНИЗМ

(К 15-летию со дня смерти В. В. Куйбышева)

25 января исполняется 15 лет с того дня, как перестало биться сердце выдающегося деятеля большевистской партии, пламенного борца за счастье народа, крупнейшего организатора и руководителя государственного и хозяйственного строительства нашей страны, Валериана Владимировича Куйбышева.

В. В. Куйбышев начал революционную деятельность еще во время учебы в Омске. В 1904 году, шестнадцатилетним подростком, он вступил в РСДРП, руководил нелегальными кружками рабочих. Вскоре В. В. Куйбышев связывается с большевиками и выполняет поручения партийных органов по снабжению революционных отрядов оружием. Обогащенный боевым опытом, он руководит забастовками в Сибири, непримиримо борется против соглашателей-меньшевиков.

Во время городской партийной конференции в Омске Куйбышев был арестован и затем сослан в Каинск. Но, как подлинный большевик-революционер, он ни на день не прекращает борьбы, бежит в Томск, затем в Петербург и готовится ехать за границу, чтобы увидаться с Лениным. Но снова арест, тюрьма, ссылка...

В одной из анкет Куйбышев писал: «Арестовывался 8 раз (в Омске, Томске, Петрограде, Самаре), начиная с 1906 г. по 1916 г. Три раза судился. Был в четырех ссылках (Каинск, Томской губернии, Нарым, Иркутская губерния, Туруханск)». Ничто не могло сломить его волю. Он верил в торжество пролетарской революции, в силы рабочего класса. Борьба, кипучая работа были счастьем для него. В одном из стихотворений, написанных В. В. Куйбышевым сорок лет назад, в нарымской ссылке, есть такие выразительные строки:

> Гей, друзья! Вновь жизнь вскипает.
> Всплески здесь и там.
> Буря, буря наступает,
> С нею радость мчится к нам.

После февральской революции, которая застала В. В. Куйбышева на пути в ссылку, он возвращается в Самару. На VII (Апрельской) партийной конференции и в практической работе по осуществлению решений этой конференции — везде и во всем В. В. Куйбышев четко и твердо проводил большевистский, ленинско-сталинский курс.

Суровая школа профессионала-революционера, последовательного большевика сделала Куйбышева одним из видных руководящих деятелей социалистической революции и советского государства.

В годы гражданской войны и иностранной интервенции В. В. Куйбышев — один из видных строителей Красной Армии. Организатор борьбы против контрреволюции в Самаре, политический комиссар 1-й армии, член Реввоенсовета 4-й армии, член Реввоенсовета Южной группы Восточного фронта, член Реввоенсовета 11-й армии, член Реввоенсовета Туркестанского фронта, Куйбышев сыграл выдающуюся роль в разгроме вооруженных сил контрреволюции и иностранных интервентов.

Главные враги советской власти, основные силы интервенции были разбиты. Когда партия начала борьбу против разрухи, Куйбышев был послан на профсоюзную работу. Затем в качестве члена президиума ВСНХ и начальника Главэлектро он активно участвует в претворении в жизнь гениального ленинского плана ГОЭЛРО. В 1922—1923 годах Куйбышев работает секретарем ЦК большевистской партии. Везде он проявляет себя как твердый ленинец, непримиримый к врагам партии, не жалеющий своих сил во имя интересов партии, советского государства.

В 1923 году В. В. Куйбышев стал во главе ЦКК — РКИ, органа, созданного по предложению В. И. Ленина. И на этом посту он непоколебимо отстаивал единство и чистоту рядов большевистской партии, беспощадно громя ее врагов. Руководя ЦКК — РКИ, он настойчиво боролся и за налаживание работы советского аппарата, выступал против бюрократизма, добивался подбора таких кадров, которые были бы способны проводить большевистскую политику строительства социализма в нашей стране.

Один из ближайших соратников товарища Сталина, Куйбышев был в числе тех, кто составлял руководящее ядро большевистской партии, сложившееся после смерти Ленина и отстоявшее великое знамя Ленина. Возглавляемое товарищем Сталиным, это ядро сплотило партию вокруг заветов Ленина в борьбе против маловеров и капитулянтов, агентов классового врага — троцкистов и зиновьевцев, бухариных и каменевых,— и вывело советский народ на широкую дорогу индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

В. В. Куйбышев непосредственно руководил осуществлением великих сталинских предначертаний в области индустриализации нашей страны. С 1926 года он работал председателем Высшего совета народного хозяйства СССР. В 1930 году Куйбышев был назначен заместителем председателя Совнаркома СССР и председателем Госплана СССР, а в 1934 году — председателем Комиссии советского контроля. С присущей ему страстностью и неутомимостью он и на всех этих постах боролся за интересы большевистской партии и советского государства, выполняя указания гениального вождя трудящихся товарища Сталина.

О товарище Сталине Куйбышев проникновенно говорил: «Непоколебимый в осуществлении генеральной линии, он на каждом этапе видел и видит его своеобразие, давал и дает конкретные указания в каждой области нашей работы, с его именем связано все значительное, что происходит в социалистическом строительстве».

В. В. Куйбышев вложил много вдохновенного труда в крупнейшие стройки первой и второй сталинских пятилеток.

Широким кругозором, заботой о процветании Родины, подлинным интернационализмом отмечена вся деятельность В. В. Куйбышева. Он не раз указывал, что, работая не покладая рук, мы творим дело не только Советского Союза: от наших успехов зависит победа международного пролетариата. В. В. Куйбышев не раз подчеркивал в своих речах и статьях, что сталинские пятилетки — это воплощение лучших надежд международного рабочего класса и что понимание этого вдохновляет советских людей на еще более величественные подвиги в борьбе за коммунизм.

Партийность в любой работе, в том числе в хозяйственной, — такова одна из незабываемых черт В. В. Куйбышева. Он говорил, что признание политики партии — это еще не все; надо драться за линию партии. Сам В. В. Куйбышев со всей страстью боролся за четкое проведение большевистской политики. В. В. Куйбышев, в частности, отмечал, что основное качество плана в том, что он является выражением линии партии. Куйбышев требовал подходе к каждому вопросу хозяйственного строительства «не с точки зрения интересов данного района, области, республики, ведомства, а с общей народнохозяйственной точки зрения».

История человечества не знает таких темпов экономического развития, какими шла и идет к коммунизму наша страна. В. В. Куйбышев неустанно боролся за эти невиданные темпы. В связи с разработкой плана второй сталинской пятилетки он говорил, что мы должны мобилизовать через план все имеющиеся в стране ресурсы для завершения построения социализма. Он много сделал для наиболее полного изучения естественных богатств нашей Родины, для развертывания массовой борьбы за строжайший режим экономии, за рациональное использование машин, топлива, сырья, электроэнергии, за внедрение и освоение новой техники. Куйбышев бичевал людей, которые забывают о борьбе против непроизводительных расходов, и указывал, что «плохое качество продукции — это тоже непроизводительные растраты в народном хозяйстве».

Много внимания и сил Валериан Владимирович уделял развитию нашей отечественной науки и техники, установлению тесной связи науки с производством, с рабочими-новаторами. Обобщая накопленный в этой области опыт, Куйбышев говорил: «Совместная работа научно-исследовательских институтов и миллионных масс рабочих и рабочих изобретателей, рационализаторов, ударников приведет к нарастающему развертыванию подлинной революции всех технологических процессов, к коренной технической реконструкции всех отраслей народного хозяйства и созданию той высокой техники, которая нужна для социалистического строя».

В. В. Куйбышев всегда от всей души поддерживал инициативу рабочих, выдвигавших встречные планы производства и показывавших этим, что планирование и выполнение планов является их кровным, родным делом. «Участие масс в осуществлении наших планов — вернейший залог успешности их выполнения,— говорил Куйбышев. — Товарищ Сталин в яркой, красочной форме выразил эту мысль, говоря, что план — это мы с вами, живые люди, это миллионы рабочего класса, это ударники социалистического строительства, охваченные пафосом строительства». Товарищ Куйбышев требовал от работников, занимающихся планированием народного хозяйства, сомкнуться с движением миллионов, работать вместе с массами.

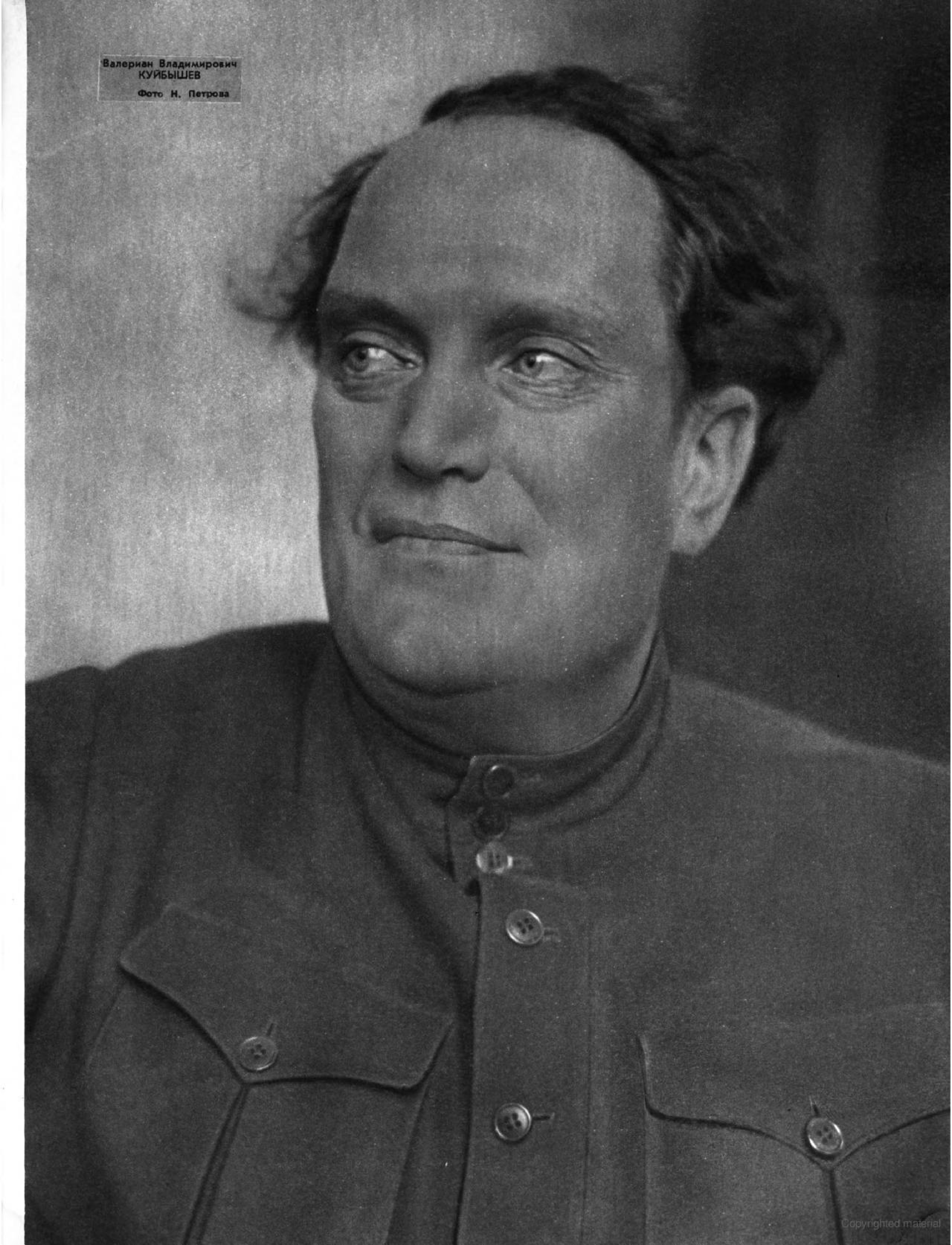
Куйбышев радовался тому, что в процессе труда, социалистического строительства партия выращивает и воспитывает новых людей. Он видел величие нашей эпохи в высокой политической зрелости рабочего класса, сумевшего в отсталой стране обеспечить победу социализма, в миллионах рабочих и колхозников, кровно чувствующих свою величайшую ответственность за все дело строительства социализма.

Какое бы дело ни поручала партия Куйбышеву, он не щадил своих сил для того, чтобы добиться успеха. Он был настойчив, энергичен и предусмотрителен, как подобает большевику. Всем памятна челюскинская эпопея. По инициативе товарища Сталина была создана правительственная комиссия по спасению челюскинцев. Комиссию возглавил В. В. Куйбышев. В то время было немало так называемых ученых, которые сомневались в возможности спасения челюскинцев. Куйбышев верил в героизм советских людей, в мощь нашей науки и техники. Он смело привлек к этому делу авиацию и вместе с тем мобилизовал другие средства: по его распоряжению на север был направлен отряд дирижаблей, готовились к походу ледоколы, сотни собачьих упряжек. Спасением челюскинцев наша страна во многом обязана воле и организаторскому таланту В. В. Куйбышева, бесконечно любившего советских людей и верившего в их силы.

Всю свою жизнь Куйбышев отдал служению народу, борьбе за его счастье. Его прекрасная жизнь была оборвана озлобленной, гнусной шайкой врагов народа — троцкистско-бухаринских наймитов империализма.

Светлый образ В. В. Куйбышева, самоотверженного борца за коммунизм, запечатлен в сердцах миллионов трудящихся нашей Родины. Пример его жизни вдохновляет на новые подвиги во имя коммунизма. Советский народ помнит слова Куйбышева, которые так живо звучат в наши дни:

«Под руководством славной коммунистической партии и товарища Сталина — олицетворения всего лучшего, что есть в мировом рабочем движении,— идет наша великая страна, идет от победы к победе, идет Советский Союз, мощная, высокоиндустриальная социалистическая держава, уверенно и бодро навстречу будущему».

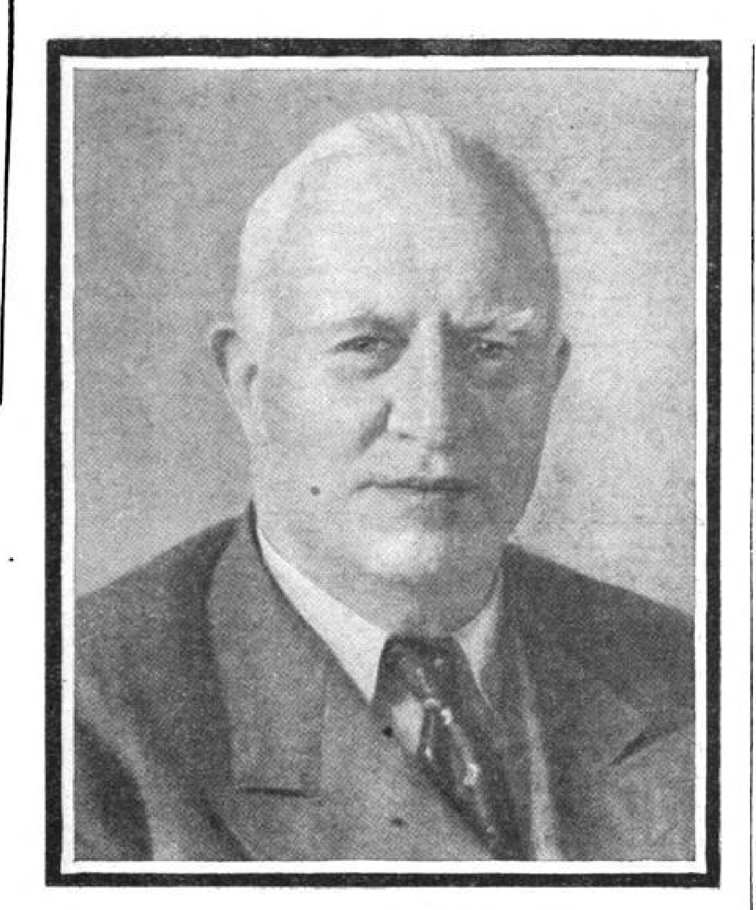

Валериан Владимирович
КУЙБЫШЕВ
Фото Н. Петрова

На лекции в Вильнюсском государственном университете. На переднем плане: дочь крестьянина-бедняка Д. Дилите и бывший батрак В. Каралевичус.

Фото В. Евграфова

Василь Коларов

23 января 1950 года после продолжительной болезни скончался товарищ Василь Коларов — ближайший и верный соратник товарища Георгия Димитрова, один из старейших руководителей Болгарской коммунистической партии и член Политбюро ее Центрального Комитета, видный деятель международного рабочего движения, председатель Совета министров Народной республики Болгарии.

В обращении Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии к членам партии и к болгарскому народу отмечается, что «в течение всей своей жизни Василь Коларов держал высоко знамя пролетарского интернационализма и был пламенным борцом за болгаро-советскую дружбу. Он до конца остался верным великому делу Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, Советскому Союзу и ВКП(б)».

По всей Болгарии объявлен трехдневный всенародный траур.

ЦК ВКП(б), Совет министров СССР, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. Шверник и Министр Иностранных Дел СССР А. Вышинский выразили глубокое соболезнование Компартии, Правительству и народу Болгарии в связи со смертью Василя Коларова.

Приезд в Москву г. Чжоу Энь-лая

На снимке (справа налево): А. И. Микоян, г-н Чжоу Энь-лай, г-н Ван Цзя-сян, А. Я. Вышинский. Фото В. Ковригина (ТАСС)

20 января в Москву прибыл Премьер Государственного Административного Совета и Министр Иностранных Дел Китайской Народной Республики г. Чжоу Энь-лай. Вместе с ним прибыли Заместитель Председателя Северо-Восточного Правительства г. Ли Фу-чунь, Министр торговли г. Е Цзи-чжуан, Начальник отдела СССР и стран Восточной Европы МИД Китайской Народной Республики г. У Сю-цюань, Заместитель Начальника департамента промышленности Северо-Восточного Правительства г. Люй Дун, Заместитель Начальника департамента торговли Северо-Восточного Правительства г. Чжан Хуа-дун и другие.

На Ярославском вокзале г-на Чжоу Энь-лая и сопровождающих его лиц встречали Заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян, Министр Иностранных Дел СССР А. Я. Вышинский, Министр Внешней Торговли СССР М. А. Меньшиков, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Китайской Народной Республике Н. В. Рощин, ответственные сотрудники МИД СССР, члены Посольства Китайской Народной Республики в СССР во главе с Чрезвычайным и Полномочным Послом г. Ван Цзя-сяном, дипломатические представители стран народной демократии.

По прибытии в Москву г. Чжоу Энь-лай в своем выступлении перед микрофоном заявил:

«При наличии правильной внешней политики Генералиссимуса Сталина и при твердом проведении Председателем Мао Цзе-дуном политики сотрудничества между Китаем и СССР никакая сила не может препятствовать тому, чтобы наши два великие государства шли рука об руку вперед.

Позвольте мне здесь повторить слова Председателя Мао Цзе-дуна: «Да здравствуют дружба и сотрудничество между Китаем и Советским Союзом!».

«Пик Сталина»

Доска с надписью на вершине горы.

С огромным воодушевлением отметили трудящиеся Чехословакии семидесятилетие Иосифа Виссарионовича Сталина. В ознаменование этой дорогой и знаменательной даты, по воле словацкого народа, было принято решение переименовать гору Герлах — наивысший пик Высоких Татр — в «Пик Сталина». На вершине горы укреплена доска с надписью: «Пик Сталина, высота 2.663 м. В знак благодарности за освобождение».

Торжество переименования горы Герлах вылилось в яркую демонстрацию нерушимой дружбы народов Чехословакии и Советского Союза.

В рабочей семье

От специального корреспондента «Огонька»

С тех пор, как началась подготовка к выборам в Верховный Совет СССР, Иван Васильевич Зиновьев — инструктор ткацких поммастеров Ивановского меланжевого комбината — стал возвращаться домой позднее обычного.

Вот и сегодня семья собралась к традиционному вечернему чаю, и самовар весело поет на столе. Так уж издавна повелось, что Мария Ивановна готовит чай к приходу мужа и все дети собираются в это время. 25-летний сын Петр — токарь на том же Меланжевом комбинате — нетерпеливо поглядывает на часы: ему предстоит выйти на работу в ночную смену. Маленькая Валя—ученица 7-го класса,— углубясь в книгу, готовит уроки. Старшая дочь, Ольга, вышедшая недавно замуж, по старой привычке пришла к родителям: она любит провести вечер за семейным чаепитием. Ольга и муж ее Иван — слесарь — тоже работают на комбинате.

...Наконец Иван Васильевич пришел, и Мария Ивановна захлопотала у стола.

— Знаешь, кого выдвинули в окружную избирательную комиссию? — спросил Зиновьев, обращаясь к жене.—Солоделову, Фаину Ивановну.

— Бригадиршу?

— Ее самую. Заслужила — держит первенство в социалистическом соревновании, депутат Ленинского райсовета, член ЦК профсоюза текстильщиков.

Сели за стол. Разговор зашел о том, как изменилась жизнь со времени последних выборов—за четыре года.

Иван Васильевич взял карандаш, начал что-то писать на листке бумаги.

— Вот, — сказал он наконец, — подсчитал: за эти четыре года подготовил я около тридцати поммастеров. И все они работают по-стахановски.

— Как дела у Романа Кашникова? — перебил Петр. — Ты его, отец, все хвалил!

— И правильно, что хвалил, хоть он и молод еще. Работает на 36 станках, план выполняет на 130 процентов. А ныне нормы-то не те, что были четыре года назад: каждый станок дает теперь в час на один метр ткани больше, чем тогда. Вот как люди работать стали!

— Это и у нас тоже, — ответил Петр. — Вот хоть меня возьми. План выполняю на 200 процентов. А если сравнить мою работу теперь и четыре года назад, что получится? Сейчас даю в смену, скажем, десять втулок, а раньше от силы шесть штук. Разряд за это время у меня повысился, заработки много больше, чем прежде.

Иван Васильевич снова стал что-то подсчитывать:

— Ежели об этом речь, тогда и я тебе одну цифру назову. Знаешь, сколько мои ученики за эти четыре года ткани выработали? Уж самое меньшее — миллион метров. А ведь это я их учил!

Иван Васильевич Зиновьев мог бы еще рассказать и о том, что он сделал как председатель комиссии по охране труда на своем комбинате. Он отдает работе немало времени. За эти годы проведено в жизнь 165 предложений по улучшению условий труда.

Можно было бы рассказать и о том, как и другие члены семьи Зиновьева далеко шагнули вперед за минувшие четыре года. Повысила свою квалификацию Ольга, а муж ее — Иван Аминаев — только что окончил курсы нормировщиков.

— Вся семья трудилась, — делает заключение Иван Васильевич. — Не за страх, а за совесть трудилась. Но много и получила наша семья от государства. Легче и лучше стала наша жизнь...

Действительно, в этой рабочей семье, как, впрочем, и во всех рабочих семьях на Меланжевом комбинате, произошли большие изменения.

— Государство помогло нам отремонтировать дом, — рассказывает И. В. Зиновьев. — Получил я ссуду в три тысячи рублей, к ним еще свои три тысячи прибавил, — и дом, можно сказать, совсем преобразился. Подвели каменный фундамент, обшили дом тесом, покрыли крышу железом, переложили печи,—словом, все, что надо, сделали. Конечно, и комбинат помог: транспорт дал для перевозки бревен.

А как дом отремонтировали, так и за остальное хозяйство принялись. Сад развели, яблони, вишни, малину, крыжовник посадили. С огорода овощей снимаем столько, что до нового урожая хватает. Заработки у нас растут. Много обновок появилось в доме у всех членов семьи. Тут и велосипед, и ружье охотничье, и пальто, и костюмы, и шуба на лисьем меху для Марии Ивановны. Всего не перечтешь, что приобрела за эти годы наша семья!

Мария Ивановна ведет в доме все хозяйство, и ей лучше, чем другим, видно, какие перемены произошли за минувшие четыре года. Она довольна этим четырехлетием, но предусмотрительно заглядывает вдаль.

— Я о будущем думаю, — говорит она, — чтоб дальше еще лучше было, чтоб росла наша семья Зиновьевых, чтоб все дети далеко пошли.

Иван Васильевич обращается к младшей дочери, Вале:

— Учись хорошо, чтоб обязательно десятилетку кончить. Теперь рабочий человек может дать своим детям образование. Только учись...

В этот вечер вышло так, что рабочая семья ивановского ткача подвела итог четырем годам, прошедшим с момента прошлых выборов в Верховный Совет СССР. Это были радостные итоги.

Я. МИЛЕЦКИЙ

ПАМЯТИ Владимира Ильича ЛЕНИНА

Советский народ и миллионы тружеников зарубежных стран отметили двадцать шестую годовщину со дня смерти основателя и вождя великой партии большевиков и первого в мире социалистического государства, гениального учителя трудящихся всего мира Владимира Ильича Ленина.

В городах и селах нашей Родины прошли торжественно-траурные собрания, посвященные памяти В. И. Ленина. С чувством глубочайшей благодарности гению революции, поднявшему наш народ на борьбу и приведшему его к исторической победе в октябре 1917 года, советские люди окидывали взглядом путь, пройденный за 26 лет без Ленина, под водительством ученика, соратника и великого продолжателя его дела Иосифа Виссарионовича Сталина.

* * *

21 января в Москве, в Большом театре Союза ССР, состоялось торжественно-траурное заседание ЦК ВКП(б), МК и МГК ВКП(б), Президиумов Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, Московского областного и городского Советов депутатов трудящихся, ЦК ВЛКСМ, МК и МГК ВЛКСМ, Президиума ВЦСПС совместно с представителями партийных, общественных организаций и Советской Армии, посвященное двадцать шестой годовщине со дня смерти Владимира Ильича Ленина.

6 часов 50 минут... Двадцать шесть лет назад в этот момент перестало биться сердце великого Ленина.

За столом президиума занимают места товарищ И. В. Сталин, тт. В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, К. Е. Ворошилов, А. И. Микоян, Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин, Н. М. Шверник, А. Н. Косыгин, М. А. Суслов, П. К. Пономаренко, М. Ф. Шкирятов. В президиуме находятся также вождь Китайской коммунистической партии тов. Мао Цзе-дун и член политбюро Китайской компартии тов. Чжоу Энь-лай.

Под сводами зала гремят бурные аплодисменты. Собравшиеся горячо, от всей души приветствуют гениального продолжателя дела Ленина — товарища Сталина, выражая глубокую любовь и признательность великому вождю советского народа.

Заседание открыл краткой вступительной речью тов. Н. М. Шверник, предложивший почтить память Владимира Ильича Ленина вставанием.

С докладом «Под великим и непобедимым знаменем Ленина—Сталина — к торжеству коммунизма» выступил тов. П. Н. Поспелов.

Докладчик говорит о большом пути, пройденном нашей страной за 26 лет под знаменем Ленина, под руководством товарища Сталина.

Товарищ Сталин привел советский народ к победе социализма. Сбылись пророческие ленинские слова — наше коммунистическое хозяйственное строительство стало образцом для стран народной демократии Европы и Азии.

Двадцать шестую годовщину со дня смерти В. И. Ленина советский народ отмечает в обстановке нового мощного подъема во всех областях социалистического хозяйства и культуры.

— Если бы наш бессмертный отец, великий Ленин, — говорит докладчик,— мог своими глазами видеть, что сделано коммунистической партией и советским народом за последнюю четверть века!

Если бы великий Ленин мог видеть десятки и сотни тысяч тракторов, сотни первоклассных заводов, электростанций, шахт, рудников, нефтяных промыслов на необозримых пространствах нашей Родины, где еще в 1921 году царила патриархальщина и полудикость. Если бы великий Ленин мог видеть тысячи наших передовых стахановцев, наших передовых колхозников и колхозниц, тысячи славных Героев Социалистического Труда, своей самоотверженной, творческой работой создающих образцы той высшей производительности труда, которая необходима для постепенного перехода к коммунизму...

Если бы великий Ленин мог видеть десятки и сотни крестьянских делегаций из стран народной демократии на наших колхозных и совхозных полях...

С какой гордостью за нашу партию, за наш народ повторил бы Владимир Ильич свои пророческие слова, сказанные на XI съезде партии:

«Никакая сила в мире, сколько бы зла, бедствий и мучений она ни могла принести еще миллионам и сотням миллионов людей, основных завоеваний нашей революции не возьмет назад, ибо это уже теперь

не «наши», а всемирно-исторические завоевания».

— Выполняя ленинские заветы,— продолжает тов. Поспелов,— советский народ под руководством коммунистической партии, под мудрым водительством великого продолжателя бессмертного дела Ленина — товарища Сталина уверенно идет к коммунизму.

И нет такой силы в мире, которая могла бы остановить неудержимое движение **советских людей к коммунизму!**

Тов. **Поспелов заканчивает доклад здравицей великому и непобедимому знамени Ленина—Сталина, героической партии Ленина—Сталина, великому советскому народу, борцам за мир во всем мире, здравицей в честь любимого вождя, отца и учителя, светлого гения человечества, ведущего советский народ к торжеству коммунизма,— в честь Иосифа Виссарионовича Сталина.

Эти слова встречаются бурными, долго не смолкающими аплодисментами. Все **встают и горячо приветствуют товарища И. В. Сталина.**

↑ **ТОРЖЕСТВЕННО-ТРАУРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ XXVI ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ СМЕРТИ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА.** В президиуме (слева направо): товарищи **П. Н. Поспелов, П. К. Пономаренко, А. Н. Косыгин, А. И. Микоян, Чжоу Энь-лай, Н. А. Булганин, Мао Цзе-дун, Л. П. Берия, И. В. Сталин, Г. М. Маленков, М. А. Суслов, Н. С. Хрущев, М. Ф. Шкирятов, Н. М. Шверник, В. М. Молотов, В. В. Кузнецов, К. Е. Ворошилов.**

Фото Дм. Бальтерманца

Кадр из фильма «Падение Берлина». В роли И. В. Сталина М. Геловани.

«ПАДЕНИЕ БЕРЛИНА»

М. ЧИАУРЕЛИ,
лауреат Сталинской премии

С огромным успехом идет на экранах страны цветной художественный фильм «Падение Берлина». Эта постановка, осуществленная коллективом «Мосфильм» под руководством одного из крупнейших советских киномастеров, народного артиста СССР М. Чиаурели,— новая победа советского киноискусства.

Вдохновенно и просто рассказывает фильм о патриотизме и мужестве советских людей и их боевых подвигах.

С глубоким волнением следят зрители за историческими событиями, развертывающимися на экране. Вместе с героями картины они снова переживают годы Великой Отечественной войны, незабываемые дни Победы, одержанной под водительством великого Сталина.

Высокие идейно-художественные достоинства этой киноэпопеи, глубоко содержательный сценарий, мастерство режиссуры, талантливый актерский ансамбль, прекрасные цветные съемки, выразительная музыка — все это делает фильм «Падение Берлина» выдающимся произведением советской кинематографии.

Публикуемая статья постановщика фильма М. Чиаурели знакомит читателя с историей создания этой замечательной кинокартины.

Высокий патриотизм советского народа, так ярко выявившийся в Великой Отечественной войне, навеки останется драгоценнейшим источником вдохновения и творчества для наших художников. О подвигах советских людей в Великой Отечественной войне уже написано много романов, повестей, поэм; они воспеты в музыке, живописи, скульптуре, киноискусстве. Но тематика эта неисчерпаема, так же, как неисчислимы героические деяния людей, отстоявших свою Родину от фашизма и готовых и впредь отстоять ее от посягательств врагов.

Во мне давно жила мечта поставить фильм о героической Советской Армии, о гениальном полководце товарище Сталине, создать произведение о вожде и народе, об их несокрушимом единстве,— произведение, в котором были бы отражены страницы бессмертной эпопеи разгрома гитлеризма. И когда я узнал, что писатель П. Павленко охвачен той же мечтой, я предложил ему объединить наши усилия и приступить к совместной работе над сценарием.

Начались долгие дни упорного труда по созданию сценария. Кропотливо изучались материалы Великой Отечественной войны: исторические документы, записки, дневники, литературные произведения, написанные самими участниками войны. Подолгу беседовали мы с солдатами и офицерами, штурмовавшими рейхстаг и рейхсканцелярию; вместе с командирами танковых подразделений исходили плацдарм наших войск на Одере и Зееловские высоты, где шли ожесточенные бои за Берлин. Был изучен материал о последних днях жизни Гитлера и его окружения.

Соблюдая документальную и хронологическую точность, мы в то же время строили сценарий на острых драматических положениях в личных судьбах простых советских людей.

Когда сценарий был закончен, начался другой, очень сложный период работы — создание кадров будущего фильма: надо было с помощью актеров воплотить образы сценария, описания боев превратить в картины сражений, правдивые и исторически точные.

Огромную ответственность налагал на нас выбор исполнителя роли И. В. Сталина. Мы предложили эту роль артисту М. Геловани, который уже воссоздал образ гениального вождя в фильмах «Великое зарево» и «Клятва». В «Падении Берлина» артист рисует образ товарища Сталина не только как мудрого политика и государственного деятеля, но и как величайшего полководца, гения военной мысли, творца новых принципов военного искусства, творца всех наших побед.

Одна из главных ролей фильма — роль знатного сталевара и отважного воина Алексея Иванова. В этом герое надо было отразить черты нового человека, человека сталинской эпохи, воспитанника советского завода, как бы воплотившего в себе опыт нескольких поколений умелых русских людей, показать революционную страсть новатора социалистической промышленности, для которого труд — дело чести, славы, доблести и геройства. Этот человек целиком отдается порученному ему Родиной делу.

У мартеновской печи он ставит рекорды скоростных плавок, в борьбе против фашистских захватчиков, осквернивших его Родину, разрушивших его завод, убивших его мать, угнавших его невесту в рабство, он проявляет исключительное мужество и отвагу.

На эту роль мы пригласили киноактера Бориса Андреева, создавшего в кино немало обаятельных образов русских людей. Впервые ему была поручена героическая роль, и Андреев раскрылся в ней, как актер большого драматического таланта. Он работал с большим увлечением и нашел нужные краски для обрисовки характера своего героя. Его Алексей прост, но не простоват, эмоционален, но не сентиментален.

Подстать Андрееву оказалась его партнерша, молодая актриса Московского Художественного театра Марина Ковалева. Она играет центральную женскую роль — учительницы Наташи Румянцевой. Трагические переживания Наташи, угнанной фашистами в рабство в Германию, требовали от актрисы большого драматического мастерства. Ковалева оказалась достойной воспитанницей Художественного театра. Она с неподдельной искренностью и сердечностью рисует облик чистой русской женщины, стойкой советской патриотки.

Роль Гитлера в «Падении Берлина» играет артист Малого театра В. Савельев. Ненависть советского человека к коварному и опасному врагу, объединившему черные силы реакции и принесшему человечеству неисчислимые бедствия, помогла Савельеву реалистическими средствами, правдиво и сильно показать вызывающий отвращение образ зловещего фюрера третьего райха.

С вдохновением работал весь коллектив над двухсерийным цветным фильмом «Падение Берлина». Особо надо сказать об одной группе участников постановки — офицерах и солдатах Советской Армии, снимавшихся в батальных сценах. Съемки, проводившиеся в исторических местах, в точности воспроизводят бои, участниками которых были эти офицеры и солдаты при наступлении на Берлин. Огромное волнение, которое охватило бойцов, когда им пришлось вновь пережить незабываемые события их жизни, внесло в фильм ту атмосферу доподлинности, которая так дорога в произведениях искусства. Солдаты и офицеры аккуратно посещали также просмотры отснятого материала, и их суждения о качестве тех или иных вариантов батальных кадров мы часто безоговорочно принимали.

Представители Советской Армии помогали нам всячески. Однажды, когда выяснилось, что актер, приглашенный на роль солдата Юсупова, не сможет принять участие в съемках, старший лейтенант А. Уразалиев вызвался сыграть эту роль. Он создал правдивый образ бойца-патриота.

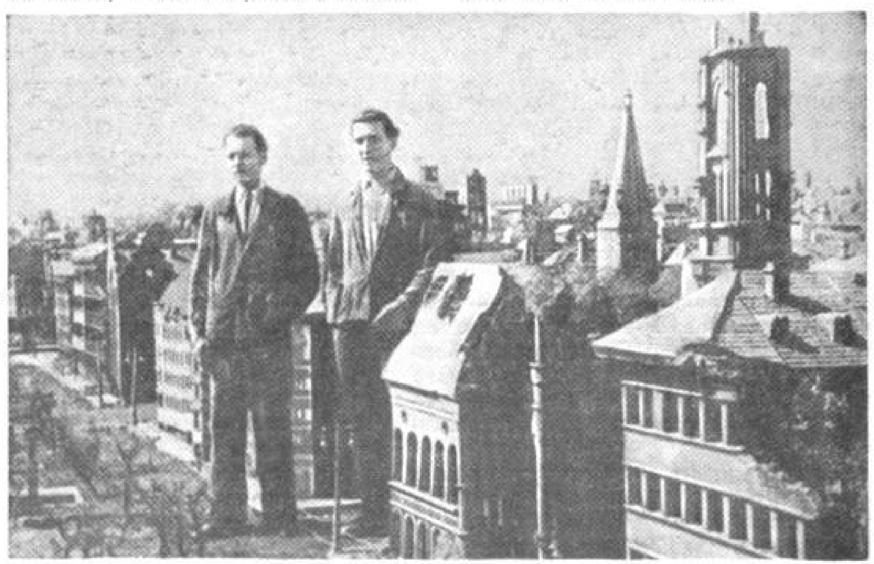
В работе над «Падением Берлина» произошла моя первая творческая встреча с выдающимся советским композитором Д. Шостаковичем. Седьмая симфония Д. Шостаковича, написанная им в годы войны в блокированном Ленинграде, представлялась мне бесспорной основой музыкального оформления батальных сцен фильма. Композитор написал для «Падения Берлина» глубоко народную мелодичную музыку, которая органически сливается с драматургией фильма.

Говоря о постановке картины, надо сказать и о мастерах, создававших ее изобразительную часть. Операторы Л. Косматов, В. Николаев и И. Панов, оператор комбинированных съемок Б. Арецкий, художники В. Каплуновский, А. Пархоменко и Л. Александровская добились убедительного композиционного и цветового решения фильма.

Хотя вся картина снималась в подлинных местах исторических событий, нам пришлось для изображения пожара и бомбардировки Берлина в дни штурма построить колоссальный макет, воспроизводящий в точных масштабах копии берлинских улиц и домов. Макет этот — уникальное явление в декорационной технике, и подобного ему кинематография не знала за все время своего существования.

* * *

Фильм закончен и вышел на экран. Сумели ли мы достаточно ярко рассказать советским людям о суровых и героических днях Великой Отечественной войны? Сумели ли достойно отразить на экране осуществление гениального стратегического замысла товарища Сталина? Сумели ли донести те мысли и чувства, которые хотели вложить в фильм? Ответ на это даст наш зритель — самый благожелательный и вместе с тем самый взыскательный критик и судья советских художников.

Макет Берлина, воспроизводящий берлинские улицы и дома.

НОВЫЕ ХОЗЯЕВА

Ив. ЛАПОНОГОВ

Рабочие Чепельского завода в Будапеште заключают между собой договор на соревнование.

«ТЫ РАБОТАЕШЬ НА СЕБЯ...»

Нельзя сказать, чтобы этот телефонный разговор был для Антала Тот совершенно неожиданным. Внутренне он уже был к нему подготовлен: давно зрела у него мысль помериться силами со своим «соперником», об успехах которого, как и об его собственных успехах, уже несколько раз сообщали газеты...

Фактически два лучших токаря Венгрии уже соревновались. Разговор по телефону лишь сделал этот трудовой поединок гласным. На следующий день о нем узнали многотысячные коллективы рабочих комбината «Вейс Манфред» в Чепеле и металлургического завода в Диошдьере, узнала вся страна.

«Антал Тот, лучший токарь Чепеля, и Оскар Байер, первый токарь Диошдьера, вступили в трудовое соревнование»,— было напечатано в этот день жирными аншлагами в центральных венгерских газетах.

Новое, до недавних пор неведомое, пришло к рабочим венгерских заводов и фабрик — чувство высокого трудового достоинства. Вот почему коллективы обоих промышленных гигантов так пристально и ревниво следили за успехами двух «соперников».

Трудовое соревнование стало общевенгерским, оно отразило поворот в сторону социализма, происшедший не только в экономике страны, но и в сознании рабочих.

Как-то довелось мне беседовать на эту тему с работницей завода «Хунгария» Шандорне Мурански. Эта сорокадвухлетняя упаковщица столярного клея оказалась в числе первых двух тысяч ударников страны, награжденных специальными значками.

— Подумайте только, на праздничной демонстрации я шла в первом ряду нашей колонны! — торжествующе восклицала она. — Потом я стояла на трибуне, а на груди у меня горел значок. Ничего, кажется, особенного я не сделала, только упаковывала клей, как и раньше,— правда, вырабатывала больше в полтора раза. И образования у меня всего четыре класса. А разговаривают теперь со мной, как с ученым или героем.

— Яй де сеп! До чего же красиво! — не удержалась она от характерного венгерского выражения восторга. — До того все это хорошо, что, кажется, будто видишь красивый сон!..

Новое отношение венгерских рабочих к труду — прямой результат коренных перемен в экономике, в общественном строе Венгрии. Уже в день национализации промышленности на всех предприятиях Будапешта пестрели плакаты и воззвания, обращенные к рабочим.

«Помни,— говорили плакаты,— сегодня ты работаешь уже не на капиталиста,— ты работаешь на себя». «Страна стала твоей, ты строишь ее для себя».

Люди из народа пришли к руководству фабриками и заводами, рудниками и нефтепромыслами, энергичные и рачительные хозяева, преданные интересам трудящихся. Йожеф Мекиш 25 лет проработал токарем на заводе «Хофнер Шранц». Теперь он стал директором сталелитейного завода в Шалготарьяне. За короткое время под его руководством завод добился увеличения выпуска продукции на 60 процентов.

Почти одновременно получил назначение на пост директора крупнейшего в стране металлургического завода в Диошдьере вчерашний рабочий Ференц Херцен.

Трудовой путь нынешнего директора одной из самых больших текстильных фабрик Венгрии, бывшей работницы-поденщицы Йожефне Несведе начался на кирпичном заводе. Потом молодая работница перешла на текстильную фабрику, и здесь после освобождения страны ее избрали председателем фабкома. Затем, когда предприятие было национализировано, ее назначили директором.

Мне рассказывали, что работники фабричной конторы вначале даже растерялись, не знали, как величать нового директора. По старому венгерскому обычаю, вышедшая замуж женщина теряет свое имя и называется именем мужа. Йожефне Несведе — значит примерно жена Йожефа Несведе. Называть так директора крупной фабрики казалось нелепым. Здесь встретилось новое со старым, пережившим себя...

Таковы люди, ставшие во главе промышленных предприятий новой Венгрии после их национализации.

В том же Шалготарьяне, где я познакомился с первым рабочим-директором, довелось мне беседовать и с первым на этом заводе рабочим-рационализатором. Токарь Янош Вагнер изготовил приспособление к металлорежущему станку и увеличил его производительность в пять раз. На этом пытливая мысль рационализатора не остановилась.

— Я теперь готовлю новый станок, — сказал Вагнер. — Нужно давать больше продукции. Для себя ведь работаем, для родины.

Мастер Лишка изобрел собственный паяльный состав. Инженеры помогли ему в этом. С воодушевлением говорит изобретатель:

— Этот паяльный состав Венгрия покупала раньше в Англии и платила за него большие деньги, притом в валюте. Теперь обойдемся без англичан, наш состав дешевле и не уступает по качеству.

Так могут рассуждать только люди, почувствовавшие себя хозяевами своей страны. В Озде, другом промышленном центре Северной Венгрии, и в Дьере за Дунаем, и на Чепеле — всюду я встречал таких людей, беспо-

Чепельский завод посетил лауреат Сталинской премии токарь Павел Быков. Здесь он ознакомил со своим методом труда рабочих завода. Токарь Имрэ Муска, перенявший метод Быкова, теперь выполняет свою норму на 800 процентов. На снимке: токарь Имрэ Муска (справа) обучает рабочих своей бригады скоростному резанию металла.

Фото Г. Омельчука (Фотохроника ТАСС)

В ДОБРЫЙ ЧАС

Александр КОВАЛЕНКОВ

1. ХОРОШИЙ ДЕНЕК

Бегут за лыжниками елки,
Роняя с веток хрустали,
Их изумрудные иголки
Блестят в серебряной пыли.

В пушистом инее, в пороше
Цветет и дремлет зимний сад.
— Ну, до чего ж денек хороший! —
Березы солнцу говорят.

Садись, как школьник, на салазки,
Со свистом пòд гору лети;
О том, что жизнь прекрасней сказки,
Расскажет ветер по пути.

А в том, что юность возвратима,
Коньки распишутся на льду,
И все, что сызмальства любимо,
Коснется сердца на лету.

Такая свежесть ключевая,
Такой денек плывет в зенит,
Как будто, глаз не отрывая,
Заветный друг на нас глядит.

2. ПЕСНЯ

Всем, друзья, бывает нелегко,
Если сердце милой далеко,
Если дом за тридевять земель,
А в пути туманы и метель.

Но затем и крылья нам даны,
Чтоб дороги не были длинны,
Чтоб летать высóко-высокó,
Чтоб дышать свободно и легко.

Над раздольем пашен и морей
С каждым днем все выше и быстрей
Голубым заоблачным путем
Наши самолеты мы ведем.

Ведь затем и крылья нам даны,
Чтоб дороги не были длинны,
Чтоб летать высóко-высокó,
Чтоб дышать свободно и легко.

Велика Советская страна,
Беспредельна неба вышина,
Но везде Москва для нас близка,
Близок дом, разлука коротка.

Ведь затем и крылья нам даны,
Чтоб дороги не были длинны,
Чтоб летать высóко-высокó,
Чтоб дышать свободно и легко.

3. МОЛОДОСТЬ

Пускай душа не знает холода,
Как ясный день, как сад в цвету,
Пусть будет вечно сердце молодо,
Добром встречая доброту.

Пускай печаль с тобой расстанется,
Уйдет в дремучие леса,
Пусть красота твоя достанется
Тому, кто верит в чудеса.

Пускай по-русскому, по-нашему
Ты будешь милому верна
И навсегда любовь отдашь ему,
Без оговорок, всю, сполна.

Пусть жизнь свои уложит тяжести
В мешок походный за плечом,—
Ведь все дороги шире кажутся,
Когда идешь по ним вдвоем.

койных и пекущихся об интересах государства, как о своих собственных.

На одном из предприятий в Кишпеште я услышал фразу, которая врезалась мне в память.

В цехе во время перерыва обсуждался вопрос о производственных нормах. Большинство горячо поддерживало предложение группы передовых работниц: привести нормы в соответствие с новым уровнем техники и организации труда. Двое или трое возражали. И тогда слово взяла Йожефне Кусти. Собственно, слова эта сухощавая невысокая женщина с сединой в волосах и не просила. Она просто прошла между станками, протиснулась к столику, обвела всех взглядом пытливых глаз и громко сказала:

— Я думаю так: фабрика теперь наша, народная. Так разве же не ясно, что мы должны работать быстрее и лучше, чем работали на капиталистов? Так трудятся русские стахановцы,— и у них надо нам теперь пример брать, вот у кого!..

ПО ПРИМЕРУ СТАХАНОВЦЕВ

В предгорьях Западных Карпат, у города Мишкольца, раскинулись корпуса крупнейшего в стране металлургического предприятия — Диошдьерского завода. В период войны мишкольцские рабочие показали свою политическую зрелость — они всячески саботировали выполнение военных заказов для фашистской армии. Когда гитлеровцы под ударами советских войск начали поспешно откатываться на Запад, рабочие Диошдьера спрятали часть заводского оборудования и тем самым спасли его от разграбления.

Здесь после освобождения Венгрии зародилось движение новаторов производства. Возглавил его уже известный нам Оскар Байер, лучший токарь Диошдьера, руководитель местной организации компартии.

На многих заводах и фабриках возникли новаторские бригады, которые решили работать по методу советских стахановцев. На заводе «Эльсет» первую такую бригаду создал передовой рабочий Иштван Хабингер.

— Внедрением новых методов труда,— рассказывает Хабингер,— мы хотим помочь заводу добиться лучших показателей. Наша бригада обязалась за 10 месяцев сэкономить 10 тысяч рабочих часов.

Большие перемены произошли на текстильной фабрике в Кишпеште. Ткачихи, работавшие на шести станках, перешли на обслуживание восьми, а в автоматическом ткацком цехе — на 16 станков.

В Уйпеште, на текстильной фабрике «Мадьяр памутипар», бездействовала часть станков: нехватало ткачих. Однажды к мастеру подошла ткачиха Берта Марта.

— Не годится это,— сказала она, указывая на бездействующие станки. — И государству убыток, и народ меньше тканей получит. Слышала я о работе советских ткачих-многостаночниц. А разве у нас нельзя бы применить их метод?

И теперь Берта Марта работает уже не на шести станках, как прежде, а на десяти. Ее примеру последовали некоторые другие ткачихи «Мадьяр памутипар».

Во всех отраслях промышленности передовые люди все шире применяют богатый опыт советских стахановцев. Этот передовой опыт становится могучим рычагом подъема всего народного хозяйства Венгрии, помогает венгерским трудящимся переходить в новый, высший класс работы.

Железнодорожники Венгрии показали образец прекрасной работы в первые послевоенные годы. С помощью советских инженерных войск они быстро восстановили железнодорожный транспорт и наладили нормальное движение на дорогах. Однако бурное развитие венгерской экономики поставило перед транспортом новые, повышенные требования.

Трудно сказать, кто из венгерских машинистов первым перенял опыт советских машинистов-тяжеловесников. Скорее всего это сделало несколько лучших паровозных бригад одновременно.

Вначале был рекордным рейс бригады машиниста Варга, которая провела из Мишкольца в Хатван железнодорожный состав из 99 вагонов, общим весом в 2,5 тысячи тонн. Но уже через пять дней этот рекорд затмила бригада машиниста Вереш: она доставила в Сольнок состав весом в 2,7 тысячи тонн. Прошло еще несколько дней, и страна узнала новое имя. Это был машинист Ласло Папп. Его паровозная бригада провела состав с грузом в 2713 тонн от Дебренца до Сольнока в рекордно короткий срок.

Так началось движение венгерских железнодорожников за скоростное вождение тяжеловесных поездов.

Передовые токари Венгрии начинают применять резку металла по методу советских токарей-скоростников. Этому не так давно была посвящена производственная конференция на тракторном заводе «Хофнер Шранц» в Будапеште. Сюда прибыли токари-новаторы со всех концов страны.

По пятилетнему плану завод должен выпустить 20 тысяч тракторов, то есть в два раза больше, чем их было выпущено за 20 лет старого режима. Недавно завод изготовил первые образцы дизельного трактора. На очереди серийный выпуск комбайнов, которых еще никогда не видели венгерские поля.

Токарь Лайош Орос рассказал гостям об освоении методов советских скоростников. Он говорил, и по его словам было видно, что свою новаторскую работу он ощущает как составную часть плана преобразования страны. Простые рабочие в этой стране народной демократии начинают мыслить масштабами всего предприятия, всей страны.

* * *

Вспоминаю свой разговор с одним венгерским журналистом сразу после его возвращения из поездки в Советский Союз.

— Знаете,— сказал он,— чтò мне особенно бросилось в глаза в вашей стране? Спокойная уверенность советских людей в себе, в своей стране. Они шагают по жизни с гордо поднятой головой. Как это у вас поется: «Человек проходит как хозяин необъятной родины своей...»

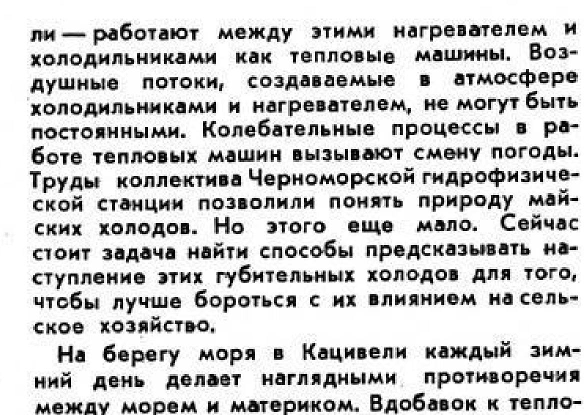
Сегодня таким хозяином своей страны стал и венгерский труженик. Дьердьне Оркан, работница одного из заводов на Чепеле, сказала недавно:

— Народная демократия показала, что наша страна действительно принадлежит народу. Если бы это было не так, мои дети, дети простой работницы, никогда не попали бы в академию имени Кошута, где они теперь учатся...

Эти слова Оркан произносила, подписываясь на первый государственный заем, выпущенный венгерским правительством. Самый факт выпуска займа, его быстрая реализация — явление весьма знаменательное и характерное для новой Венгрии. Трудящийся народ этой страны строящегося социализма решил дать свои сбережения родному государству, чтобы помочь ему выполнить грандиозную программу первой пятилетки. В этом, как и в новаторском движении, как и в трудовом соревновании, сказывается новое положение, которое занимают трудящиеся в народно-демократической Венгрии.

ИССЛЕДОВАТЕЛИ МОРЯ

А. МОРОЗОВ

Академик В. В. Шулейкин.

Штормовые волны с белыми султанами пены грозно идут на черные камни, перед каждым ударом как будто приседая, чтобы лучше броситься на врага. Высоко взлетают мельчайшие брызги, и в воздухе, где они клубятся, тянется дрожащая полоска радуги. Метрах в сорока от берега одиноко возвышается скала с совершенно отвесными боками. Окруженная пеной, она напоминает фантастического морского коня.

Но впечатление чего-то сказочного исчезает, когда замечаешь на скале железную раму с изоляторами. Электрические провода, бегущие от этой рамы, связывают приборы в море с белым домом Черноморского отделения Морского гидрофизического института Академии наук СССР. Провода сходятся на центральном посту самопишущих приборов. С трудом верится, что движение легких стрелок приборов и тончайших перьев, ведущих записи на бумажных листах,— отражение бури, свирепствующей снаружи.

На плоской крыше здания возвышаются мачты с анемометрами, непрерывно записывающими скорость ветра. Словно огромный подсолнечник, поворачивается за солнцем зеркало, управляемое часовым механизмом. Столб света, отраженного зеркалом, попадает в первый этаж, где изучают морскую воду. За стеклом лабораторных сосудов неподвижно застыла та самая горько-соленая вода, которая сейчас тяжко ударяется о корпусы судов, мутными потоками заливает палубы.

Здесь, в Кацивели, измеряется и исследуется все, что относится к жизни моря и атмосферы. Тщательно ведутся наблюдения за солнцем — источником движения в море и в воздухе. Детально изучается тепловой баланс моря, который подводят неустанные «счетоводы» — самопишущие приборы. Волны, течения и окраска моря, его звуки, движение рыб и других обитателей пучины — все эти явления рассматриваются как звенья одной цепи, позволяющей человеку проникать в глубокие тайны моря.

Мореплаватели древности со всеми подробностями описали водоворот в океане, засасывавший каждый приближавшийся корабль. Они нанесли на карты море, заросшее водорослями,— заколдованное царство. Там навеки замирали суда, охваченные чудовищными растениями. Есть на старых океанских картах даже легендарные Острова раненых, где среди неувядающих цветов и чудесных деревьев блаженствуют герои, умершие от ран, полученных в боях. В наши дни никто не верит в эти сказки. Сейчас океаны уже в значительной части описаны. Но физические явления, происходящие в них, лишь начинают изучаться.

Роль Морского гидрофизического института Академии наук СССР в этом изучении велика и своеобразна. Двадцать лет назад катер Ялтинского торгового порта высадил у Кекенеизского мыса, у поселка Кацивели, мирный научный «десант» с физическими приборами, предназначенными для исследования моря. Так была основана первая в мире Морская гидрофизическая станция. Высадку «десанта» заранее подготовил тогда молодой советский ученый Василий Владимирович Шулейкин, внимание которого привлек этот мыс.

За два года до того по южному берегу Крыма пробежала сокрушительная волна землетрясения. Толкнула она и дома в Кацивели. Стены их пронизали сквозные трещины, угрожающе навис потолок. Тревогой и запустением веяло здесь, но В. В. Шулейкин сразу решил, что это место очень подходит для морской станции.

С цементной площадки перед домом, как с капитанского мостика, открывалось Черное море — этот осколок мирового океана с глубинами свыше 2 тысяч метров, со штормовыми океанскими волнами. Большие глубины у берега не искажают волн, а ветер разгуливает над Кекенеизским мысом, как в открытом море, потому что цепь Яйлы отсюда достаточно далека. Приливы здесь ничтожны и не влияют на ветровые прибрежные течения, изучение которых представляет большой интерес для мореплавания. О лучшем месте для гидрофизической станции, занятой изучением моря,— не Белого, Черного, Красного, Желтого, а моря вообще,— нельзя было и мечтать.

* * *

Море, словно губка воду, жадно поглощает тепло в жаркое время года. Когда же наступают холода, оно щедро отдает тепло атмосфере. Совсем недавно океанографы о тепловой жизни моря в своих научных трудах рассказывали только в главе «Статика моря». А между тем ею объясняется возникновение штормов и ураганов — явлений, никак не укладывающихся в понятие статики. На Черноморской гидрофизической станции впервые были разрушены традиции, проводившие в науке резкую грань между морем и атмосферой. Это привело к замечательным результатам: к возможности заранее предсказывать сроки замерзания и вскрытия ледовитых морей, вычислять потоки тепла, приносимого с океанов на материки. Исследуя тепловые противоречия между океаном и атмосферой, В. В. Шулейкин построил теорию работы величественных тепловых «машин» в атмосфере.

Представьте себе земной шар и солнце, облучающее его теплом. Благодаря неравномерному нагреву в тропических зонах образуется «нагреватель», а в Арктике и Антарктике — «холодильники». Атмосфера и гидросфера — воздушная и водяная оболочки земли — работают между этими нагревателем и холодильниками как тепловые машины. Воздушные потоки, создаваемые в атмосфере холодильниками и нагревателем, не могут быть постоянными. Колебательные процессы в работе тепловых машин вызывают смену погоды. Труды коллектива Черноморской гидрофизической станции позволили понять природу майских холодов. Но этого еще мало. Сейчас стоит задача найти способы предсказывать наступление этих губительных холодов для того, чтобы лучше бороться с их влиянием на сельское хозяйство.

На берегу моря в Кацивели каждый зимний день делает наглядными противоречия между морем и материком. Вдобавок к тепловым машинам, которые работают благодаря различию в прогреве тропических и полярных поясов Земли, тут возникают тепловые машины иного рода. Зимой океан и даже малые внутренние моря служат нагревателями, а материки — холодильниками. Летом они меняются ролями: материки становятся нагревателями, а океаны — холодильниками. Если береговая линия отклоняется от простой прямолинейной формы, это сказывается на воздушной «борьбе» между морем и материком: против остроконечных мысов особо крепчают зимние ветры в море, против остроконечных заливов усиливаются ветры на материке.

Работники Морского гидрофизического института много плавали в отечественных морях и за их пределами — на просторе мирового океана. Они видели тропические смер-

Скала «Монах», простоявшая тысячи лет.

Осколки этой скалы после сильного шторма.

чи и северную пургу, налетающую мощными «зарядами». Они видели громадную океанскую зыбь, вырывавшуюся из областей, потревоженных тайфунами, слышали свист ветра в снастях по соседству с остроконечным мысом Желания на севере Новой Земли. Однако без долголетней будничной работы на черноморском мысу им не удалось бы обобщить опыт плаваний, не удалось бы обнаружить причины возникновения настоящих «очагов бурь» против остроконечных мысов в океане и остроконечных заливов на материке.

* * *

Бывают дни, когда море и воздух словно застывают. Вода совершенно неподвижна и необыкновенно прозрачна. Прибрежные камни, покрытые бахромой морских трав всех цветов, кажутся врезанными в стекло. Сказочно красива прибрежная полоса в такие часы, казалось бы, особенно благоприятные для морских обитателей. Но, внимательно вглядываясь в зачарованную воду, вдруг поражаешься: где же ее население? Почему она сегодня так пустынна? Нет маленьких суетливых морских собачек, скрылись куда-то креветки, будто растаяли бесчисленные белые пятна медуз. Не видно даже мраморных крабов, обычно кишащих среди камней. Словно мутные брызги, далеко на суше прыгают морские блохи, всегда копошащиеся у самой воды.

Объяснение всех этих странных явлений приходит спустя несколько часов. Море постепенно нахмуривается, на нем появляется сердитая серая зыбь, потом все более частые волны. Горе живым существам, попавшим сейчас в каменную мясорубку прибоя! Можно подумать, что прибрежное население заранее получило какие-то таинственные сигналы и убралось подальше, забилось в самые глубокие подводные норки. Работы Черноморской гидрофизической станции доказали, что «штормовой сигнал», неуловимый для слуховых органов человека, действительно существует и что, вероятно, именно этот «голос моря» предупреждает маленьких ракообразных, живущих в прибрежной гальке, и рыб, обитающих на мелководье.

Однажды аэролог гидрографической экспедиции в Карском море В. А. Березкин, перед тем как отпустить на волю резиновый шар-зонд, наполненный водородом, поднес его к уху В. В. Шулейкина. Когда резиновая оболочка находилась примерно на расстоянии одного сантиметра от ушной раковины, в ухе появилась сильная боль.

Аэрологи не раз подмечали это явление, но считали его не заслуживающим большого внимания. Мало ли какие причины могли вызвать его? Приехав в Москву, В. В. Шулейкин повторил опыт в хорошо оборудованной лаборатории. Приложенный к самому уху резиновый шар произвел здесь не больший эффект, чем простой кусок дерева: никаких болевых ощущений он не вызывал. Следовательно, секрет, очевидно, заключался в соседстве моря. В Кацивели ученый установил, что боль в ухе причиняется только вблизи моря шаром, наполненным водородом.

Где-то далеко бушует шторм. Ветер вызывает в воздухе колебания, не улавливаемые человеческим ухом,— инфразвуки. Инфразвуки нередко являются сигналами беды; извержения вулканов, землетрясения, обвалы в горах сопровождаются неслышными звуками. Оказалось, что свой язык имеет и шторм. Со скоростью звука инфразвуковые колебания несутся над поверхностью взволнованного моря, распространяются во все стороны и достигают мест, где волн еще совсем нет. Инфразвуки обгоняют любой штормовой ветер, и поэтому «голос моря» предупреждает о буре за несколько часов до того, как она налетает.

Почему же именно аэрологам суждено было первыми столкнуться с действием «голоса моря»? Воздушный шар-разведчик, наполненный водородом, находясь на пути инфразвуков, представляет собою участок среды, акустические свойства которой резко отличаются от акустических свойств воздуха. Как всегда в таких условиях, происходит отражение распространяющихся колебаний, и они заметно воздействуют на пограничную среду — в данном случае резиновую оболочку. Эта оболочка превращается в усилитель «голоса моря», потому что она резонирует на инфразвуковые волны, усиливая их, подобно каждому резонатору.

Резина — ненадежный материал, да и водород, образующий взрывчатую смесь, внушает мало доверия. Сотрудник станции Доброклонский построил новый резонатор для «голоса моря». Он соорудил большой железный жбан с узким длинным горлышком и электрической ловушкой, отзывающейся на инфразвуковой «ветер», возникающий в горлышке резонатора.

К сожалению, местный ветер маскирует инфразвуковые колебания несущегося издалека «голоса моря». Лишь редко, при полном местном штиле удается поймать предостережение о надвигающемся шторме. Много лет Доброклонский старается преодолеть маскирующее влияние местного ветра. Задача чрезвычайно трудна. Но теперь уже есть надежда, что в недалеком будущем проблема будет решена, и тогда на кораблях, на маяках, в портах, в рыбачьих поселках установят автоматические приемники «голоса моря».

* * *

«Человеку мало ответов на практические вопросы, диктуемые нынешним днем. Он всегда хочет заглянуть подальше вперед, хочет перегнать требования практики, чтобы потом, когда наступит очередь, ответить: «Я знаю...»

Это писал академик Василий Владимирович Шулейкин, и не раз он уверенно говорил «я знаю», когда практика требовала немедленного ответа на вопросы, относящиеся к морю. Изучение динамики, оптики и акустики моря имеет огромное значение для самых различных нужд морской техники.

Капитальный труд В. В. Шулейкина «Физика моря», удостоенный Сталинской премии,— ценный вклад в науку. В прошлом году издательство Академии наук СССР выпустило его книгу, рассчитанную на широкий круг читателей, «Очерки по физике моря».

Яркий, запоминающийся образ дает автор в начале «Очерков». Ненастный майский день в Петербурге в 1759 году. По набережной Невы идут люди, только что слушавшие доклад М. В. Ломоносова «Рассуждение о большей точности морского пути». Они смущены, даже встревожены, ибо в этой научной работе они увидели покушение на свой покой. «Зачем нам море? Хватит с нас и суши»,— думают они, с отвращением косясь на мелкую недобрую рябь на Неве. Эта картинка, нарисованная автором «Очерков», объясняет, почему замечательное творение Ломоносова почти двести лет пролежало в архиве, почему прекрасные приборы и аппараты, созданные русскими мореплавателями, попадали за границу, слегка видоизменялись там и начинали свое бесконечное путешествие по свету уже под чужими именами. Преклонение царских чиновников перед иноземцами приводило к тому, что ценнейшие мысли, высказанные русскими учеными-мореведами в их трудах, не получавших на родине должной оценки, иностранцы беззастенчиво приписывали себе. На картах мира стирались имена русских исследователей, открывших новые острова и земли, стирались и заменялись фамилиями «открывателей», увидевших те же края спустя много лет.

В нашей литературе В. В. Шулейкин первым поднял вопрос о приоритете русских исследователей во многих важнейших отраслях изучения моря. Первая глава «Очерков» — «Введение» — целиком посвящена этому. А все остальные главы показывают, как сейчас наши советские мореведы смело идут впереди иностранных, прокладывая новые пути в изучении тепловой жизни моря, его волн и окраски, звуковых и неслышных колебаний, движений рыб и других обитателей пучины.

Книга написана выдающимся знатоком моря, исследовавшим и обдумывавшим каждое явление, о котором он рассказывает в течение десятков лет. Читатель найдет в «Очерках» много поэзии и подлинной романтики, ощутит пульс напряженной работы и поймет, как коллектив Гидрофизического института добился серьезных успехов.

Карл Павлович Брюллов

(1799—1852)

Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя
Широко развилось, как боевое знамя.
Земля волнуется — с шатнувшихся колонн
Кумиры падают! Народ, гонимый страхом,
Под каменным дождем, под воспаленным прахом,
Толпами стар и млад бежит из града вон.

Эти строки принадлежат перу А. С. Пушкина. Они посвящены картине его современника Карла Брюллова «Последний день Помпеи». Сюжет картины, писанной художником в Риме, взят им из истории древнего города Помпеи, погибшего во время извержения вулкана.

Когда Брюллов возвратился в Россию в 1836 году, его встречали стихами:

Художеств мирные трофеи
Ты внес в отеческую сень.
И стал «Последний день Помпеи»
Для кисти русской первый день.

Успех «Последнего дня Помпеи» был полный и триумфальный. Брюллов единодушно был признан великим мастером.

Свою удивительную силу воздействия произведение Брюллова сохранило и по сегодняшний день. И сейчас многочисленные посетители Русского музея в Ленинграде восторгаются гением мастера, его драматическим изображением человеческих страданий, его необыкновенным мастерством рисовальщика, даром колориста.

После создания этой картины — одной из самых ярких страниц в истории русской живописи — Брюллов работал главным образом в портретной живописи. И здесь он оставил вечно живые холсты, герои которых думают, волнуются, радуются, страдают. В этих портретах он выступает убежденным мастером-реалистом. Думается, что нельзя лучше охарактеризовать портретную галлерею Брюллова, нежели это сделал Стасов:

«В своих портретах человек изображен так просто, так естественно, все самое существенное, самое важное в его характере, уме, душе схвачено так глубоко и живо, что точно видишь перед собой того человека, которого изображает портрет».

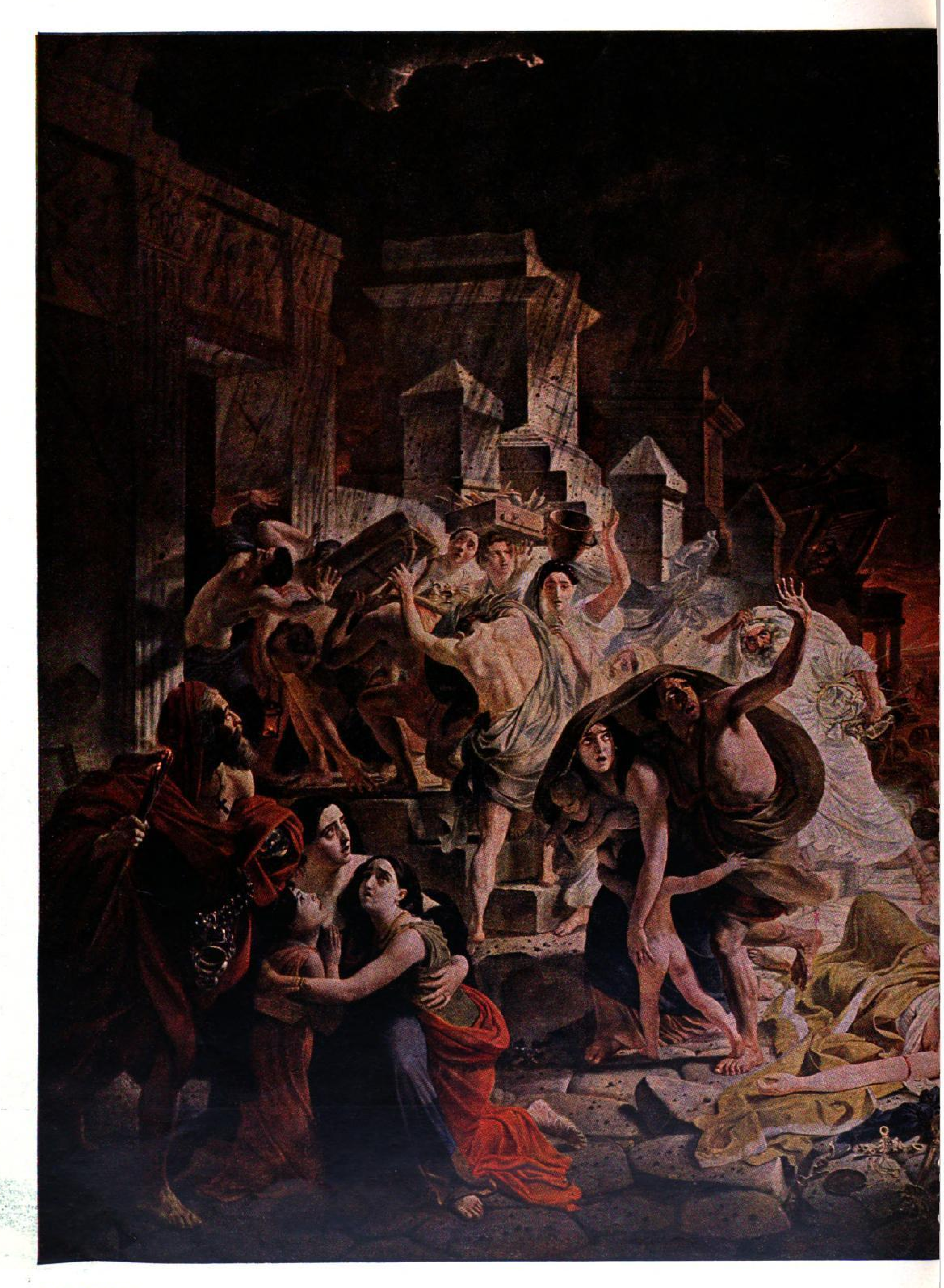
Имя К. Брюллова воскрешает в памяти блистательный ряд картин и портретов. Творчество великого русского мастера близко и дорого советским людям, недавно отмечавшим сто пятьдесят лет со дня его рождения.

К. П. Брюллов. АВТОПОРТРЕТ.

Государственный русский музей.

«Огонек». 1950.

К. П. Брюллов.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ.
Государственный Русский музей.

К. П. Брюллов. ПОРТРЕТ ОПЕРНОЙ АРТИСТКИ А. Я. ПЕТРОВОЙ (1841 г.).
Государственный русский музей.

Иван Данилович

Рассказ

Всеволод **КОЧЕТОВ**

Рисунки П. Голубь

Просыпаясь, Иван Данилович никогда не смотрел на часы, хотя каждую ночь они с поднятыми крышками неизменно лежали возле его изголовья на венском старинном стуле. К чему часы, если и без них — будь за окнами декабрьская сырая тьма или раннее июньское солнце — все равно известно, что времени семь, минута в минуту.

К подобной точности приучил Ивана Даниловича гудок. Гудок запевал сначала тонко, неуверенно, сипло, потом его голос креп, превращался в трубный, могучий гул, заполнял этим сотрясающим гулом все окрестные улицы и переулки, разливался по городу, откуда ему, как утренние петухи, отвечали гудки других заводов, и затем угасал, падал, будто складывал крылья.

Правда, гудки — это дело прошлое, они замолчали лет пятнадцать назад, в ту пору, когда в механических цехах сняли громоздкие трансмиссии и поставили к станкам деловито спокойные электромоторы. Но для Ивана Даниловича гудок умолкнуть не смог: сколько бы ни проходило лет, старик попрежнему слышал его в установленное время. В зимние месяцы соседи проверяли часы по окнам Ивана Даниловича: есть свет, значит, тоже пора вставать. А молодые ребята даже шутку пустили по цеху о том, что в голове у их мастера хитрая релюшка смонтирована с постоянной настройкой. Сработает в положенную минуту, и мастер уже шнурует штиблеты.

И вот неприметно подошли, подкрались такие дни, когда хитрая релюшка стала никому не нужной. Какой теперь толк, Иван Данилович, в том, что ты просыпаешься в семь? В цехе тебя не ждут. Можешь не шнуровать штиблеты, не включать чайник и не спешить к умывальнику. Можешь лежать под одеялом хоть до десяти, до одиннадцати — весь день, все сутки в твоем полном распоряжении, владей ими, как тебе нравится, как вздумается, как найдешь лучшим,— отдыхай.

Так и директор говорил на торжественном заседании заводского комитета.

— Мы провожаем сегодня,— говорил он,— нашего старейшего товарища. После более чем полувековой безупречной работы мы провожаем его на заслуженный отдых. Отдыхай, Иван Данилович! Это — твое законное право. Ты его собственными руками завоевывал в семнадцатом году, ты его собственным трудом отстаивал в дни Отечественной войны...

Хорошо говорил Василий Павлович, от всей души, от всего сердца. Но Иван Данилович, вдруг как-то особенно сильно ссутулившийся, в один день постаревший на добрый десяток лет, в каждом его слове слышал противоположный, только ему, наверно, и открытый страшный смысл. «Провожаем...» — думал он за столом президиума, положив руки на старческие, сухие колени.— Как на погосте, перед раскрытой ямой, речь. «Отдыхай...» — это взамен «спи спокойно...»

И когда директор задал вопрос, нет ли нужд каких у него или просьб к руководству, Иван Данилович ответил:

— Оставь пропуск, Василий Палыч...

Не то чтобы не захотел, просто не мог Иван Данилович уйти на покой. Пусть всякие врачебные заключения и экспертизы, пусть что хочет, то и постановляет завком, но в семнадцатом году и позже: на Пулковских высотах, под Ямбургом и Нарвой — он не только право на отдых отвоевывал — об этом меньше всего думалось в те времена,— а еще и право быть хозяином на своем заводе. Вот какое право у него нельзя было отнять! С пропуском, оставленным ему по специальному приказу директора, Иван Данилович продолжал ходить в цех. В семь часов просыпался, включал чайник, мылся, потом надевал пиджак, опускал в брючный кармашек тяжелые часы фирмы Павла Буре, и без четверти восемь вахтеры уже видели мастера из третьего механического у турникетов главной проходной. Ничто как будто бы не изменилось после того торжественного заседания завкома.

Внешне, может быть, ничто. Но между тем Ивану Даниловичу все труднее и горше становились эти бесплодные хождения в цех. Придет, толчется по привычке среди станков, все с ним здороваются, разговаривают дружески, приветливо, а кто и почтительно, особенно новый мастер, заступивший на его место, молодой инженер. Ну, поможет какому-нибудь Мишутке или Костьке: вместе сходит, выберет в кладовой приспособление, инструмент, наладит его — и только-то! Никто с него ничего не требует, обязанностей у него никаких. Получается, что не работник он здесь, а волонтер какой-то, вроде тех, которые в маленьких городках да в селах сбегаются во время пожара насос качать, и не столько помощи от них дружинникам, сколько помехи и беспокойства.

Понял это Иван Данилович и в цех ходить перестал. Дойдет до проходной, посидит со старыми друзьями на лавочке, покурит, о том, о сем потолкует. Друзья, понятно, на часы поглядывают и, как только доползает стрелка до без десяти восемь, торопливо суют руки: «Пока, Данилыч. Тебе что! Твое дело — гуляй — не хочу...» Говорят так, словно бы и завидуют его свободному положению, а Иван Данилович свое слышит в их голосах: не могут дружки скрыть сожаления.

В конце концов и вовсе не стал старый мастер выходить из дому. Поднимется с постели в установленный привычный час, сядет у окна, глядит на улицу, пока не схлынет с нее, не втянется в заводские проходные трудовой люд, занимается тем, что знакомых выискивает глазами в толпе. Вон фрезеровщик Гулякин с палочкой, прихрамывает. Хороший фрезеровщик! Командиром роты был на войне — к станку вернулся. Вон Кирилл Гаврилович, технолог. Ему всегда жарко, платка от лысины не отнимает. А вон дядя Саша, старый друг, семенит. В воскресенье зашел проведать, маленькую распили... Ругался, корил его, Ивана Даниловича, за уступку позиций перед врачами. Стучал кулаком по столу: «Ты же не так, чтобы и очень старый, Ваня! До семи десятков еще трех лет нехватает. С чего раскис-то! Нет, брат, меня так легко не возьмешь! Меня только ногами вперед из заводских ворот выпроводят. Нет, не иначе!..» Шумит и про то забывает, что у самого до семи десятков не трех лет нехватка, а целых четырнадцати.

Видит Иван Данилович длинный «зис» директора, шуструю серую машину кузнеца Батырева: накопил деньжат, обзавелся в прошлом году,— и под конец, когда уже пусто на улице, козлом несущегося поперек нее с батоном подмышкой Витьку Белоглазова.

— Ах, чертан! — через двойные рамы азартно кричит ему вдогонку мастер.— Опять проспал!..

Так, должно быть, и не сладить с этим Витькой никогда, так и будет он из года в год влетать в цех за полминуты до пуска моторов.

Иван Данилович оживляется, распекает мысленно непутевого токаренка. Но вот и Витька скрылся в проходной и... что же дальше? Дальше пустая, безлюдная, гулкая квартира, длинный коридор, в котором одному страшновато, ванная с кафельными плитками, где иной раз краны принимаются выть, как ведьмы на Лысой горе, кухня с водогрейным баком и холодильным шкафом. Всей семьей дивились и радовались этим штукам, получив новую квартиру за несколько лет до войны. Тогда четырех комнат было, пожалуй, и маловато. В самой большой устроили столовую, в боковой спальню оборудовали, ореховые кровати с Анной Филипповной завели. Третью комнату старший сын занял, Митя, над дипломным проектом месяцами табак переводил, дверь в коридор откроет — дымище клубами. «Пожарники, гляди, нагрянут!» — возмущалась Анна Филипповна. В четвертой, в последней, разместились Николка, студент приборостроительного, и Степан, школьник. Только младшая, Галка, тоже школьница, места определенного не имела, спала в столовой на диване, уроки за николкиным столом готовила, книжки вечерами в спальне почитывала.

Да, людно было, шумно, весело... Куда все подевалось? После войны опустела квартира — так опустела, что жить в ней сделалось невмоготу. Иван Данилович сам сходил в завком, заявил, чтоб занимали у него две комнаты. Заняли. Молодой конструктор Ласточкин въехал с женой. Но людней от этого не стало. Ласточкин с утра до ночи в конструкторской над новой какой-то машиной мозгует, веселая женка его, Леночка,— тоже не домоседка: из школы прибежит, где учительствует, обед быстренько сготовит, завернет кастрюльки в одеяла да и на курсы иностранных языков отправится.

Пока Иван Данилович работал, одиночества он такого не чувствовал. Весь день на народе, иной раз и вечером в цехе останется: дел у мастера хоть отбавляй; а если и не останется, придет домой, газеты почитает, радио послушает — глядишь, время и спать ложиться. А теперь... Да, плохо теперь, сильно плохо... От нечего делать перестановку затеял в своих комнатах. Из спальни мебель всю вытащил в столовую, портреты семейные по-иному тут развесил: Степана в военной гимнастерке, в лихо сдвинутой на ухо пилотке рядом с Анной Филипповной поместил, к рамкам обоих черные ленточки кнопками пришпилил. Дмитрия, Николая, Галку — под ними, полукружьем.

Когда закончил эту работу, сел напротив портретов в кресло, задумался. Разобраться если толком, есть ему куда подаваться. Вот Галка, скажем, зовет. «Приезжай, — пишет, — папанька, в наше Криворожье. Домик у нас отдельный близ завода, коттедж. Вместе с Мишей — это муж ее — на рыбалку будете ходить по воскресеньям...» Да и Митя зовет: «Перебирайся к нам».

Нет уж! Хорош, понятно, Днепр, и Украина вся хороша с небом ее голубым и с кавунами, да только где тут покинуть родное место!.. Полвека в окнах трубы родные, закопченные, краны, эстакады, зарницы над стеклянными кровлями, проходная, кепки знакомые, куртки, спе-

цовки, сивые усы дружков... Даже и в днепровской далекой воде отражение их будет тебе век мерещиться, обратно звать и манить.

К Митюхе если перебраться, на другой конец города,— тоже радость невелика. Митюху-то самого редко когда увидишь: завод у него большой, времени требует много. Жена его, Валерка, печенкой страдает, баба хоть и толстая, а злая, неприветливая. Что остается — внучат нянчить? Э, шалишь, идти в няньки! Дядя Саша правильно сказал, до нянек он, Иван Данилович, еще не дорос: до семи-то десятков целых трех годов нехватает.

Вот Николай, авиационный инженер-полковник,— этот, видать, понимает, один из всех никуда его не зовет. «Держись, батя, на прежней высоте,— пишет в телеграммах,— не теряй скорости. Скорость потеряешь — вынужденная посадка. А как же мы без тебя? Ты у нас ведущий в нашей семейной эскадрилье».

— Эх, мать честная, мать честная! — поднялся с кресла Иван Данилович, припомнив эту телеграмму.— Здорово закрутил чертан мой! «Скорости не теряй — посадка...»

Размышляя над судьбами, над жизненными путями своих детей, старик продолжал возню в комнатах. В опустевшую спальню он тащил из кладовки за кухней весь тот железный хлам, который неизвестно как, но неизбежно накапливается за долгие годы в семьях старых металлистов. В бывшей спальне Иван Данилович задумал оборудовать собственную мастерскую: все будет развлечение. В хламе нашлись заржавленные параллельные тиски, ножовки, плашки, метчики, патрон от какого-то станочка и еще уйма всяческих стальных, латунных, алюминиевых вещей, от которых несло металлом, ржавчиной, смазочным маслом — теми милыми сердцу запахами, которые напоминали механический цех, инструментальную кладовую, заводские дворы...

На то, чтобы разобрать, пересмотреть железное добро, отделить нужное от ненужного, ушло более недели. За окнами осень сменилась зимой, сквозь морозные узоры из мастерской Ивана Даниловича было видно, как изо дня в день на кровли цехов наслаивались пласты пухлого снега, сверкающе-белого, еще не тронутого гарью и копотью, как выходили по утрам на улицу тяжелые грузовики с навешенными на них подобиями плугов и сгребали снег с дороги к тротуарам и как другие грузовики увозили его на пригородные пустыри. Встречая своего соседа в коридоре или возле умывальника, вечно занятый, торопливый, озабоченный конструктор Ласточкин восклицал тоном великого знатока:

— Снегу-то, снегу, Иван Данилович!.. Урожай, можете мне поверить, обеспечен.

Иван Данилович ничего не понимал в сельском хозяйстве, у него с Анной Филипповной даже огород никогда толком не удавался: то поздно посадят, и овощи не успевают созреть, то капусту червяк съест, то во-время не соберут, и все погниет на грядках. В иные годы он бы и ввязываться в разговор об урожае не стал. Но после недавнего недорода, тяжело отразившегося на всей стране, ни в цехах, ни в заводоуправлении, ни в самой что ни на есть захудалой орсовской сапожной мастерской не сыщешь, пожалуй, такого человека, который бы не поглядывал на небо, не интересовался барометром, прогнозами погоды и не расспрашивал сведущих людей о состоянии посевов.

— Это верно, — отвечал Ласточкину Иван Данилович. — Снег богатый. Да ведь и в том году, в засушливом-то, наши места им не бедствовали. В снеге ли вся суть?

Так поговорят, поговорят, несогласные друг с другом, конструктор убежит из дому с портфелем, тяжелым, как чемодан, Иван Данилович снова своим делом занят — Никита Карпович, столяр-модельщик, семью годами моложе Ивана Даниловича, помог соорудить верстак из свежих березовых брусьев, дубовую станину сколотил, на которой бывший мастер смонтировал станочек с электромотором. Сын Дмитрий, узнав об отцовской затее, привез ему в подарок полный набор резцов со своего завода.

— Они, батя, в работе, конечно, уже побывали,— сказал со смехом. — Ну, да тебе сойдет, финтифлюшки-то растачивать.

Иван Данилович сам еще не знал, что он будет со станком делать, тоже с шуткой поддакнул сыну насчет финтифлюшек. Но, когда Дмитрий уехал, старика стало одолевать раздражение.

— Ишь ты, «финтифлюшки!» — бормотал он в усы, сметая с пола опилки, оставленные Никитой Карповичем. — Вроде похлопал по плечу батьку. Большое начальство стал, понимает о себе много. Да хоть бы и «финтифлюшки» — какое ему дело! Нет, Колюха — тот другой, тот понимает. Ведущий, говорит. Колюха — сам орел и отца в клеточные чижики зачислять не думает...

Расшумелся, развоевался Иван Данилович в мастерской и не услышал, когда приоткрылась дверь и полная рука Ласточихи, шутницы и любительницы разных таинственностей, кинула на верстак белый конверт со штемпелями. Заметил его нескоро: смахивая тряпкой пыль с тисков. Письмо было от легкого на помине Николая. Распечатал, прочел Иван Данилович и окончательно рассердился. И этот орел, Колюха, звал рыбачить на Азовское море. Телеграммами бодрил, а письмом взял да и стукнул.

— Тьфу на вас всех! — отбросил конверт Иван Данилович. — Сроду удочку в руках не держал, откуда вы, лешие, чепуху такую придумали: рыбачить!

Вечером запустил станок, из стального прута выточил заготовку для отвертки, зачистил ее в тисках, подточил, продрал шкуркой, полировку навел, залюбовался: сияет отвертка. «Что, «финтифлюшка»?!» Еще полюбовался, еще покрутил в руках и мало-помалу стал падать духом: «А ведь и верно, «финтифлюшка». Пустое дело». Закрыл мастерскую, лег спать без ужина, одеяло на голову натянул. Сон не шел, шли и шли одна за другой мысли. Неспроста, должно быть, ребята в одну дуду дудят, знать, и впрямь только и осталось ему теперь в жизни червей на крючки насаживать. Потерял скорость — посадка.

Мастерскую свою с того дня забросил, взялся за книги. Книг в доме было много, от всех ребят остались, особенно от Николая: набил ими Колюха целый шкаф, сработанный Никитой Карповичем под красное дерево. Читал Иван Данилович все подряд: Тургенева собрание сочинений, Достоевского, Шекспира, Гоголя, «Историю инквизиции», календарь Брюса, «Памятку альпиниста», «Полный российский травник», «Занимательную минералогию»... Но глаза, даже с помощью двойного комплекта очков, такой усиленной работы не выдерживали, и тогда просто листал страницы, рассматривая картинки. Иной раз меж листов попадались спрессованные, высохшие ромашки или ландыши, позабытые давнишние ребячьи записки, письма. Какая-то Любочка Ульянова круглыми мелкими буковками — хоть увеличительное стекло бери — старательно выводила: «Митя, ты напрасно на меня рассердился. Не думай, я тоже верю в твое будущее. Но почему только думать об одном будущем, забывая о настоящем, о том, что сейчас весна, что есть на свете человек, который... В общем, ты же добрый, простой, отзывчивый — не напускай, пожалуйста, на себя такого величия, пойми...»

«Простой... отзывчивый... Глупая! — захлопывал письмо в книге Иван Данилович. — Посмотрела бы на него теперь: вроде памятника самому себе стал. Не то что на вас, курносых, — на отца родного с постамента взирает».

Целый день читал однажды дневник Николая с косыми на некоторых страницах резолюциями Степки. Николай пишет: «Человек произошел от обезьяны — это истина. Но бывает так, что и от человека происходит обезьяна, вот, например...» А Степка зачеркнет, что там дальше выдумывает против кого-нибудь брат, и вставит: «...вот, например, я, Николай Иванович Котельников, великовозрастный балбес шестнадцати с половиной лет». Или дальше: «Что такое подвиг?» — спрашивает старший. «Для тебя, — отвечает младший, — не носить каждую четверть домой двоек по русскому».

С большим запозданием раскрывался перед отцом внутренний мир его детей. Росли, мало болели, учились неплохо, — казалось, чего еще больше от них требовать? Теперь становилось грустно от того, что редко занимался ими, в стороне стоял от их ребячьих интересов, дум, стремлений. Вернись бы то время!.. Нет, не вернется. Время шло только вперед. Почернели и растаяли на заводских крышах снеговые пласты, в первую разведку двинулась молодая крапивка возле заборов, сквозь форточки вместе с весенним воздухом в комнаты лился птичий неумолчный звон, звал всех отшельников и домоседов на волю, на солнце, в поля. Из окон было видно, как там, в полях, любители огородов вскапывали по вечерам грядки, рассевали белую пыль удобрений, ставили на своих участках скамейки и дощатые грибки.

Не выдержал и Иван Данилович домашнего заключения. В пиджаке, при орденских лентах, в начищенных штиблетах вышел по улице за окраину. Он шагал по обочине шоссе медленно, руки за спину. Давно здесь не бывал, и старые места для него выглядели по-новому. Точнее если сказать, старых мест немного и осталось. Каких старых? Ну тех самых, в которых пятьдесят четыре года назад началась его рабочая жизнь. Не изменяет ли память, было это еще до начала нынешнего столетия. Отец, Данила Петрович, старый путиловский слесарь, объяснял тогда сыну своими словами, отчего в бывших загородных дачах графов Строгановых и Шереметьевых по-хозяйски обосновались толстосумы и предприниматели Масловы да Овсянниковы, отчего на месте оранжерей княгини Дашковой появилось коммерческое садоводство купца Ушакова. По отцу получалось так:

— Гниют Романовы с корня, Ванька. Корень ихний — помещики да знать. Ослабел, значит, корень... Стала соки тянуть и другая сила. Пьет их из нас заводчик, купчина, трактирщик. Хозяин тебе что платит? Грош. А эти вон, в кабаках, и тот грош норовят заграбастать. Ишь, на вывесках что написано: трактир «Цап-царап», заведение «Отдай все — не греши». Понял? Ну и вот еще что запомни: и хозяйскому корню придет конец. Доживу ли, нет ли,— ты доживешь. Сам во дворцах жить будешь.

Вроде сказок про Жар-птицу отцовские рассказы были. Только много позже поверил в них Иван Данилович: когда винтовку ему выдали на заводском дворе и когда пришло время рвать последний корень, сосавший соки из народа.

И вот тогда, помнится, где-то здесь, на шоссе, возле железнодорожной пересечки, он встретил удивительного человека. Бронепоезд катит на Варшавскую ветку, дым черным хвостом по земле стелет, трехдюймовки тарахтят по булыжнику, рабочая гвардия шагает к Пулкову, а человек, тот жмется в сторонку, спрашивает, как ему отыскать Красносельскую земскую школу.

И потом встречаться с ним приходилось, с Федором Федоровичем, которого молодая советская власть послала народное образование подымать на заводской окраине. Встречались и в райсовете, куда обоих выбрали депутатами, и в школу Иван Данилович захаживал, гуляя с Анной Филипповной в давние, довоенные времена. Хорошая была школка. Здание хоть и деревянное, в один этаж, но просторное, в сирени все скрытое, в яблонях. Столик вынесет Федор Федорович на веранду, самовар поставит жена его, Мария Власьевна, своим вареньем угощает.

Не заметил Иван Данилович, как ноги сами довели его через поле до заветного места. Дошел — и остановился. Один фундамент из гранитных обломков большим квадратом лежит среди бурьяна. На яблонях зеленые листочки, сирени цвести собираются, а школы под ними нет. Одна сторожка осталась, да рядом с ней крытый колодец-сруб серым стал от лишайников. Постучал в окно, спросил какую-то незнакомую женщину, высунувшуюся на стук, не знает ли она Федора Федоровича, жив ли, нет ли, куда подевался.

— А куда ему деваться! — ответила та бойко. — На своем месте. В школе.

— Шутишь,— насупился Иван Данилович. — А я всерьез спрашиваю. В какой школе, когда вот она, школа! — и указал на бурьян.

— Да ты, гляжу, нездешний,— женщина исчезла и тотчас появилась на крыльце, босая, в подоткнутой юбке: пол, видимо, мыла. — Старой-то школы уже годов как десять нет. На дрова разобрали. Федор Федорович в новой директором. Вон те корпуса, видишь? Это называется третий рабочий городок, а еще иначе — Антово...

— Что ты мне голову морочишь! — стал сердиться Иван Данилович. — Сам знаю, где Антово.

— Ну знаешь, так и ступай вдоль канавы туда. Крайнее здание, четырехэтажное.

В тот день Иван Данилович вернулся домой поздно, усталый и взбудораженный. Двери ему открыл Ласточкин.

— Загуляли! — сказал конструктор. — А я думал: что такое? Спите, что ли. Подойду — комната заперта, свету нет.

— Загулял, так точно, — бодро ответил Иван Данилович. — Перестану скоро сторожем в квартире быть. Дружка встретил. Зовет ребят слесарному делу учить, мастерская у них открывается с осени. Вот какое дело!

— А у меня к вам, Иван Данилович, тоже дело. Разрешите зайти?

Ласточкин принес папку с чертежами, уселся в кресло Ивана Даниловича и, пока мастер включал чайник и переобувался из промокших штиблет в просторные валенки, говорил:

— Загвоздка получается, Иван Данилович. Мы сконструировали новый фрезерный станок. Хороший, скажу вам, станок. Но вот эта деталь не получается... Бьюсь, бьюсь вторую неделю...

— Погоди, погоди, — отстранил Иван Данилович Ласточкина от чертежей, надел вторые очки, придвинул ближе лампу. — Это что? А это? — он водил карандашом по белым линиям, четким на синей бумаге, — уяснял конструкцию.

Ласточкин стоял возле него с видом почтительным, как у того нового мастера, заступившего на место Ивана Даниловича в цехе. Он явно волновался. А старик вдруг взял да и рубанул, сбрасывая на стол очки:

— Не выйдет этак!

— Как же так?

— Ну так. Придумывайте что-нибудь другое. Вы конструктора, вы технологи. Не в одном снеге суть!

— Что вы сказали? — не понял Ласточкин.

— Да то. Помнишь, про снег толковали: богатство и так далее. А вот дружок мой старинный полную мне сегодня программу обосновал, как народ урожай добывает. Снег — небесное явление, так и говорится: то ли дождик, то ли снег, то ли будет, то ли нет. На небесные явления глядеть нечего, нам не на небе, на земле жить. Ну и что?.. — Иван Данилович сбился с мысли, покрутил пальцем возле лба. — Да, вот что! — снова поймал мысль. — Не везет со снегом, — агротехнику собственную строй, каналы проводи, пруды строй, леса сажай, сей устойчивыми семенами... В общем, берись за новое. Ну и ты берись за новый чертеж!

— А все-таки, Иван Данилович, может быть, выберете времечко сходить на завод, вместе еще бы разок попробовали, а? — попросил Ласточкин. — Не откажите, пожалуйста.

— Сходить можно. Только не выйдет, говорю. Поверь стариковскому слову. Не выйдет.

Ночь Иван Данилович провел в думах. Думал он о своем сверстнике Федоре Федоровиче, которого будто и время не берет: не только свой пост покидать не собирается, а еще и планы всяческие на будущее планирует: мичуринский участок при школе, слесарная да токарная мастерские, кружок мотоциклетчиков... Думал о том, как бы поядовитей, повесче ответить детям насчет рыбалки. И, конечно, о детали Ласточкина думал.

Назавтра и мастер и конструктор вместе явились в цех, в родной для Ивана Даниловича третий механический.

— Дядя Ваня! — слышалось вокруг. — Сколько лет, сколько зим!

— Да одна только зима, чего расшумелись, — не успевал он пожимать руки, напускал на себя деловитую суровость, боялся отдаться чувствам: того и гляди, слеза прошибет.

Ласточкин торопил; установили на станок его злосчастную деталь, позвали лучшего фрезеровщика завода, Семена Гулякина, бывшего командира роты.

— Дядя Ваня, — шепнул Гулякин. — Ты не подумай... Я ведь тоже знаю: мертвая затея. Говорил им.

— Ох, спешишь, Сема, с выводами, — ответил Иван Данилович. — С таким настроением лучше к станку не подходи. Пусти-ка меня...

Все следили за работой мастера, через руки которого за полвека послушно прошли многие сотни и сотни тонн металла. И когда он закончил операцию обработки детали, красный и потный от радостного возбуждения Ласточкин бросился к нему:

— Ну как же... Как же, Иван Данилович, вы мне говорили... не выйдет?.. А вот же!..

Иван Данилович пожал плечами и попросил созвать конструкторов и технологов, которые работали над созданием нового станка. В контору начальника цеха набилось доотказа. Старик по знакомым лицам увидел, что пришли не только те, с кем он хотел потолковать, а и из других цехов, из главной конструкторской, из заводоуправления; сел за начальнический стол и заговорил вполголоса:

— Сделать мы с вами эту чертовщину сделали, но, как говорится, и слона можно на флейте играть научить, — смотря сколько времени на такое дело ухлопаешь. Что теперь дальше за сим следует? За сим следует, не много не мало, пропустить нашу штуку через четыре станка, только тогда она и примет нужную форму. Верно? Ну вот, верно. А есть ли способ раза в четыре упростить нашу работу?

Тянулось долгое молчание, все окутались папиросным дымом.

— Есть, — ответил сам себе Иван Данилович. — Нехитрый способ. Прямо отливать ее, ну вот, как ей положено быть, по ее форме и размерам. Тогда с некоторыми, понятно, приспособленьицами обрабатывать ее можно на простом токарном станке, и вся эта музыка займет...

— Правильно! — крикнул из-за спин, откуда-то от двери, знакомый голос. — Правильно, Данилыч! — к столу протискивался директор. — Здорово, старина! Я-то думаю, кто тут заседание устроил? На консультацию к профессору Еропкину столько народу не ходит.

— И зря, Василий Палыч, — поднялся ему навстречу мастер. — А я к нему всегда ходил и от него слышал такой совет: если, мол, есть возможность станочную обработку заменить или хотя бы облегчить литьем, непременно пользуйтесь этой возможностью.

Не скоро выбрался в этот день Иван Данилович из цеха. Новый мастер привязался с какими-то особенными резцами: стоит ли их брать или отказаться? Технолог Кирилл Гаврилович, которому всегда жарко, прикладывал платок к лысине, жаловался на качество отливок. Подходили токари, фрезеровщики, настройщики, тащили к станкам, что-то показывали, требовали ответа. Подскочил и Витька Белоглазов:

— Дядя Ваня, над шейкой вала страдаю: матовая получается. А у тебя будто полированная выходила. Как это, дядя Ваня, а? Может, посоветуешь что?

— Вставай пораньше, не опаздывай — и у тебя выйдет.

— Скоро опаздывать перестану. Семилетку весною кончаю. Я же, понимаешь, дядя Ваня, над учебниками сижу. Даже пожрать утром некогда, батон подхватишь и бежишь. Так посоветуй, а?

— Устал, братец, сегодня. Вот завтра, хочешь, приду, займемся.

Для Ивана Даниловича начиналась вторая жизнь. Снова ходил он ежедневно в цех, снова был всем нужен, снова времени нехватало. И старик понял, отчего тогда, осенью, когда отправили его с завода на пенсию, на отдых, ему показалось, что лишний он в цехе и неприкаянный какой-то. Тогда он по привычке продолжал дублировать нового мастера, и ясно, что из этого ничего не выходило. Теперь он стал инструктором — и место ему определилось. Директор даже приказал выделить участок с несколькими станками. Тут Иван Данилович учил и молодых и старых, экспериментировал вместе с технологами, выполнял опытные заказы. Не сам, конечно, стоял у станков, — ученики, но он направлял их работу. Потом пошло: из других цехов к нему стали присылать молодняк для консультации. И однажды, придя в свой третий механический, Иван Данилович с удивлением прочел крупную надпись на широком красном полотнище, которое как бы отделяло его участок от остального цеха. На полотнище значилось: «Школа мастера Котельникова». Тут уж сдержаться было нельзя... Он долго кашлял, сморкался и утирал платком влажные усы.

В тот вечер при активном содействии Витьки Белоглазова была осуществлена ликвидация домашней мастерской Ивана Даниловича. Железный хлам водворялся на свое старое место, в кладовую за кухней.

— Что это вы? — полюбопытствовал Ласточкин, сталкиваясь в коридоре с мастером, который пыхтел под тяжестью тисков. — Давайте-ка подсоблю. Жилплощадь расширяете? Не гостей ли ждете?

— А почему не гостей! Гости каждый день ходят. То ты, то из НИТО, а вот и профессор Еропкин обещался заехать. Кабинет хочу оборудовать. Что мне, за обеденным столом людей принимать прикажешь? Да и статью велят писать в газету.

Но когда в бывшей спальне и неудавшейся мастерской был поставлен письменный стол Николая, не за статью засел при свете зеленой лампы Иван Данилович: на разлинованной бумаге он писал письмо хозяину этого стола, инженер-полковнику авиации, туда, на Азовское море. «С поездкой, Коленька, не торопи, — выскрипывало перо-уточка. — Скорость и высота пока что у старика нормальные, чего и вам желаю. Дорогие вы мои ведомые ребятки...»

СВЕТЛЫЙ ТАЛАНТ

(К 90-летию со дня рождения А. П. Чехова)

Антон Павлович Чехов — любимый писатель в нашей стране. И любовь к нему растет с каждым днем. Однажды в деревне Елдино, Завидовского района, Калининской области, мне довелось беседовать с престарелым колхозником Александром Петровичем Уколовым. Заядлый читатель, знакомый с русскими и западными классиками, Александр Петрович сказал о Чехове:

— Каждый год его почитываю. Удивительный писатель! Знаешь, каким он представлялся мне раньше, в старое время? Лицо строгое, ходит с палочкой по деревням и городам, людей беспокоит, стучит в окна: «Не так живете, черти полосатые! Лучше жить надо!» И глаза у него умные, добрые. Он меня как бы вперед толкает. Пробирает тебя здорово, а не обидно, потому что критика-то справедлива.— Старик помолчал, закурил трубку и добавил: — В ином чеховском рассказе больше смысла, нежели в толстом романе. Бывает так, что писатель говорит, говорит, потом герои начнут болтать на десятках страниц, а прочтешь книгу — туман в голове. Не знаешь, куда гнет автор. У Чехова все кратко и ясно. Он каждое слово тебе в душу кладет. И слова-то весомые, мудрые!

Таких отзывов о Чехове я слыхал в деревнях много, от людей разных возрастов и профессий. С одинаковым упоением читают его старики и комсомольцы, трактористы и звеньевые, агрономы и пастухи.

Чеховым восхищался Лев Толстой. Достоинство Чехова он видел в том, что творчество его «понятно и сродно не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще... И благодаря искренности его он создал новые, совершенно новые, по-моему, для всего мира формы письма, подобных которым я не встречал нигде. Его язык — это необычайный язык. ...он один из тех редких писателей, которых, как Диккенса и Пушкина и немногих подобных, можно много, много раз перечитывать,— я это знаю по собственному опыту...»

Л. Толстой безусловно прав насчет «необычайности» чеховского языка. Но свежесть и сила этого языка обусловлены не только искренностью. Чехов был великим тружеником. Всю жизнь он упорно работал над словом, добиваясь предельного лаконизма, точности, совершенства формы.

Теперь мы знаем творческую лабораторию А. Чехова. Опубликованы черновые записи, дневники, множество писем, где он касается вопросов литературного мастерства.

Чехов был яростным врагом шаблонов и общих мест. «По моему мнению, описания природы должны быть весьма кратки...— говорил он.— Общие места, вроде: «заходящее солнце, купаясь в волнах темневшего моря, заливало багровым золотом» и проч. «Ласточки, летая над поверхностью воды, весело чирикали»,— такие общие места надо бросить. В описаниях природы надо хвататься за мелкие частности, группируя их таким образом, чтобы по прочтении, когда закроешь глаза, давалась картина. Например, у тебя получится лунная ночь, если ты напишешь, что на мельничной плотине яркой звездочкой мелькало стеклышко от разбитой бутылки и покатилась шаром черная тень собаки, или волка и т. д.»

На этом творческом принципе созданы А. Чеховым картины русской природы в таких вещах, как «Степь», «Черный монах», «Мужики», «В овраге», «Попрыгунья» и десятках других рассказов.

А. Чехова всегда возмущали рутинность приемов в описании, штампованные фразы в книгах современников, провинциализмы и «шикарные» словечки.

В письме к А. Лазареву-Грузинскому он советует: «Засим стройте фразу, делайте ее сочней, жирней, а то она у вас похожа на ту палку, которая просунута сквозь закопченного сига... Надо, чтобы каждая фраза, прежде чем лечь на бумагу, пролежала в мозгу дня два и обмаслилась». В письме к Л. Авиловой: «Язык у вас изысканный, как у стариков. Для чего это вашей героине понадобилось ощупывать палкой прочность поверхности снега? И зачем прочность? Точно дело идет о сюртуке или мебели...»

В интереснейших письмах к молодому М. Горькому А. Чехов говорит о «неудобстве» иностранных, некоренных русских слов в рассказах, о недопустимости сложных определений, метафор, длинных периодов, вычурных фраз.

Чеховская переписка позволяет нам постичь «тайну» мастерства великого писателя. Он сознательно стремился к высокой простоте, прозрачности стиля. Переиздавая уже напечатанное ранее, похваленное критикой, он вновь и вновь шлифовал язык рассказов. В письме к А. Суворину (1889 год) мы читаем: «Приготовляю материал для третьей книжки. Черкаю безжалостно. Странное дело, у меня теперь мания на все короткое. Что я ни читаю — свое и чужое, все представляется мне недостаточно коротким».

Образец чеховского лаконизма — рассказ «Ионыч». Какое огромное содержание вложено в маленькую новеллу о жизни захолустного русского городка! Через описание — в несколько строк! — способа передвижения доктора Старцева (пешком, на паре, на тройке с бубенцами) великолепно показано превращение бедного разночинца в жирного, преуспевающего обывателя, похожего в пролетке на «языческого бога».

А «Дама с собачкой», «Дом с мезонином», «По делам службы», «Невеста»? Здесь каждая строчка наполнена глубочайшим смыслом, работает каждое слово! Когда вчитываешься в эти шедевры мастерства, Чехов кажется кудесником, магом искусства. И самое поразительное в том, что он не выдумывает «новых» слов. Из обычных, простых слов рождаются тончайшие интонации, возникают трогающие сердце образы, картины.

Мы помним описание вечера в рассказе «Красавицы»: «...облака в беспорядке толпятся на горизонте и солнце, прячась за них, красит их и небо во всевозможные цвета: в багряный, оранжевый, золотой, лиловый, грязно-розовый; одно облачко похоже на монаха, другое на рыбу, третье на турка в чалме. Зарево охватило треть неба, блестит в церковном кресте и в стеклах господского дома, отсвечивает в реке и в лужах, дрожит на деревьях».

А вот в чеховских письмах речной пейзаж: «Очень красивы буксирные пароходы, тащущие за собою по 4—5 барж; похоже на то, как будто молодой изящный интеллигент хочет бежать, а его за фалды держат жена-кувалда, теща, свояченица и бабушка жены».

Или описание Иртыша: «...мутные валы с белыми гребнями со злобой хлещут по нему и тотчас же отскакивают назад, точно им гадко прикасаться к этому неуклюжему, осклизлому берегу, на котором, судя по виду, могут жить одни только жабы и души больших грешников. Иртыш не шумит и не ревет, а похоже на то, как будто он стучит у себя на дне по гробам».

С таким же лаконизмом и такою же выразительностью Чехов давал внешний портрет человека, душевные переживания, картину городской жизни, села, жанровую сцену. Поразительно богатство чеховских красок, оттенков, интонаций живой речи в диалогах! Каждый герой его рассказов имеет свое неповторимое лицо, свой язык.

Дореволюционные критики наплели немало вздора о «безидейности» Чехова, о равнодушии его к судьбам своих героев, об отсутствии идеалов. Какая это неправда!

По темпераменту А. Чехов не был борцом типа М. Горького. Это верно. Но дружба Чехова и Горького знаменательна; ее основа — общность воззрений на мир, на человека, на Россию, на задачи искусства. Перечитайте подряд книги того и другого писателя, и вы почувствуете, как сливаются их «разные и хорошие» голоса в могучем дуэте певцов борьбы за переделку мира, за человеческое счастье.

А. Чехов признавался, что ему нехватает щедринской ненависти и злости для изобличения язв и пороков николаевской Руси. Это верно лишь отчасти. Разве врожденная «мягкость» помешала ему создать неувядающие образцы сатиры и юмора в «Человеке в футляре», «Унтере Пришибееве», «Хамелеоне» и других вещах?

Чехов был писателем-патриотом, воспитанным на традициях Белинского и Герцена, Чернышевского и Добролюбова. Все его творчество пронизано горячей любовью к родине и народу. «Палатой № 6» и «Злоумышленником», «Мужиками» и «Новой дачей», десятками мелких рассказов писатель утверждал одну-единственную мысль: так дальше жить нельзя!

С каким презрением говорит он в рассказе «Крыжовник» о людях, душевно ожиревших, примирившихся с пошлостью, погрязших в житейской суете, отказавшихся от борьбы, о жалких либералах-постепеновцах!

Герой «Крыжовника» заявляет: «Я соображал: как в сущности много довольных, счастливых людей! Какая это подавляющая сила! Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье... Между тем во всех домах и на улицах тишина, спокойствие; из пятидесяти тысяч, живущих в городе, ни одного, который бы вскрикнул, громко возмутился».

Чехов всею силой своего таланта призывал читателей «громко возмутиться». Призывал к действию! Умный читатель понимал Чехова с полуслова. Мы знаем, какое потрясающее впечатление произвела «Палата № 6» на молодого В. И. Ленина. И не случайно Ленин позднее так часто цитировал Чехова. Не случайно иногда обращается для иллюстрации своих мыслей к чеховским образам И. В. Сталин.

М. Горький сказал о Чехове: «Хорошо вспомнить о таком человеке, тотчас в жизнь твою возвращается бодрость, снова входит в нее ясный смысл».

Именно бодрость и ясный смысл! Чехов навсегда зарядил нас ненавистью к нытикам, пессимистам и хмурым людям. Его враги были и остаются нашими врагами.

Книги Чехова всегда будут с нами. Они нетленны, ибо созданы гениальным художником, который думал о счастье народном и творил для народа.

Иван АРАМИЛЕВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Рассказ

ЛЮ БАЙ-ЮЙ

Рисунки О. Верейского

Это было в 1947 году, когда шли бои за деревню Шуанхэбао.

День и ночь свирепствовала буря, было холодно, и вода в лужах начинала подмерзать. Ночь черная, как плитка туши,— ни зги не видно. Ударная часть Народно-освободительной армии пробиралась узкой тропинкой по заросшим колючим кустарником сопкам. На подъемах кустарник цеплялся за одежду бойцов, на спусках бойцы скользили и проваливались в многочисленные ямы.

Бойцы шли быстро. Идущие позади старались не отрываться от авангарда на большую дистанцию. Достаточно было отстать на несколько шагов, чтобы заблудиться и потерять часть. Тропинка прихотливо извивалась, изобиловала ответвлениями и поворотами. Впереди идущие отмечали хорошо видными в темноте белыми комками извести ответвления, по которым не надо было следовать.

Боец Ли Гуан-хэ, бывший гоминдановский солдат, устал. Пот лился с него ручьем, но в душе он ликовал. Он был родом из Шуанхэбао. Бойцы уже не первый день подтрунивали над ним, говоря: «Вот скоро ты будешь дома». Ли улыбался: «Я боец революции, моя часть — вот мой дом». Однако всем сердцем он стремился домой.

После того как Ли был освобожден от гоминдановской каторги и стал бойцом Народно-освободительной армии, он жил как бы в другом мире. О семье и родных краях он не имел никаких сведений.

Первое время он только и мечтал о том, как бы дезертировать. Потомственный крестьянин, он не любил военного дела и был уверен, что солдат из него не получится. «Раз коммунисты освободили меня от гоминдановской армии, где со мной обращались, как со скотом,— рассуждал он сам с собой,— то почему бы им не отпустить меня домой?» Он не думал о том, что, возвратившись домой, он мог снова попасть в лапы гоминдановских вербовщиков и снова очутиться под огнем. Единственным его желанием было взглянуть хотя бы одним глазком на своего маленького сына Цзинь-бао, после чего, как он считал, можно было спокойно умереть. Когда он думал о сыне, живо представляя, как его мальчик смеется, протягивая к нему пухлые ручонки, тоска железными пальцами сжимала ему сердце.

После освобождения Ли попал в часть, сформированную из бывших гоминдановских солдат. Однажды их отряд направили куда-то на север. «Куда мы идем?» — спросил Ли у замыкающего. Узнав, что часть направляется в тыл на переподготовку, Ли очень расстроился. Он решил, что надо будет во что бы то ни стало скорее попасть на фронт. Линия фронта проходила недалеко от его родных мест, и ему было бы удобнее удрать.

На пятый день пути, во время короткого привала, его внимание привлекла необычная картина: группа крестьян с веревками, кольями и мотыгами при неярком свете заходящего солнца обмеривала зеленое поле.

— Строите дорогу, что ли? Погибнет такой прекрасный урожай...— тяжело вздохнув, заметил Ли стоявшему у шоссе пожилому крестьянину [1].

Тот, обратив внимание на старую гоминдановскую форму Ли, ответил:

— Эх ты, голова! Ты думаешь, сейчас те же порядки, что и при японцах? Это мы выделяем землю для бедных.

— Делите землю?! — воскликнул Ли.— Разве бедняк может получить землю бесплатно?..

Ли не поверил. Однако каждый день он наблюдал такие же картины. Однажды, в проливной дождь, раньше чем обычно, отряд остановился на привал. Дождь лил, не переставая. На душе у Ли было тоскливо. Улучив момент, когда в доме, где он остановился, никого не было, он обратился к хозяйке — маленькой сухой старушке с собранными на затылке в небольшой пучок седыми волосами:

— Я вот знаю одного крестьянина,— издалека начал Ли,— он коекак перебивается, продавая овощи, и настолько беден, что рад, если в доме есть хоть какая-нибудь еда. Вы, мать, как думаете, может ли он получить землю?

Этим крестьянином был он сам, хотя, разумеется, не признался в том старушке. Хозяйка всплеснула руками:

— Наш Чжан так же беден, как и тот крестьянин, о котором ты говоришь. Он получил землю.

Услышав такой ответ, Ли воспрянул духом.

«Хорошо поступают коммунисты,— подумал он.—Вот бы мою семью в освобожденный район!»

Однако он сознавал, что пока это лишь мечта. В его деревне попрежнему хозяйничает помещик, сборщики налогов отбирают последние пожитки у крестьян, а гоминдановские вербовщики силой угоняют молодых парней в армию. При одном воспоминании об этом у него сразу упало настроение.

После двухмесячной переподготовки Ли добровольно отправился на фронт. К этому времени он уже начал разбираться во многом, но мысли его попрежнему были заняты сыном. Ли дважды принимал участие в боях и, хотя не раз представлялся удобный случай, не дезертировал. Однажды он вместе с командиром отделения ходил на поиски гоминдановских солдат, укрывавшихся в сопках. Когда командир отделения направился в сторону от него, Ли, оставшись один, мог бы бросить винтовку и скрыться. Но он так не поступил. Сам себе он объяснял это тем, что было бы неудобно ставить в неловкое положение командира отделения, который так хорошо к нему относился. «Подожду до другого раза»,— подумал Ли. Однако, когда и в другой раз представилась возможность бежать, он опять не дезертировал. На этот раз Ли остановила мысль о его лучшем друге—политруке роты. Иногда в короткие минуты отдыха, зажав винтовку подмышкой, чтобы удобнее было закуривать, он думал, что, пожалуй, сейчас нет смысла возвращаться домой, где его ждут нищета и голод. Единственный выход — завершить революцию. Тогда и ему дадут землю. Он станет тщательно ее обрабатывать, и ему больше ничего не будет нужно.

Вместе с Народно-освободительной армией Ли Гуан-хэ участвовал во многих боях, он стал лучше понимать события. Он частенько говаривал:

— Гоминдановские главари — это собачьи выкормыши. Я еще доживу до того дня, когда мы с ними окончательно разделаемся.

[1] Принудительная мобилизация на постройку дорог — одна из самых тяжелых повинностей маньчжурских крестьян во время японского господства.

К лету часть, в которой сражался Ли Гуан-хэ, с боями подошла к местам, откуда было всего 50 ли[2] до его родной деревни.

Вечером, на привале, Ли долго не мог заснуть. В душе его происходила жестокая борьба. Очень хотелось домой, но при мысли о том, что придется расстаться с частью, сердце его пронизывала острая боль, как будто на него лили кипящее масло.

Заметив, что на кухне горит свет, он направился туда, чтобы не оставаться наедине со своими мыслями. На кухне командир отделения, засучив рукава, помогал повару рубить овощи. При виде его на глазах Ли блеснули слезы. Командир отделения — рабочий из Шаньдуна, старый солдат — был его задушевным другом. Увидев и сразу поняв, что с Ли творится что-то неладное, командир отделения отложил нож и спросил:

— Что тебя тяготит?

— Ничего, — ответил Ли, — жаль с тобой расставаться.

Командир отделения, взяв Ли за руку, повел его в соседнюю комнату.

— Ли, — сказал он, — я знаю, о чем ты думаешь. У кого же нет близких? Если бы гоминдан не начал гражданскую войну, то я после антияпонской войны давно уже был бы дома. Сейчас я руководил бы производством. Я твердо знаю, что, пока власть гоминдана не будет свергнута, для нас с тобой не будет жизни. Старайся, Ли! Чем лучше ты будешь воевать, чем больше уничтожишь врагов, тем скорее вернешься домой.

После этого случая Ли буквально переродился. Вспоминая о сыне, о его детской улыбке, он брал винтовку и тренировался в прицеливании, готовясь истребить возможно большее количество гоминдановцев. В боях держался храбро. Во время одной вылазки под огнем противника Ли был дважды легко ранен, но не покинул поле боя. Бойцы, увидев, что он весь окровавлен, отсылали его в тыл. Ли отвечал им:

— Пустяки... Разве с теми, кто зимой очищает поле от стеблей гаоляна, не может случиться то же самое?

Однажды вечером отряд выступил в поход. Политрук перед строем сказал, что предстоит форсированный марш с боями. Дорóгой Ли, определив по звездам направление, понял, что отряд приближается к его дому. Это его обрадовало. Поросшие колючим кустарником сопки, топкие болота преграждали путь. Ли, не обращая внимания на трудности, стремительно шел вперед и подбадривал отстающих: «А ну, не отставай, быстрее, быстрее!» Один из бойцов, отличавшийся скверным характером, ядовито заметил:

— Куда это ты так торопишься? Что, тебя жена у ворот поджидает?

Ли, немного сконфузившись и покраснев, ответил:

— Я выполняю приказ командования. Боюсь, чтобы противник не успел удрать.

Политрук, находившийся неподалеку и слышавший это, поддержал Ли, сказав ему несколько ободряющих слов.

Отряд шел форсированным маршем. Небо еще было совершенно черное. Вскоре его восточный край начал розоветь. Лучи заходящей луны встретились с лучами утренней зари, и постепенно стало светло.

По мере того, как вокруг становилось светлее, сердце Ли билось все чаще. По всему его телу пробегал холодок. Низко по земле стлался синеватый туман. Голый, безлистный кустарник не мешал обозревать местность, и Ли сразу определил, что от видневшегося впереди поселка до его родной деревни только семь ли.

Его томили мрачные предчувствия. Несмотря на то, что уже было совсем светло, кругом царила мертвая тишина. Не было слышно ни петушиного крика, ни человеческих голосов. Ли казалось, что кругом не осталось ни одного живого существа. Но при мысли о предстоящем бое тягостное настроение исчезло.

Видимо, движение отряда было обнаружено. Далеко впереди застучали пулеметы, в небо взвились красные ракеты. Командир роты и политрук устремились к селению, и бойцы бросились за ними. Семь ли были пройдены одним броском, и Ли увидел впереди свою деревню.

Деревню окружал невысокий земляной вал с многочисленными бойницами и несколькими рядами колючей проволоки. Теперь с обеих сторон ожесточенно били пулеметы, разбрызгивая огненные струи свинца. Ли подумал, что одна из пуль может сразить его маленького сына. При мысли об этом в его сердце с новой силой вспыхнула ненависть к гоминдановцам. Надо быстрей кончать дело!

Тут к нему подошел политрук и, пожав руку, сказал:

— Ну, Ли, настало время показать себя.

— Почему, товарищ политрук? — спросил Ли.

— Здесь твой дом. Здесь тебе хорошо знакомы и люди и местность. Разве ты допустишь, чтобы кто-нибудь опередил тебя?

Дружеское внимание политрука воодушевило Ли. Взяв у него несколько гранат, он сказал:

— Хорошо, вы увидите, как я пойду в атаку.

Когда началась атака, Ли Гуан-хэ первым прорвался сквозь проволочные заграждения и через брешь, пробитую артиллерийским огнем в земляном валу, повел роту в деревню. Минуя главную улицу, которая пересекала деревню с востока на запад, он переулками вывел роту в тыл гоминдановских укреплений. Ли Гуан-хэ в критический момент боя метко бросил несколько гранат в амбразуры вражеских укреплений и подавил две пулеметные точки.

Но вот укрепления взяты. Стрельба стала утихать. Ли Гуан-хэ огляделся вокруг, и сердце его дрогнуло: сразу же за соседним переулком был его дом. Взяв ружье наизготовку, Ли стремглав ринулся к дому. Подбежав к тому месту, где должен был находиться его дом, Ли остановился.

«Неужели я ошибся? — подумал он. — Не может быть!»

Он еще раз огляделся кругом и убедился, что не ошибся. Тяжелая картина разгрома и запустения представилась его глазам. Дом был разрушен. Сквозь выбитые окна и дверь были видны пол, заросший потемневшей от росы травой и покосившаяся, готовая рухнуть стена. Он громко позвал свою жену. Ни звука в ответ. Только ветер протяжно свистит в ветхих соломенных крышах соседних фанз. Ли перешагнул через разбитый порог и вошел в комнату. Смутно белея в мокрой траве, на полу валялись черепки посуды, бесформенной кучей глины громоздился разбитый кан. Ли вспомнил, как в этой комнате его сын протягивал к нему свои пухлые ручки и счастливо смеялся.

Его память одна за другой воскрешала картины прошлого.

...Однажды, распродав овощи, Ли возвращался домой. У ворот его уже поджидала группа гоминдáновских полицейских. Их главарь, ни слова не говоря, ударом кулака сшиб Ли с ног и приказал полицейским связать его. Это был Пи Эр — управляющий местного помещика Ли Кунь-шаня, японского прихвостня, в годы японской оккупации возглавлявшего местное отделение «Киовакай»[3], теперь начальник гоминдановской полиции в их деревне. Прямой и честный по натуре, Ли Гуан-хэ обладал высоко развитым чувством собственного достоинства и остро ненавидел людей сорта Пи Эр. При других обстоятельствах он оказал бы ему жестокое сопротивление, но тогда, понимая, что судьба всей его семьи в руках Пи Эр, он счел за лучшее не раздражать гоминдановца.

— Господин, — обратился Ли Гуан-хэ к Пи Эр, — у меня дома четыре рта. Я беден, мы голодаем, я единственный кормилец семьи, вы об этом знаете. Даже по законам Маньчжоу-го, единственного кормильца не берут в армию. Прошу вас, смилуйтесь.

— Какое там тебе Маньчжоу-го! — грубо закричал на него Пи Эр.— По приказу генералиссимуса Чан Кай-ши мы только таких бедняков, как ты, и берем в армию.

На шум выбежала вся семья Ли Гуан-хэ. Жена — она только что растапливала печь — крепко прижимала к груди выпачканными в золе руками маленького сына. Старая мать держала в сухой, сморщенной руке иголку и нитки. Увидев, что Ли связан и избит, они заплакали и упали на колени, цепляясь за его одежду. Пи Эр, не обращая на них внимания, нетерпеливо махнул плеткой — это был сигнал к отправлению. Плетка задела ребенка, и он громко заплакал.

Ли бешено рванулся из рук полицейских и закричал Пи Эр:

— Если тебе нужны люди, — бери меня, но не смей бить ребенка!

— Сильно сказано, — Пи Эр криво усмехнулся, — если так, то иди со мной.

И, подталкивая Ли, гоминдановские полицейские вышли и стали удаляться. Жена Ли Гуан-хэ, с мальчиком на руках, плача, побежала в комнату. Она схватила лежавшие на краю кана туфли мужа и, тяжело переваливаясь, так как она была беременна, бросилась догонять ушедших.

— Господин, господин, — кричала она Пи Эр, — разрешите мужу взять с собой туфли!

Полицейские, не оборачиваясь, молча удалялись. Ли Гуан-хэ, обернувшись, увидел плачущего на руках у матери мальчика и тяжело вздохнул. На глазах его блестели слезы...

Ветер усилился, пошел первый снег. Ли Гуан-хэ еще раз окинул взглядом разрушенный дом и, стиснув зубы, вышел в переулок. Только сейчас он услышал, что где-то вдали горнист заиграл сбор. Не успел он пройти несколько шагов, как почувствовал, что кто-то схватил его за ворот. Это был командир отделения. Забыв, что они находятся в родной деревне Ли, он полушутя сказал ему:

— Где ты пропадал? Безобразничал, наверно, где-нибудь, нарушал дисциплину, а?

Ли ничего не ответил. Тогда командир отделения уже серьезным тоном сказал ему:

— Ты прекрасно показал себя в этом бою.

Ли продолжал хранить молчание.

Они вышли из переулка. По улице сновали бойцы. Каждый из них был занят своим делом: связисты несли большие мотки трофейной проволоки, стрелки собирали трофейное оружие.

Валил густой снег. Холодный ветер пронизывал до костей. Но Ли не чувствовал холода. Командир отделения молча шел рядом.

Навстречу медленно плелась убогая слепая старуха. Жалкие грязные лохмотья едва прикрывали ее тело. Она тяжело опиралась на палку одной рукой, а другую вытянула вперед, как бы ощупывая пространство впереди себя. Старуха не просила подаяния. Часто останавливаясь, она прислушивалась к шагам проходивших мимо бойцов и громко спрашивала:

— Солдаты, солдаты, откуда вы?

Занятые делом бойцы не обращали на нее внимания.

Ли Гуан-хэ, услышав ее голос, смертельно побледнел. Он бросился к старухе, крича:

— Мама, это вы?!

Старуха, не видя, кто ее зовет, не отвечала. Она выронила палку и беспомощно хватала вытянутыми руками воздух.

Ли, схватив ее за руку, тихо сказал:

— Мама, это я, Ли Гуан-хэ.

Старуха, быстро пробежав по его лицу пальцами, вскрикнула:

— Ли Гуан-хэ, сын мой! — и упала на землю.

Командир отделения молча наблюдал эту тяжелую сцену. Лицо его потемнело, и белки глаз налились кровью. Когда старуха упала, он вместе с Ли бережно поднял ее с земли и, остановив пробегавшего мимо санитара, помог уложить на носилки. Сняв с себя теплые ватные куртки, они укрыли лежавшее на носилках тщедушное тело. Затем все направились к перевязочному пункту. Ли пошел впереди. У входа в перевязочную он столкнулся с политруком. Политрук, не заметив носилок, участливо спросил Ли:

— Ну, как у тебя дела? Ты не ранен?

---

[2] Китайская мера расстояния, равная примерно 500 метрам.

[3] Организованное японцами в Маньчжурии шовинистическое, полувоенное по структуре общество, воспитывавшее своих членов в духе покорности японскому империализму. Отделения общества покрывали всю страну и занимались шпионажем.

Ли молча поднял на него затуманенные горем глаза.

Командир отделения выступил вперед и показал на носилки:

— Это его мать.

Тогда политрук вспомнил, что Ли родом из этой деревни.

— Скорее несите ее в перевязочную... — сказал он и сам пошел с ними.

В небольшой комнатке перевязочной ожидало медицинской помощи около десятка раненых бойцов. Узнав, что старуха на носилках — мать их боевого товарища, они в один голос заявили врачу, чтобы он в первую очередь оказал помощь ей.

После укола мать Ли Гуан-хэ постепенно начала приходить в себя.

Ли Гуан-хэ молча стоял на коленях у ее кровати. Руки матери ласково гладили его лицо.

— Я виновата перед тобой, сын мой, — начала мать, — не сумела уберечь твою жену...

— Не надо сейчас об этом говорить, — мягко остановил ее Ли.

— Нет, сын мой, — упрямо продолжала мать, — я расскажу тебе все... Не прошло и трех месяцев, как тебя увели, а гоминдановские бандиты снова нагрянули к нам в дом. Они сказали, что ты дезертировал из армии, и обвинили нас в том, что мы тебя укрываем. Они выбили у нас окна и двери, они сломали кан и прикладами побили посуду. Бандиты сказали нам, что если мы тебя не выдадим, то они возьмут в заложники твоего сына. Я ответила им, что мы не знаем, где ты. «А что касается маленького Цзинь-бао, — говорила я главарю бандитов, — то его брать в заложники нельзя: он продолжатель рода Ли, берите лучше меня». Как только я сказала это, на меня, как дождь, посыпались удары палок и плетей. Я не сумела защитить глаза!» — мать молча провела рукой по пустым глазницам. — «Куда тебе, старая, — заорал один из бандитов, — по тебе давно гроб плачет». Видя, что иного выхода нет и бандиты могут забить меня до смерти, твоя жена сказала: «Мама, лучше я пойду в заложницы, а Цзинь-бао оставлю на ваше попечение». Гоминдановцы схватили ее и поволокли. Она только успела крикнуть, чтобы я передала ее клятву быть верной тебе. После того, как солдаты увели твою жену, сельский староста выгнал меня из дому...

Ли Гуан-хэ вспомнил, что, когда его уводили, жена была беременна. В его памяти, как живой, возник ее образ. Он ясно видел ее милое, бледное от постоянного недоедания лицо, маленькие загрубевшие от работы руки, ее рваную короткую куртку...

У порога перевязочной молча сгрудились солдаты из отделения Ли, уже прослышавшие о том, что их товарищ нашел свою мать. Ли Гуан-хэ с покрасневшими от подступавших слез глазами тихо спросил:

— Мама, а где же сын?

— Пойдем со мной, — ответила мать, пытаясь встать с походной кровати.

Ли Гуан-хэ помог ей. Они вышли. Ли и его боевые товарищи, бережно поддерживая старую женщину, направились к стоявшей неподалеку заброшенной кумирне. Там, в маленьком сарае, позади кумирни, в соломе спал Цзинь-бао.

Ли Гуан-хэ бросился к мальчику и поднял его на руки. Политрук, сняв свою куртку, бережно накинул ее на плечи мальчика. Ли молчал. При виде сына он вновь вспомнил свою жену, его душили слезы...

Ли Гуан-хэ и его спутники вышли из сарая. На улице было шумно. По дороге, усыпанной зернами гаоляна и соевыми бобами, весело переговариваясь между собой, шагали крестьяне с мешками. Шедшие с запада на восток несли пустые мешки. Шедшие с востока на запад сгибались под тяжестью мешков, полных зерна: на восточной окраине деревни находились гоминдановские продовольственные склады.

Население района еще задолго до наступления зимы обычно питалось одними отрубями. Гоминдановцы, отобрав у крестьян все продовольствие, заперли его в огромных, как горы, складах. Теперь эти запасы продовольствия раздавались крестьянам.

Дул пронизывающий северный ветер, шел густой снег, но в деревне было шумно. То там, то тут раздавались звонкие голоса, слышался радостный смех... Ли Гуан-хэ, прижавший к груди своего сына, политрук и бойцы, нежно поддерживавшие его старую мать, подошли к расположению роты.

Весть о том, что Ли Гуан-хэ после долгой разлуки нашел свою мать и сына, распространилась на 20—30 ли окрест. Крестьяне толковали между собой, что если бы не Ба лу [4], то бабушка и ее внук наверняка не пережили бы эту зиму. И еще, говорили между собой крестьяне, что раз Ли Гуан-хэ стал бойцом Ба лу, то он сумеет отомстить гоминдановцам.

Несколько дней провела мать Ли Гуан-хэ в отряде. Старая и слепая, она не могла остаться с бойцами. Отряд скоро должен был выступить в поход.

На третий день пребывания отряда в деревне новые власти района выделили Ли Гуан-хэ дом из двух комнат и продовольствие для семьи. Вся рота во главе с командиром и политруком помогала Ли Гуан-хэ налаживать хозяйство: привезли и накололи целую гору дров, в огромные баки налили воды...

Настроение у Ли Гуан-хэ заметно улучшилось. Правда, он с болью вспоминал о жене, не зная, жива ли она. Однако теплое, дружеское участие и помощь его товарищей по роте, крестьян, которые нередко приходили за шесть ли, чтобы выразить ему свое сочувствие, — все это трогало Ли, отогревало его сердце. Никогда еще он не пользовался таким вниманием. Впервые за долгое время его товарищи заметили, что он иногда улыбается.

В самый разгар устройства квартиры Ли на улице послышались звуки труб и гонга. Ли вышел посмотреть, в чем дело. Оказывается, председатель районного управления шел к дому Ли Гуан-хэ, чтобы прикрепить к воротам «гуанжунпай» — деревянную дощечку, украшенную красными шелковыми шнурками. Дощечка удостоверяла, что в доме живет семья заслуженного фронтовика Ли Гуан-хэ.

Ли растерялся. Горячая волна поднялась к его сердцу, и он быстро вернулся в комнаты, где его товарищи расставляли домашнюю утварь.

Председатель районного управления, молодой человек лет двадцати с небольшим, прибил к воротам почетную дощечку и зашел в дом. Увидев, что в комнатах полным-полно бойцов, он спросил:

— Кто тут хозяин?

Ли Гуан-хэ сделал шаг вперед и поклонился.

Председатель поздравил его с новосельем и сказал, что, как только в деревне организуется крестьянский союз, сейчас же будет обсужден вопрос о наделении Ли Гуан-хэ землей.

— Районное управление, — добавил председатель, — выделило людей, которые позаботятся о вашей матери.

Ли Гуан-хэ стоял молча, опустив руки по швам и нервно теребя брюки. «Уж не сплю ли я?» — думал он. Ему вспомнилось, как еще совсем недавно он спрашивал старого крестьянина на привале: может ли бедняк получить землю? Тогда ему и в голову не приходила мысль, что он сам может получить землю...

С счастливой улыбкой Ли Гуан-хэ проводил председателя до порога.

День клонился к вечеру. Цзинь-бао сидел на кане и с аппетитом уплетал картошку, испеченную бойцами. Его окружала группа солдат. Они наперебой старались развлечь его. Соседи, приходившие поздравить Ли Гуан-хэ, уже расходились по домам. Мать Ли, одетая в новую черную шелковую одежду старинного покроя, выданную ей из конфискованного имущества помещика Ли Кунь-шаня, сидела на теплом кане. Она слышала, как бойцы и соседи поздравляли сына, радовалась этому, но на сердце ее было неспокойно: она вспоминала про свою невестку.

Знаком подозвав сына, она тихо сказала:

— Все теперь хорошо, недостает только твоей жены. Где она, бедная, мучается? — и заплакала.

Ли Гуан-хэ нахмурился. Сердце его пронизала острая боль.

— Не нужно вспоминать об этом, мама!

Политрук, все еще находившийся с группой бойцов в доме, подошел к матери Ли и стал ее успокаивать.

— Не беспокойтесь, мать, — сказал он, — мы уже ходатайствовали перед штабом батальона, и нам разрешили оставить Ли с вами, чтобы он мог за вами ухаживать.

Ли Гуан-хэ, услышав это, покраснел до корней волос. Он повернулся к политруку и сказал:

— Товарищ политрук, разве вы считаете, что я до конца рассчитался с гоминдановцами?

Как ни уговаривал его политрук, Ли решительно отказался остаться в своем доме даже на одну ночь. Он поднял Цзинь-бао, поцеловал его и, простившись с матерью, вместе с бойцами направился в расположение роты. Глубокой ночью был получен приказ выступать.

Шел густой снег. Крестьяне в деревне еще спали, а отряд уже выступил в поход по направлению к Мукдену.

Когда отряд вышел из восточных ворот и повернул к югу, Ли Гуан-хэ последний раз оглянулся на деревню. Над крышами слабо вились струи дыма. Где-то запел петух.

Отряд, ни на минуту не останавливаясь, продолжал свой путь.

Перевел с китайского **Н. ПАХОМОВ**

[4] Так в народе называют Народно-освободительную армию Китая. Название происходит от сокращенного — ди ба лу цзюнь, что означает «восьмое направление», т. е. 8-ю армию.

Песни труда

Возле коксовой печи, принимая на себя пламенное ее дыхание, стоял паренек. Крепко держа шланг, он сильной струей воды охлаждал беснующийся огонь. Следовало бы ему хоть на пару метров стойти от пламени и едкого газа, но как только он отступал на шаг, за его спиной вырастал десятник-француз и разражался бранью: «Лей вода, сволочь! Лей вода!»

Каким образом очутился паренек на нижней площадке, неизвестно. Окровавленный, он лежал в воде и видел над собой все то же мерзкое лицо десятника, орущего: «Лей!»

Паренек поднялся и, пошатываясь, полез наверх. Но француз сильно дернул его за полу куртки, и он снова упал и снова услышал окрик.

Собрав остаток сил, паренек приподнялся, взял шланг и вдруг направил струю в красную рожу десятника. Промокший до последней нитки, тот бросился в сторону. На помощь к нему из конторки прибежал мастер, тоже француз, и схватил глыбу остывшего кокса. Но студеная струя ослепила и его. Клетчатая кепка упала в лужу. Чесучевый пиджак нелепо обвис на плечах. Воротник накрахмаленной сорочки сдавил горло. Мастер с остервенением сорвал воротник и бросился на мальчишку, но тот ловко извернулся и сбежал по сходням.

Он был свободен теперь от побоев и от работы. Но как отнесутся родные? Отец сказал:

— Ну что ж, сынок, заводской рабочий из тебя не вышел. Умойся, отдохни, а завтра пойдешь со мной в шахту. Это будет верней.

Так начиналась трудовая жизнь рабочего поэта Донбасса Павла Григорьевича Беспощадного (Иванова). Было ему тогда всего 12 лет, и звали его просто Пашей.

За добрый «могарыч» Паша был принят на рудник. Лампонос, глиномаз, тормозной, плитовой — этот путь прошел он на старой селезневской шахте. Он узнал кроме того другие горняцкие профессии. Был вагонщиком, лебедчиком, работал на подрывке, коногонил, возил «санки». И он испытал на себе весь непосильный, каторжный труд на шахтовладельца.

Когда шахтеры поднялись на борьбу за власть Советов, вместе с товарищами вступил добровольцем в ряды 14-й армии и Павел Иванов. За три года гражданской войны он перенес трижды тиф и воспаление легких. После демобилизации Павел возвратился в Донбасс, в родную Селезневку. Он был слаб здоровьем, под землей работать не мог, но, чтобы не оторваться от шахтерской среды, поступил в газетную экспедицию рудника.

В то время недобитый враг перешел к скрытым формам борьбы. В поселке стали появляться провокационные частушки. И Павел решает бороться с врагом острым оружием — большевистским словом. С помощью партийной организации он создал на руднике стенную газету «Голос шахтера». В ней-то впервые и появились стихи, под которыми стояла подпись: «Павел Беспощадный».

Так началась творческая деятельность горняка-поэта. От задорных, боевых частушек и песенок на местные темы, публикуемых в стенгазете и распевавшихся селезневской молодежью, Павел Беспощадный перешел к поэтическому воспеванию нового Донбасса, рождавшегося на его глазах. Он просиживал теперь целые ночи над книгами.

Скорбная весть о кончине Владимира Ильича Ленина потрясла всех советских людей. Павел Беспощадный написал в те дни стихотворение. Прочитанное на траурном митинге в Селезневке, оно произвело огромное впечатление на шахтеров. Они группами подходили к нему и, пожимая руку, спрашивали:

— А где тут, Паша, пишутся в партию?

Вскоре Беспощадный поступил на работу в «Кочегарку» — популярную шахтерскую газету. Там и создал он первый сборник стихов — «Каменная книга». Уже тогда, видя огромную заботу партии о родном Донбассе и его людях, поэт ощущал скорый приход технической революции в шахты:

Он идет, этот сильный век,
Слышу грохот и лязг его брони —
На всю шахту один человек
Будет, будто шутя, коногонить.

Написано это было двадцать пять лет назад. «Сильный век», о котором тогда мечтал поэт, пришел. И вместе с Донбассом вырос его лучший певец — Павел Беспощадный. Новой, социалистической шахте поэт посвящает самые сердечные, самые задушевные строки.

Изданная в Киеве книга П. Беспощадного «Песни труда» включает в себя все лучшее, что создано поэтом. В первый раздел ее вошли стихи из «Каменной книги». Цикл стихов «В подневолье» рисует картины старого, капиталистического Донбасса. Тут и «сам» — владелец рудника, и жандарм — «кожедер», и лавочник, забирающий у шахтеров весь скудный заработок, и «квартирный», и бабка-гадалка. Тут и сцена у рудничного «фонтана», в котором жены шахтеров стирают белье, и трагедия в шахте, обвал, гибель товарища-забойщика. Тут и лампоносы — «малыши-рыбы» — и контуженный коногон, который «рассыпал свой огонь по подземной кривой продольной».

Через все стихи проходит личная биография поэта, связанная с биографией социалистического Донбасса. Вспоминая о тяжелом прошлом, поэт как бы призывает этим читателей еще больше ценить наше светлое Сегодня, отдавать все силы построению прекрасного Завтра.

О бурном росте шахт в годы первых сталинских пятилеток рассказывает второй раздел книги...

Обушок и «санки» сменяются врубовой машиной, угольным стругом, горным комбайном. Происходит перевооружение угольной промышленности. Вырастают огромные, невиданные доселе подземные предприятия.

Прощайте, шахты шубинских рассказов, —
Пришел стальной помощник горняка, —

пишет Павел Беспощадный, приветствуя «моторного друга» — электровоз. Но главное, что привлекает внимание поэта, — люди, шахтеры, которые говорят:

Наши ль мускулы остынут?!
Мы живем в горячем веке.
Мы пришли, чтоб горы сдвинуть,
Обуздать шальные реки.

«Родное» — так называется третий раздел книги. Здесь представлены произведения поэта, написанные в дни Великой Отечественной войны.

«С нами Сталин!» — с этой мыслью живет и творит поэт в те трудные годы. Сильными, точными словами характеризует он работу шахтеров в тылу:

Здесь не просто пласт холодный
Под землей лежит ребром, —
В каждой тонне — гнев народный,
В каждой тонне — грозный гром.

Пламенные строки посвятил Павел Беспощадный землякам-воинам — дважды Герою Советского Союза летчику Александру Молодчему, донбасским партизанам. Клятвенно звучат его слова:

Донбасс никто не ставил на колени,
И никому поставить не дано!

Песней о Победе встречает поэт день 9 мая 1945 года. Радостью наполнены его стихи:

Вешний воздух чист, и весел,
И кристален,
А на сердце столько песен:
В каждой — Сталин.

Последние два раздела книги — «Наследство» и «Шахтерские песни» — состоят из произведений, посвященных послевоенному строительству родного Донбасса.

Поэтика Павла Беспощадного — в народном творчестве, в шахтерских песнях, частушках, поговорках. И не удивительно, что многие стихи поэта, положенные на музыку, прочно вошли в быт горняков.

Автору книги «Песни труда» скоро исполнится пятьдесят пять лет. Но читатель, не знающий его лично, безусловно, считает поэта еще совсем молодым, потому что от всего его творчества веет юностью и бодростью.

Партия, правительство, народ высоко ценят плодотворную работу поэта. В дни 30-летия советской Украины Павел Григорьевич Беспощадный награжден орденом Ленина. Трудящиеся Ворошиловграда, где живет поэт, избрали его депутатом городского Совета. П. Беспощадному присвоено звание «Почетный шахтер».

Микола УПЕНИК

ПАВЕЛ БЕСПОЩАДНЫЙ «Песни труда». Гослитиздат Украины. Киев. 1949.

Роман о Невельском

Роман дальневосточного писателя Николая Задорнова «К океану» посвящен одному из наиболее интересных эпизодов в истории Сибири и Дальнего Востока — амурской экспедиции выдающегося русского исследователя Геннадия Ивановича Невельского.

Благородный облик Невельского и самая история амурской экспедиции, потребовавшей от всех ее участников большой настойчивости и отваги, представляют богатый материал для создания патриотического произведения о талантливом русском путешественнике. Еще Чехов, с симпатией относившийся к Невельскому, писал в своей книге «Остров Сахалин», что «это был энергический, горячего темперамента человек, образованный, самоотверженный, гуманный, до мозга костей проникнутый идеей и преданный ей фанатически».

Как истинный патриот, Невельской мечтал видеть родину сильной и могущественной. Своими исследованиями он опроверг распространенное мнение, что устье Амура несудоходно, и указал на огромное значение для России этой реки, открывавшей удобный, естественный выход из Сибири к Тихому океану. Добиваясь возвращения России Амура и богатейших, исконно-русских земель по Амуру, Невельской не уставал напоминать, что существует реальная угроза захвата реки англичанами и американцами.

Эта глубоко патриотическая деятельность Невельского привела его к конфликту со многими могущественными представителями самодержавно-крепостнической России, старавшимися похоронить амурскую проблему. Против исследования устья Амура ополчились и богатые забайкальские купцы Кондинские, прямые английские агенты на Дальнем Востоке, и высокопоставленные николаевские чиновники в Петербурге. Министр иностранных дел Нессельроде, угрожая правительству, что опись устья Амура неизбежно приведет к серьезным международным осложнениям, также, в сущности, играл наруку иностранцам. Сам Николай I, был твердо убежден, что Амур теряется в песках и в силу этого бесполезен для России. Нужно было обладать незаурядным мужеством и глубокой любовью к своей отчизне, чтобы вопреки официальным предписаниям и прямо выраженной воле царя все же начать и довести до конца исследования, — которые, по искреннему убеждению Невельского, содействовали славе и процветанию России.

Следуя богатым традициям советского исторического романа, Н. Задорнов развертывает историю экспедиции Невельского на фоне русской общественной жизни середины прошлого века. В придворных кругах недоброжелательно встречают предложения Невельского. Но передовые люди России: знаменитый полярный путешественник Литке, друг Невельского петрашевец Полозов, чьи образы бегло очерчены в романе, — с глубоким вниманием относятся к его замыслам, предвидя, что исследования Невельского откроют для Сибири огромные перспективы.

Живо и увлекательно, с большим знанием истории родного края рисует Задорнов ход экспедиции, жизнь и быт коренных жителей Приамурья — гольдов и гиляков, — дружеское отношение к ним Невельского. Судьба этих маленьких, задушенных бесправием и нищетой народов волнует своим драматизмом. Пользуясь отсутствием русского флота и гарнизонов, в этих глухих и отдаленных районах открыто разбойничают наряду с маньчжурскими купцами американские и английские китобои, которых туземцы боятся и ненавидят еще сильнее, чем маньчжур.

Англо-американские трубадуры империализма немало потрудились над тем, чтобы возвеличить в бесчисленных колониальных романах образы «доблестных цивилизаторов» отсталых народов. В романе Николая Задорнова эти «герои» предстают без маски: жадными, циничными торгашами, наглыми и трусливыми. Таков английский разведчик Остен, занимавшийся под предлогом геологических исследований и поисков английского полярного путешественника Джона Франклина сбором шпионских сведений о Восточной Сибири. Таковы английские и американские китобои. Безнаказанно бороздя русские воды, они хищнически истребляют богатства восточных морей, грабят и убивают гиляков, увозят в рабство их жен.

Невельской хорошо понимает, какая печальная судьба была бы уготована этому краю, если бы англичане и американцы сумели обосноваться где-либо на берегах Охотского моря. С гневом предупредив шкипера американского китобойного судна о суровых последствиях, которые будут иметь для иностранных судов пиратские действия в русских территориальных водах, Невельской взволнованно обращается затем к офицерам своего корабля: «Если правительство не следит за порядком, мы сами должны стараться сколько возможно ограничить деятельность этих негодяев».

Роман «К океану» — итог серьезной и плодотворной работы писателя. Задорнов сумел привлечь интересный исторический материал, верно оценил факты и события минувшей эпохи, нарисовал яркую картину захватнических планов англичан и американцев, их пиратских действий на дальневосточных границах России. Все это придает роману большой историко-познавательный интерес. Но, закончив книгу рассказом об описании лимана и устья Амура, Задорнов ограничил свои возможности. Невельскому пришлось выдержать длительную и упорную борьбу, прежде чем его открытия получили признание. В Петербурге отказывались верить сообщению амурской экспедиции, а самому Невельскому грозило строгое наказание за самовольные действия. Жаль, что этот эпизод, характеризующий тупость и бюрократизм николаевских министров, не нашел отражения в книге.

Видное место занимает в романе образ губернатора Восточной Сибири Муравьева. Будучи просвещенным человеком, Муравьев отлично понимал всю важность исследований Невельского и оказывал ему серьезную поддержку. Но в отличие от Невельского, который, действуя на свой страх и риск, чуть не поплатился разжалованием в матросы, Муравьев не желал жертвовать из-за Амура служебным положением и карьерой. Портрет Муравьева правдиво нарисован Задорновым. Однако и этот образ выглядел бы более законченным, если бы Задорнов, продолжая повествование, рассказал, как Муравьев, впоследствии получивший титул «графа Амурского», постарался отстранить Невельского от дел, убрать его со своего пути.

Для развернутой характеристики действующих лиц писателю часто нехватает мастерства, и некоторые персонажи кажутся лишь бледными тенями. Описания и диалоги носят иногда лишь информационный характер, напоминая страницы из научно-популярных очерков, наспех перенесенные в художественное произведение. Слабо разработаны образы соратников Невельского, особенно рядовых матросов. Готовясь к экспедиции, Невельской сознательно набирал команду из русских моряков. Он гордился тем, что «в лице этих русских людей вошла в устье Амура коренная Россия: новгородцы, тверяки, петербуржцы». И Задорнову следовало бы поближе познакомить с ними читателя.

Но в целом новый роман Николая Задорнова — бесспорная удача писателя. Отдельные недостатки не могут заслонить ни большого и ценного содержания этой книги, ни серьезности и глубины авторского замысла.

Б. ГАЛАНОВ

НИКОЛАЙ ЗАДОРНОВ «К океану». Роман. Журнал «Дальний Восток» № 3, 4 за 1949 год.

Балет «Красный мак» в Большом театре СССР. Вверху: сцена из первого действия; в роли Тао Хоа Г. С. Уланова. Внизу: сцена из первого действия — прибытие советского парохода.

Фото Евгении Игнатович

ВЕТСКИЕ ПРОФСОЮЗЫ-КИТАЙСКИМ РАБОЧИМ

Финальная сцена из балета «Красный мак».
...о М. Фото М. Сахарова

МА ЛИ-ЧЕН и ТАО ХОА

Балет «Красный мак» в Большом театре СССР.

Черное, бездонное небо с огромной тускломедной луной. На мертвой, голой земле, одинокая и беспомощная, стоит девушка-китаянка. Она видит, как к луне подкрадывается чудовище и ударяет в нее, как в гонг. Из тьмы возникает фантастическое шествие полулюдей-полудраконов. На огромном щите они несут своего властелина. Он гонит и истязает толпу полуголых, изможденных людей. В ужасе девушка закрывает лицо. В этих страшных образах — темное прошлое феодального Китая, царства бесправия, нужды и произвола...

И вдруг яркий луч солнца прорезает мрак. Это светлое воинство явилось на помощь девушке и порабощенному народу. Мужественно бьются смелые юноши с темными силами и побеждают. Наступает свободная, счастливая жизнь.

Это сон Тао Хоа — китайской народной танцовщицы. Но в сновидении ее как бы продолжаются события дня, преломляется действительность.

Гоминдановский Китай конца 20-х годов — страна бесправия и нищеты... В порту перед рабочим людом танцует любимица народа — Тао Хоа. Ее грациозное, изящное искусство приносит радость народу, помогает ему на время забыть о тяжелой, беспросветной жизни. Но сегодня танец Тао Хоа особенно пленителен. Каждое движение ее маленьких выразительных рук вызывает восторг присутствующих. Свой танец она посвящает капитану советского парохода, доставившего бастующим китайским рабочим хлеб от советских профсоюзов. В сплоченности и дружбе советских людей новый мир раскрылся перед нею — мир свободы и человечности. Как заветную мечту об этом мире, как символ светлого будущего своего народа хранит Тао Хоа подарок советского капитана — красный мак. «Красный мак» — так называется балет Р. Глиэра, новую постановку которого осуществил Большой театр Союза ССР.

Балет «Красный мак» занимает в истории советского музыкального театра особое место.

Показанный впервые на сцене Большого театра в 1927 году, «Красный мак» находился в репертуаре до 1936 года, выдержав за это время 327 спектаклей. Это была первая попытка воплотить в балете идеи и образы сегодняшнего дня, показать события, глубоко волнующие советских людей,— героическую освободительную борьбу великого китайского народа.

Балет встретил горячий отклик у широкого советского зрителя. Убедительное и яркое воплощение в музыке спектакля нашла тема борьбы китайского народа, постепенный рост революционного сознания грузчиков — кули. В мрачные, сосредоточенно суровые и вместе с тем напряженно тревожные музыкальные образы начала первого акта врывается гимн пролетарской солидарности. В балете возникает мощный образ народных масс, осознавших силу своей сплоченности (танец кули в первом акте). Грозный взрыв народного гнева против поработителей завершается радостным героическим финалом, в котором мужественный народ-борец, народ-победитель поднимает красное знамя.

Свойственная творчеству Р. Глиэра напевность музыкальной речи, мастерское владение инструментами оркестра сделали музыку балета выразительной и понятной настолько, что в интонациях оркестра (дирижер Ю. Ф. Файер) как бы слышится задушевный человеческий голос.

Это ярко ощущается в сценах, связанных с переживаниями героини балета, танцовщицы китаянки Тао Хоа, трогательный и светлый образ которой написан композитором с особой теплотой и глубокой искренностью.

Существенные изменения претерпел в новой постановке образ Тао Хоа. Он освобожден от налета мелодраматизма и условной экзотики прежней постановки. Отношения Тао Хоа и Ли Шан-фу — подручного заокеанских «хозяев» Китая — ныне только отношения антрепренера и состоящей у него на службе артистки. Не женское чувство к капитану советского корабля, а любовь и уважение к человеку из Страны Советов воодушевляют юную китаянку, и она спасает советского моряка в минуту опасности.

Тао Хоа в новой постановке — не только народная танцовщица, горячо любимая трудящимся людом, но и участница освободительной борьбы народа. Образ Тао Хоа в исполнении Г. Улановой и О. Лепешинской приобрел черты активности и революционного оптимизма. Сохранив все очарование женственности и лиричности, вытекающих из музыкальной характеристики, исполнительницы убедительно раскрывают в своей героине рост сознания свободного человека. Тао Хоа погибает героической смертью от руки Ли Шан-фу, покушавшегося на жизнь Ма Ли-чена. Образ вожака трудящихся Китая, кули Ма Ли-чена, появился только в новой постановке балета на сцене Большого театра. Артисты М. Габович и Ю. Кондратов вдохновенно и правдиво показывают постепенное превращение свободолюбивого молодого кули в организатора народных масс. Создание на балетной сцене реалистического, глубоко впечатляющего образа народа, объединяющегося в освободительной борьбе,— значительное достижение советского хореографического искусства.

Действенность народных массо-

Народная артистка РСФСР лауреат Сталинской премии Г. Уланова в роли танцовщицы Тао Хоа.

вых сцен создает подлинно революционное звучание спектакля.

Постановщик - балетмейстер Л. Лавровский совместно с коллективом театра сумел найти нужные краски и выразительные средства, чтобы показать духовное богатство и красоту, глубокую человечность и благородство людей труда, воодушевляемых идеей освободительной борьбы.

Мы видим в спектакле, как вдохновляющий пример сплоченности советских людей, их благородные качества, их великая идея дружбы и равенства трудящихся всего мира ободряют кули и помогают им осознать силу организованности и революционной целеустремленности.

Вот почему особое значение в спектакле приобретает образ капитана советского парохода, запоминающийся своей внутренней силой, душевной красотой и строгой простотой (А. Радунский и А. Томский).

Художественно убедительно и политически остро обрисованы в спектакле братская любовь трудящихся масс Китая к Советскому Союзу и жгучая ненависть, питаемая к Стране Советов врагами китайского народа.

Лагерь врагов китайского народа убедительно представлен в балете. На взаимоотношениях американца Босса (В. Смольцов) и хозяина увеселительных заведений города китайца Ли Шан-фу (А. Ермолаев и С. Корень) театр сумел показать общность интересов реакционной буржуазии разных стран и буржуазии гоминдановского Китая, пресмыкающейся перед империалистическими колонизаторами.

Выпукло и убедительно охарактеризованы в балете два противостоящих друг другу мира: мир советских людей и китайских трудящихся, а с другой стороны — китайская буржуазия, английские и американские колонизаторы. В их столкновении и борьбе развивается музыкальная линия балета.

Серьезное изучение музыкального творчества Китая, мелодий и ритмов песен Народно-освободительной армии помогло композитору воспроизвести в музыке реалистически и убедительно национальный и бытовой колорит Китая.

Своим успехом спектакль «Красный мак» обязан замечательному ансамблю мастеров балетной сцены Большого театра Союза ССР. Новая выразительная инструментовка, выполненная Р. М. Глиэром, придает особое достоинство музыке балета. Работа балетмейстера-постановщика Л. Лавровского — новая победа советского музыкального театра в овладении методом социалистического реализма. Художнику М. Курилко удалось создать правдивые и яркие картины китайского портового города. Особенно удалась ночная панорама залива с огнями расположенного на берегу города, с почти ощутимым воздушным простором и теплом южной ночи.

Спектакль «Красный мак» насыщен мужественным и страстным пафосом. Его монументальный финал, мощные заключительные музыкально-пластические аккорды — это слава народу, завоевавшему свою свободу и независимость.

А. САМАРИН

Лауреаты Сталинской премии В. И. Ингал (слева) и В. Я. Боголюбов в своей мастерской. На переднем плане — скульптурный портрет В. П. Чкалова. Позади — статуя К. Е. Ворошилова.

Фото Д. Трахтенберга.

Двадцать лет работы вдвоем

Советский скульптор, воплощая в своих произведениях идеи и образы эпохи социализма, совершает важное патриотическое дело. Его резец умеет согреть дыханием жизни и холодный мрамор и тяжелую бронзу, запечатлеть в скульптуре облик вождей революции, лучших людей современности.

В Государственной Третьяковской галлерее установлена статуя Григория Константиновича Орджоникидзе. И тысячи людей, проходящих ежедневно по залам музея, будто внимают его волнующей речи. В страстном жесте поднял Серго Орджоникидзе правую руку. Одухотворенное глубокой мыслью, его лицо живет. Пытливо смотрят глаза, губы будто произносят пламенные слова. Орджоникидзе стоит уверенный, сильный. Это революционер сталинской школы, умеющий повести за собой массы.

Да, именно таким живет Серго Орджоникидзе в сердцах советских людей. И в том, что скульптурный образ отвечает народному представлению об этом человеке,— большая удача авторов.

Авторы статуи В. Я. Боголюбов и В. И. Ингал — известные ленинградские скульпторы. За создание статуи Орджоникидзе они удостоены Сталинской премии.

Недавно творческому содружеству Боголюбова и Ингала исполнилось двадцать лет.

Совместная работа двух скульпторов возможна только между художниками, близкими по духу, по методу и приблизительно равными по мастерству.

Каждый из членов популярного коллектива художников Кукрыниксы удачно выступает на выставках и самостоятельно. Точно так же и В. Боголюбов и В. Ингал имеют индивидуальные произведения, пользующиеся успехом.

Первым их совместным трудом были статуи красноармейца и краснофлотца, установленные в 1929 году на Каменном острове, при входе в ленинградский Дом Красной Армии.

С первых же работ Боголюбов и Ингал стремились к созданию ясных, реалистических произведений, понятных и нужных зрителю, произведений, созвучных советской эпохе.

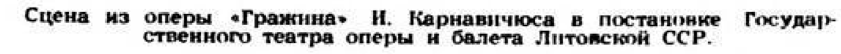
Создание величественного образа Иосифа Виссарионовича Сталина было давнишней мечтой скульпторов. Авторы упорно работали над запечатлением в мраморе, бронзе и гипсе дорогих черт Иосифа Виссарионовича. Боголюбов и Ингал несколько раз показывали на выставках свои произведения, посвященные И. В. Сталину. И сейчас ваятели продолжают трудиться над воплощением в скульптуре образа великого Сталина.

В мастерской ваятелей на видном месте находится статуя В. П. Чкалова. Глядя на монумент Чкалова, думаешь: это человек сталинской закалки.

Скульпторы обращаются и к образам великих представителей русской культуры. Сейчас В. Боголюбов и В. Ингал заканчивают работу над памятником Н. А. Римскому-Корсакову. Шестиметровый монумент из бронзы и гранита будет установлен в Ленинграде на Театральной площади, неподалеку от памятника Глинке.

Е. БРАГИН

Сцена из оперы «Гражина» И. Карнавичюса в постановке Государственного театра оперы и балета Литовской ССР.

Сцена из спектакля «Яблони зацветут» Ю. Хливицкаса и Ю. Густайтиса в постановке Вильнюсского государственного драматического театра Литовской ССР.

Фото В. Евграфова.

В ТЕАТРАХ ЛИТОВСКОЙ СТОЛИЦЫ

Ведущее место среди театров Литвы по праву занимают два столичных ее театра — драматический и оперный.

Вильнюсский государственный драматический театр много и серьезно работает над созданием спектаклей на современные темы, и недаром поэтому на смотре современных советских постановок в республике этот театр оказался впереди.

В его репертуаре следует отметить спектакль «Яблони зацветут» Ю. Хливицкаса и Ю. Густайтиса, поставленный режиссером К. Кимонтайте,— о жизни крестьянства на первом этапе социалистического преобразования литовской деревни.

Мы видим на сцене только что организованный колхоз, слышим горячие споры людей, соединившихся для коллективного труда. Председатель колхоза Кведарас (артист Ю. Сипарис) и парторг Галинис (артист П. Зулонас) — люди с богатым жизненным опытом — отдают свои силы строительству новой жизни. С ними старая крестьянка Галиниене (артистка Э. Грикевичюте), мечтающая о цветущем яблоневом колхозном саде, середняк Петкус (артист Н. Накас) и другие.

Кулаки поджигают амбар с колхозным зерном, запугивают крестьян мнимыми трудностями колхозной жизни. Но происки врагов разоблачены и сорваны. Колхозники с восторгом встречают трактор, прибывший из города. Мечты трудового крестьянства становятся реальностью: яблони зацветут на колхозной земле, богатые плоды принесет коллективный труд.

Спектакль «Яблони зацветут» с огромным успехом идет на сцене театра. Его смотрят и колхозники. Жизнь в колхозах ушла далеко вперед по сравнению с показанным в спектакле, говорят колхозники-зрители, но спектакль нужный, правдивый, так как он учит трудящихся бдительности и сплоченности.

Государственный театр оперы и балета Литвы показал недавно оперный спектакль «Гражина» (музыка И. Карнавичюса) — о борьбе литовского народа против немецких крестоносцев. Гражина возглавляет поход литовских войск против захватчиков. Враг разбит и отогнан, но Гражина смертельно ранена и умирает, чтимая народом, торжествующим победу.

В музыке спектакля широко использованы народные мелодии. Среди исполнителей — гусляры (вайдилы), играющие и поющие старинные песни.

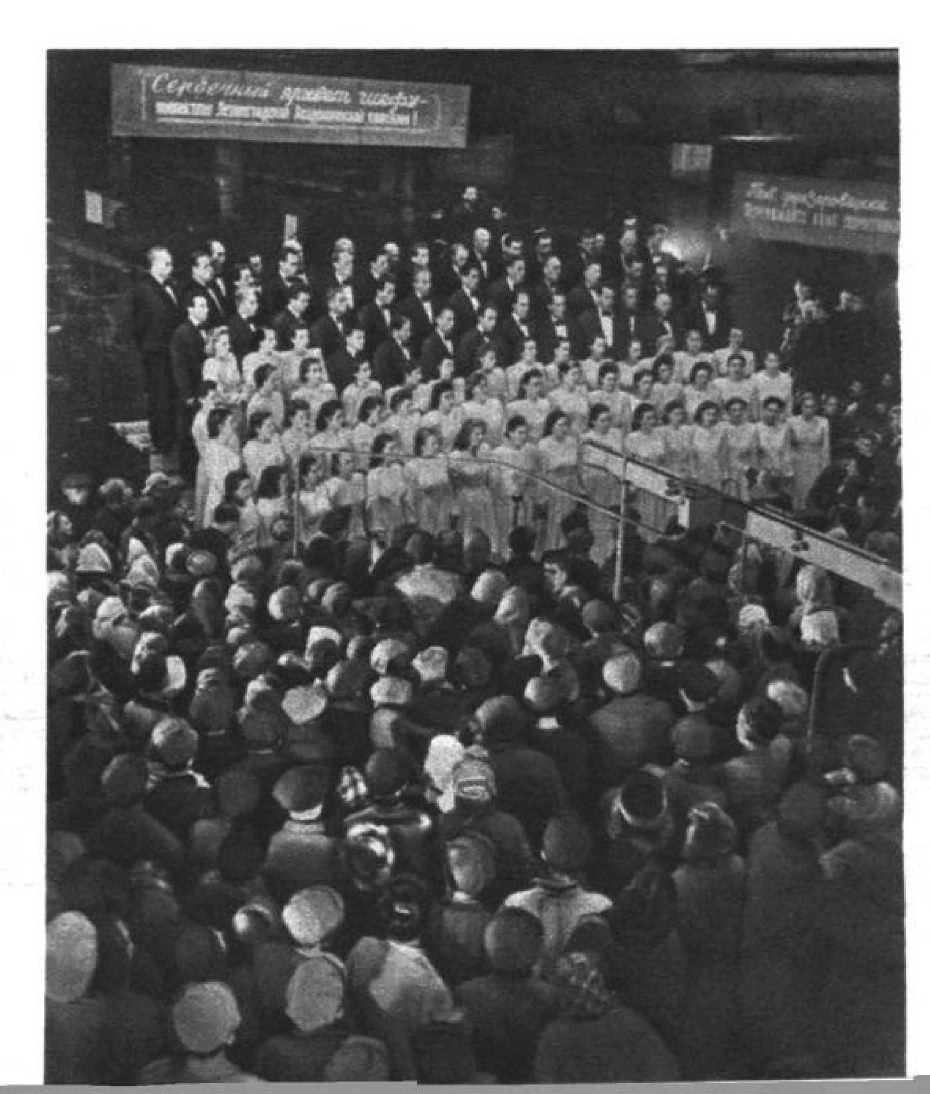
Спектакль о далеком героическом прошлом народа Литвы хорошо принимается зрителями.

КРЕПКАЯ ДРУЖБА

Дружба между рабочими Ленинградского завода имени С. М. Кирова и старейшим хоровым коллективом страны — Государственной академической капеллой — завязалась недавно.

Как-то во время обеденного перерыва капелла в полном составе появилась в одном из крупнейших цехов завода (см. фото). Под управлением художественного руководителя заслуженного деятеля искусств Г. А. Дмитревского она исполнила «Патриотическую песнь» Глинки, народные песни «Родина» и «Глухой неведомой тайгою», «Веселый пир» Новикова. Концерт капеллы закончился исполнением «Славься» из оперы Глинки «Иван Сусанин».

После выступления хора на эстраду поднялся заместитель начальника цеха тов. Башилов. От имени рабочих и инженеров он горячо поблагодарил гостей и выразил надежду, что этот концерт положит начало прочной дружбе между заводом и капеллой. В ответном слове профессор Дмитревский сообщил кировцам, что капелла принимает шефство над музыкальной самодеятельностью завода.

Через несколько дней во Дворце культуры имени Гааза капелла выступила перед кировцами с шефским концертом по расширенной программе.

Вскоре представители заводской самодеятельности приехали с ответным визитом к коллективу капеллы. Кировцы побывали на репетициях, при разучивании новых произведений советских композиторов.

— Вы показали нам, — сказал кировцам профессор Дмитревский, — как бесформенная деталь, попадая на конвейер, превращается в законченную продукцию. Приглашая вас присутствовать на репетициях, мы, в свою очередь, показываем, как происходит у нас освоение и шлифовка нового музыкального произведения.

Для участников хоровых кружков завода капелла проводит лекции-концерты, посвященные русской хоровой культуре, народной песне, русской классике. Для цеховых кружков выделены опытные хормейстеры-консультанты. На заводе организуется кружок по изучению теории музыки.

На лыжне

Л. ЛИБКИНД
заслуженный мастер спорта

С вершины холма далеко видна узкая лента лыжни, бегущая между красноватыми стволами старых сосен. Несколько десятков зрителей вглядывается в снежную даль, ожидая лыжников. Где-то в лесу идет острая спортивная борьба. Гонщики преодолевают длинные подъемы, спускаются с крутых гор, лавируют между деревьями. Кто из них будет первым?

Из лесной чащи на просеку выходит первый лыжник. Расстояние так велико, что даже самые зоркие не могут разглядеть ни его лица, ни номера на груди. Но вскоре со всех сторон раздается: «Смирнов, Смирнов идет!».

Широкогрудый, высокий, он идет с удивительной легкостью. Плавные и ритмичные движения, сменяющие друг друга, сливаются в одно длинное, непрерывное скольжение. Со стороны кажется, что человек неторопливо катится по лыжне, далеко выбрасывая вперед руку и долго скользя на согнутой ноге.

И только по тому, как он стремительно приближается, а затем проносится мимо тебя, понимаешь, какая большая скорость таится в этом длинном скользящем шаге.

Много лет раздумий и упорного труда потратил Василий Смирнов на то, чтобы выработать этот безукоризненный стиль, точность и законченность движений.

* * *

Темная зелень елей покрыта белыми шапками снега. Толстой пеленой снег покрывает землю. Подросток лет тринадцати с красной повязкой контролера на рукаве полушубка заботливо осматривает лыжню. Сейчас здесь пройдут первые участники гонки. На его участке должен быть порядок. Не зря доверили ему такую ответственную работу!

Когда же приближаются лыжники, контролер торопливо достает из кармана карандаш и блокнот и старательно записывает их номера. Лучшие гонщики страны прошли мимо него.

Гонка закончилась. Стемнело.

По дороге неторопливо идут высокий, стройный человек и коренастый мальчуган — контролер с лыжами на плечах.

— Вот знаешь, дядя Коля,— обращается маленький к большому,— сколько раз смотрю на них, на мастеров, и все думаю...

— О чем же ты думаешь? — улыбается большой

— Нет, ты не смейся. Хорошо идут, быстро, красиво, только уж очень суетятся. Если бы руку выносить дальше и шаг делать длиннее, больше скользить, лучше бы было, а?

— Пожалуй, ты прав,— сказал взрослый.— Молодец парень, хорошо голова у тебя работает. Мы с тобой попробуем на тренировке ходить длинным шагом.

Маленького, Васю Смирнова, и «большого», Николая Николаевича Денисова, заслуженного мастера спорта по легкой атлетике, связывала крепкая дружба. Оба они жили в Лихоборах, окраинном зеленом районе Москвы. В свободные от работы и тренировок часы Николай Денисов, в те дни уже знаменитый бегун и прекрасный лыжник, любил собирать своих соседей — лихоборских ребятишек — и устраивать между ними соревнование — летом в беге и прыжках, зимой — на лыжах и коньках.

Васёк Смирнов был непременным участником этих соревнований. Крепкий, ловкий, решительный, он чаще других выходил победителем. Денисов полюбил светловолосого, вихрастого мальчугана. Особенно нравились ему в нем настойчивость, упрямство и пытливый ум. Мальчик ничего не принимал на веру. Он не давал покоя постоянными расспросами.

Весной и осенью, когда Николай Денисов с группой легкоатлетов тренировался в Тимирязевском лесу, Васёк увязывался за ним и старался во всем подражать старшим. С удивительным упорством ходил он энергичным спортивным шагом, бегал кроссы, занимался гимнастикой.

Это была первая спортивная школа Смирнова. Здесь он понял смысл тренировок и осознал, что победы достигаются в настойчивом труде.

В пятнадцать лет Вася был сильным, хорошо развитым и выносливым подростком и очень любил ходить на лыжах. Едва только земля покрывалась снегом, он вытаскивал лыжи и не расставался с ними до тех пор, пока в лесу не оставалось ни одного белого клочка. Он не просто катался, как многие из его сверстников. У него была цель: уметь ходить на лыжах легко и непринужденно. Он наблюдал за мастерами, учился у них. Выработалась у Смирнова строгая, продуманная система регулярных тренировок. Перед началом сезона он занимался гимнастикой, спортивной ходьбой вперемежку с бегом, это укрепляло сердце, дыхательную систему, развивало мышцы. А зимой он осваивал технику — искусство скольжения и энергичного толчка, искал лучшие способы преодоления подъемов и удобной стойки на крутых спусках, изучал сложные повороты.

Шло время. Василий Смирнов участвовал во многих соревнованиях, имел уже не одну победу и, наконец, в 1937 году вышел на большую спортивную лыжню — принял участие в гонке мастеров. Сильнейшие из сильных — Дмитрий и Николай Васильевы, Бычков, Панков, Хапанцев и многие другие — стояли рядом с ним на старте.

Каждые пятнадцать секунд вспыхивал красный флажок стартера, открывая путь очередному гонщику. Волнуясь, ждал своей очереди Смирнов. Для него это был серьезный экзамен.

Рассыпавшиеся по всей дистанции зрители сразу обратили внимание на то, что Смирнов идет совсем не так, как остальные. Он больше сгибает ноги, дольше скользит, дальше выбрасывает палки. Многие сомневались, принесет ли это ему успех? Слишком медленными казались его движения. Однако чем дальше шел молодой гонщик, тем чаще мастерам приходилось уступать ему лыжню.

Василий Смирнов занял шестое место, оставив позади себя таких прославленных гонщиков, как Борисов, Хапанцев, Чистяков, Панков.

Знатоки заговорили о выдающихся способностях молодого спортсмена. Смирнов и сам почувствовал свою силу, понял, что может быть первым, а главное — убедился в правильности найденного стиля ходьбы и системы тренировок.

Еще строже стал он относиться к себе. По-прежнему настойчиво добивался он длинного, эластичного скольжения. На тренировках он умышленно выбирал самый сложный маршрут — с тяжелыми подъемами, головокружительными спусками и неожиданными поворотами. Решение трудных задач на тренировках закаляло волю, без которой немыслима борьба на лыжне. И после трудных тренировок условия соревнований казались более легкими. Широкий, свободный шаг и мощный толчок давали большую скорость.

В 1938 году Василий Смирнов, выиграв гонку на 30 километров, впервые надел свитер чемпиона Советского Союза. Среди многих побед, одержанных в ту зиму, эта была самая большая. Она окончательно убедила всех в преимуществах длинного скольжения, пионером которого был Смирнов.

После соревнований, принесших ему звание чемпиона, он написал своему другу Николаю Денисову: «Побеждать можно, если закрепить достигнутое, кое-что исправить и найти новое». Весь характер Смирнова раскрывается в этих словах. Он никогда не стоит на месте, постоянно ищет, пробует, изменяет.

Заслуженный мастер спорта Василий Смирнов.

Из года в год имя Смирнова вписывалось в десятку сильнейших гонщиков. Но его это не успокаивало. Призванный в армию, Смирнов не прекратил тренировок. Он находил часы для бега на лыжах и обучал этому искусству своих однополчан.

В первом послевоенном лыжном сезоне Василий Смирнов стал чемпионом страны на 20 и 50 километров. На дистанции в 30 километров он показал лучшее за всю историю советского лыжного спорта время. Он прошел ее за 1 час 49 минут 12 секунд.

Усовершенствованный Смирновым так называемый попеременный ход стал стилем советских лыжебежцев.

По учебным фильмам и кинограммам, запечатлевшим лыжную технику Смирнова, учатся спортсмены всего Союза, а он, как и пятнадцать лет назад, продолжает настойчиво, регулярно тренироваться, шлифуя каждое движение, добиваясь еще большего совершенства.

В прошлом лыжном сезоне список побед Василия Смирнова дополнился новым достижением. Он завоевал золотую медаль чемпиона страны, показав в «лыжном марафоне» — пятидесятикилометровой гонке — время 3 часа 03 минуты 26 секунд. Никогда не один гонщик страны не проходил эту дистанцию с такой скоростью.

* * *

Выпал снег. Ударили морозы. В Подрезкове, на Планерной, на Сходне снова можно встретить Василия Смирнова с группой гонщиков. Он учит искусству скольжения, сложным поворотам, точному расчету всех, кто выходит вместе с ним на тренировку.

Прекрасный товарищ, чуткий и внимательный, он в то же время строгий и требовательный учитель.

— Я думаю, кое-что в этом году найдем новое,— говорит Смирнов.

— Зачем же, Василий Павлович? Ведь у вас и так каждое движение отточено!..— удивляется кто-то.

— Отточено, а еще подточить не мешает,— весело отзывается Смирнов и, взмахнув палками, уходит вперед.

Таков советский спортсмен Василий Смирнов. Совершенствоваться, все время искать новое, делиться найденным с другими, чтобы вместе двигать вперед советский спорт,— вот цель его жизни.

Людмила Руденко—чемпион мира по шахматам среди женщин

Л. Руденко.

Результаты чемпионата

На закончившемся недавно в Москве международном женском шахматном чемпионате на первенство мира участвовали сильнейшие шахматистки от двенадцати стран. Советский Союз был представлен четырьмя участницами, впервые выступавшими в таком ответственном соревновании.

В результате острой и напряженной борьбы, продолжавшейся около месяца, первые четыре места завоевали советские шахматистки. Блестящего успеха добилась ленинградка Людмила Руденко, занявшая первое место и завоевавшая звание чемпиона мира. Ее результат—11,5 очка из 15 возможных. На втором месте — Ольга Рубцова — 10,5 очка. Третье и четвертое места поделили Валентина Белова и Елизавета Быкова — по 10 очков.

Эдит Келлер (Германская демократическая республика), Шоде де Силан (Франция) и Эйлин Тренмер (Англия) набрали по 9,5 очка и разделили 5, 6 и 7 места.

Далее следуют: Ф. Хеемскерк (Голландия), К. Бенини (Италия), И. Лангош (Венгрия), М. Мора (Куба), Н. Грушкова-Бельска (Чехословакия), Г. Грессер, М. Карф (США), И. Ларсен (Дания), Р. Германова (Польша).

УСПЕХ СОВЕТСКИХ ШАХМАТИСТОК

Михаил **БОТВИННИК**

После долгого перерыва — последний международный турнир женщин происходил в Буэнос-Айресе в 1939 году — состоялся чемпионат мира среди женщин. Если ранее во всех чемпионатах без особой борьбы побеждала талантливая чешская шахматистка Вера Менчик (советские шахматистки в этих соревнованиях не принимали участия), то сейчас разгорелась серьезная борьба.

Нельзя не пожалеть о гибели В. Менчик — ей было всего 38 лет, когда она погибла в 1944 году в Лондоне от фашистской бомбы. В. Менчик не только с легкостью побеждала своих соперниц, но оказывала сильное сопротивление крупным мастерам: ей удавалось выигрывать у М. Эйве, делать ничьи с С. Флором и А. Лилиенталем...

Кто же на сей раз станет чемпионом? Этот вопрос волновал любителей шахмат во всем мире и прежде всего шахматисток, которых, к сожалению, еще не так много на земном шаре. Все же на турнир в гостеприимную Москву съехались представительницы двенадцати стран.

Перед турниром, кроме советских шахматисток В. Беловой, Е. Быковой, О. Рубцовой и Л. Руденко, на первое место пророчили Э. Келлер (Германская демократическая республика) и Г. Грессер (США). Как это нередко бывает, «предсказатели» кое в чем ошиблись.

Они не ошиблись, однако, в основном: советские шахматистки оказались во главе турнирной таблицы. Следует особо подчеркнуть, что советская шахматная организация в силах выставить еще десяток шахматисток, которые мало в чем уступают нашей ведущей четверке и также смогли бы занять достойное место в турнире на первенство мира. Это говорит о закономерности успеха представительниц Советского Союза.

Что же касается до прогнозов в отношении турнирной «погоды» для иностранных участниц, то здесь шахматный «институт прогнозов» оказался не на высоте. Правда, Э. Келлер, хотя и не участвовала в борьбе за первое место, но в общем добилась почетного результата, зато представительница США оказалась во второй половине турнирной таблицы... Но главной неожиданностью был успех француженки Шоде де Силан.

Французская шахматистка лидировала почти на протяжении всего турнира. Лишь на финише она не добилась успеха в борьбе с И. Лангош (Венгрия), В. Беловой, Э. Тренмер (Великобритания) и Л. Руденко.

Критический момент турнирной борьбы был в партии 13-го тура Белова — де Силан. Советская шахматистка добилась превосходной позиции и, несмотря на некоторые упущения с ее стороны, Белова должна была победить. Доигрывание происходило не без взаимных промахов, но все же В. Белова в трудной борьбе добилась победы. Эта партия, по сути дела, и решила исход спортивной борьбы.

Шоде де Силан неплохо рассчитывает варианты, но она заметно уступает советским шахматисткам в понимании общих принципов позиционной борьбы. В этом отношении заслуживает положительной оценки игра Э. Келлер.

С творческой стороны турнир дал немало интересного, но все же были и промахи. Чем же это объяснить?

Прежде всего тем, что еще мало женщин играет в шахматы. Даже в Советском Союзе, где шахматы среди женщин распространены как нигде в мире, шахматисток — по сравнению с шахматистами — все еще маловато. Можно рассчитывать, что чемпионат мира поможет распространению шахмат среди советских женщин и, что особенно важно, среди школьниц. Со временем это приведет к тому, что не только партии женских турниров будут отличаться высоким качеством, но наши шахматистки будут с успехом бороться за шахматной доской... против своих нынешних критиков-шахматистов.

В заключение отметим, что чемпионат мира закончился очередным успехом советских шахматисток. Он вызвал большой интерес как в СССР, так и за границей. Не случайно он был организован в СССР, в стране, которая и в шахматном мире занимает ведущее положение.

О. Рубцова.

В. Белова.

Е. Быкова.

На турнире. Член судейской коллегии чемпион ВЦСПС К. Зворыкина, чемпион Франции Шоде де Силан, заслуженный мастер Н. Зубарев и вице-президент Всемирной шахматной федерации М. Берман.

Фото Г. Дубинского.

Э. Келлер.

Ш. де Силан.

Э. Тренмер.

Золотой человек

Фельетон

Бор. ЕГОРОВ, Ян ПОЛИЩУК

Рисунки Г. Валька

В приемной директора райпищеторга витал папиросный аромат. На деревянной скамье с печальными улыбками сидели двое мужчин: один — худощавый брюнет, с лихой кубанкой на кудрях, другой — щуплый блондин с рыжеватыми полубаками. Входная дверь с присвистом отворилась, и на пороге показалась дородная фигура в кожаном пальто и пыжиковой ушанке.

— Геннадий Демьянович! — радостно подскочил на скамейке блондин.— Какими судьбами?

Приятели троекратно облобызались.

— Эх, брат Аркашка, попал я под обстрел.

— Неужели, Геннадий Демьянович?! Такая столовая! Это же был образцовый пищеблок! Что случилось?

Над черной дерматиновой дверью, ведущей в покои директора, вспыхнула красная лампочка. Мужчина в кубанке быстро снял ее и двинулся на прием. Приятели примостились поудобнее, и Геннадий Демьянович, богатырски вздохнув, начал свой рассказ.

* * *

...Много горя и страданий претерпевало бедное сердце Геннадия Демьяновича. Невыразимая грусть светилась в его глазах, когда он смотрел на доску соревнования, вывешенную в торге. Покрасневший от стыда закусочный рак держал в клешнях номер его столовой. Так несколько старомодно, но образно было охарактеризовано на диаграмме поступательное движение пищеблока, вверенного Геннадию Демьяновичу. И с невыразимой завистью косился он на номера соседних общепитовских предприятий, мчавшихся в даль на орловском рысаке, в машине «москвич» и даже на реактивном самолете.

Расход бумаги на жалобные книги превысил лимит. Объемистые тетради хранили записи благородного негодования. Кому-то не нравились вилки, покрытые веселыми веснушками ржавчины. Кто-то советовал пережаренной картошкой разогревать самовар. А один неизвестный поэт, наживший после месячного питания здесь катарр желудка, выразил свое возмущение в стихотворной форме:

О муза! Ничего сквернее нет,
Чем в сей столовой винегрет.

Отведав каши, посетители, знакомые с народными приметами, высказывали догадку: «Повар влюбился». Официантки в ответ на это улыбались: повар недавно женил внука.

Геннадий Демьянович получил последнее предупреждение.

— Сил нехватает. Замаялся,— пожаловался он как-то своему приятелю из кооперативной сети.— Эх, если бы мне расторопного помощника...

Приятель, у которого всегда в карманах была дюжина добрых советов, обещал помочь:

— С тебя причитается... Есть верный человек на примете. Золотой человек!

...Золотой человек отрекомендовался Володей и без предисловия попросил показать ему рабочее место.

Столовая вступила в полосу радикальных перемен. Новый помощник директора, собрав поваров и судомоек, объявил, что отныне начинается месячник борьбы за культурное обслуживание потребителя. Старшая официантка, тетя Даша, намекнула было, что полотенца третий месяц просятся в стирку. Помощник шеф-повара заметил, что во всяком деле танцуют от печки, а она у нас совсем разваливается.

Володя метнул в сторону ораторов пламенный взгляд, давая понять, что прений не будет. Повара, удрученно кивнув колпаками, разошлись.

Два дюжих рабочих кухни перенесли из директорского кабинета в общий зал один фикус и один кактус. Тетя Даша просидела всю ночь, старательно вырезая из папиросной бумаги узорчатые оконные занавески. На столах появились стаканы из-под мороженого, набитые разноцветными бумажными салфетками, и фаянсовая перечница «Ванька-встанька». Официанткам под расписку были выданы белые кокошники, и теперь они проплывали мимо столиков с величавой осанкой боярышень.

Особое внимание уделил Володя кухонному производству. Кроме двух старых котлов — для первых и вторых блюд — в плиту был накрепко вмазан еще один небольшой котел специального назначения...

— Что же еще нужно для того, чтобы удовлетворить запросы потребителей? — воскликнул Володя, обходя вместе с директором подведомственные владения.— Новую жалобную книгу!

И через пару дней агент по снабжению привез на такси монументальное произведение, ничем не уступающее годовому отчету солидного треста. На малиновом фоне выделялось золотое тиснение — «КНИГА», затем поменьше — «жалоб», и очень крупно — «ПРЕДЛОЖЕНИЙ». Какая рука поднимется на этот шедевр переплетного искусства, чтобы вписать сюда жалобу? А уж если поднимется...

— Таких я беру на себя,— отважно расправил плечи Володя.— Надо работать с людьми!

Работать помощнику директора приходилось до седьмого пота. Вилки, как и до месячника культуры, краснели от ржавчины. У повара продолжался роман. А поэт, разуверившись в могуществе музы, перестал писать стихи и перешел на домашний рацион.

Первые записи в книге жалоб и предложений сделали знакомые и родственники руководства столовой. Эта категория потребителей обильно пользовалась содержимым спецкотла. Усатого шурина Геннадия Демьяновича для скорости обслуживания почтительно усаживали за стол кормящей матери. Отведав жаркое с черносливом, он удовлетворенно начертал: «Продолжайте в том же духе!» Кассирша из кинотеатра, снабжавшая Геннадия Демьяновича билетами вне очереди, выразила свое впечатление так: «Ваша яичница-глазунья — это волнующий кадр в вашем кулинарном монтаже».

Но ведь всем не угодишь. Недовольных потребителей общего котла директор направлял к своему помощнику, лорду-хранителю жалобной книги. Впрочем, Володю не надо было искать. Он появлялся в нужный момент, сверкая улыбкой, обезоруживающей самого воинственного человека. Он умел подойти к живому человеку, успокоить любую мятущуюся душу. Слово «обслужить» звучало в его устах, как об... вести вокруг пальца.

...В общем зале было малолюдно и шумно. Регламент подачи второго истек. Наконец посетитель в ворсистом демисезонном пальто, отбив на стакане последнюю музыкальную фразу, взорвался: «Директора! Жалобную книгу!!»

— Зачем же книгу? — сладко улыбнулся Володя.— Сейчас обслужим.

— Книгу! — не унимался любитель холодной закуски.— Час жду судака!

— Маша, вы слышите? — поддержал его Володя.— Судака! — и он присел рядом.— Рыбку, значит, обожаете? — участливо поинтересовался Володя.— Судачка? Я тоже, знаете ли, удочкой ловлю... Выйдешь этак утречком, над рекой парок, птички целуются, а ты — дерг, дерг... Одну за другой...

Сердце рыболова дрогнуло. Румяная официантка кокетливо поставила перед носом собеседников долгожданное блюдо. Помощник директора бросил пронзительный взгляд на судака, обильно осыпанного бриллиантовой россыпью соли, поморщился и стал жаловаться на трудности хранения скоропортящихся продуктов:

— Поймаешь, а потом и сам не рад: замораживай, соли ее... Да что вам говорить!

— Да, не рад! — поддакнул посетитель, выплевывая изо рта горсть бриллиантов.

— Так это пустяки, заменим,— сказал Володя и подмигнул румяной боярышне.

Через минуту на столе красовалась рекламная стерлядка, у которой из жабр произрастали жизнерадостные кустики укропа. Посетитель был обслужен и ушел как будто бы удовлетворенный.

Золотой человек обладал способностью перевоплощаться. Любой трагический актер мог бы позавидовать его голосовому диапазону, простиравшемуся от медовой лирики до пафоса гражданского обличения.

На этот раз эпицентр новой бури обнаружился около кассы. Беспокойная особа в темнозеленом мундире с лычками младшего советника финансов второго ранга потребовала краснофлотский борщ с перцем и сметаной. Кассирша в категорической форме отвечала, что краснофлотский кончился.

— Как? — вопрошала финансовая советница.— Ведь сейчас утро, столовая только открылась...

Со стены никелированной ре-

сторанной рамки издевательски смотрели двадцать четыре названия блюд, из которых добрая половина безвременно кончилась. Точно из-под земли рядом выросла плотная фигура помощника директора.

— Не извольте волноваться,— принял он почтительную позу метрдотеля. — К вашим услугам широчайший ассортимент. Нет разве только устриц в лимонном соке или гусей с антоновскими яблоками. Возьмите вместо краснофлотского борща суточные щи. Это же в принципе одно и то же.

— Возмутительно! — бушевала заказчица.— Я торопилась на работу, дома не успела приготовить...

— Вот-вот, — продолжил ее мысль Володя.— Столовая помогает женщине освободиться от кухни...

И он журчащим баритоном принялся доказывать, что в общественном питании, как и в районном банке, бывают недостатки. Но в банке же не требуют жалобную книгу! Противница как будто почувствовала угрызение совести и удовлетворилась суточными щами. Жалобная книга была отвоевана и на этот раз. В иных чрезвычайных случаях приходилось спасать положение при помощи спецкотла. Словом, Володя работал с людьми.

В день окончания месячника борьбы за культуру директор закатил товарищеский чай. В ходу были все двадцать четыре блюда меню. Под поздравительные речи Володя уничтожал шестую порцию ледяного студня из поросячьих ножек.

Утром к нему в кабинет с настойчивой просьбой излить свою душу в жалобной книге вошел очередной посетитель. Володя приветливо встрепенулся, открыл рот и... вместо убедительной тирады издал гусиное шипение. Седьмая порция холодца оказалась роковой. Широко размахивая руками и складывая из пальцев различные комбинации, Володя пытался доказать жалобщику всю опрометчивость его намерения. Посетитель внимательно посмотрел на помощника директора, по слогам сказал: «Мне нуж-на жа-лоб-ная кни-га!» — и продублировал свою просьбу пальцами, показав на ручку и на малиновый фолиант с тиснением. Пока золотой человек жестикулировал, непрошенный гость, бормоча про себя: «Знаем, знаем мы вас...— дописывал четвертую страницу.

* * *

— И надо было этому каналье простудиться! — горестно вздохнул Геннадий Демьянович.— Вот теперь сюда вызвали для накачки.

Сигнальная лампочка понятливо подмигнула. На смену снабженцу в брезентовом реглане в кабинет проследовал директор столовой. Обратно он вернулся бледнозеленый, точно увядший салат.

— Эх, брат Аркашка! Какого места лишился! Прямо снег на голову: у начальника гора жалоб на нашу столовую. А эта советница из банка — я ее помню! — целое собрание сочинений прислала. А ведь как старались! Как кадры укрепляли! Не выручил золотой человек.

Блондин с рыжеватыми полубаками, философически поглядев под потолок, заключил:

— Щи надо варить хорошие. Вот что!

Культура жевательной резинки

Американская «культура» уже давно стала синонимом маразма и упадка, превратившись в пародию, в карикатуру на саму себя.

Разве не псевдолитературу представляют собой миллионные тиражи «комиксов» — «комических книжек», наполненных «веселенькими рассказами» об убийствах, кражах, поджогах?

Разве не псевдомузыка — оглушительный джазовый вой?

Разве не псевдонаука — «врачевания», практикуемые шарлатанами «ясновидящими» или широко рекламируемые универсальные таблетки, «помогающие и при поносе, и при запоре, и при всех известных и неизвестных болезнях»?

Разве не псевдоспорт — «забег с детскими колясками», бесчисленные вариации состязаний в обжорстве, конкурсы на быстрейшее нахождение иголки в стоге сена или соревнование по накачиванию велосипедных шин, имеющее своей целью определить, что скорее лопнет — человеческое терпение или велосипедные шины?

Это «культура», где деньги решают все.

Тлетворное дыхание «культуры жевательной резинки» широко распространяется при помощи «плана Маршалла» и во Франции, и в Англии, и в других капиталистических странах, правящие круги которых угодливо расшаркиваются перед всесильным долларом.

А. ТРУБНИКОВА.

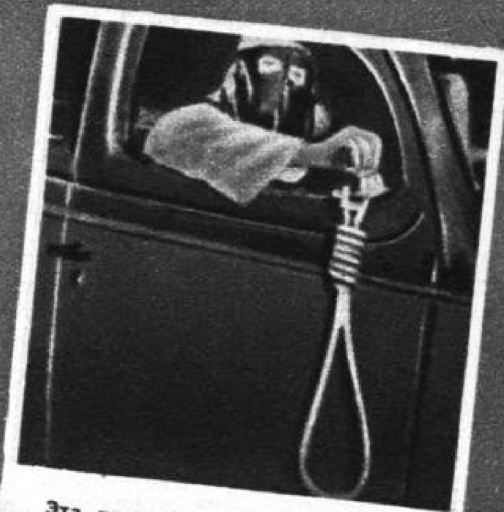

Этот тип, сочетающий обилие мускулов с отсутствием интеллекта, на очередном всеамериканском конкурсе единогласно признан олицетворением американца 1949 года, — того «сверхчеловека», которому идеологи США прочат господство над миром.

Брак по-американски. Жениху Кларенсу Моргей всего 37 лет. Невесте мисс Эльзе Мюррац «чуть-чуть за девяносто», но зато у нее водятся деньжонки.

Стоит только «святой» наложить руку на лоб больного, и болезнь будет изгнана. Такой «метод лечения» пользуется «большой» популярностью в Стокгольме.

Эта петля весьма недвусмысленно выглядывает из машины, на которой разъезжает по негритянским кварталам Нью-Джерси фашистский молодчик — куклуксклановец.

Ежедневно выходят в США миллионы детских книг «комикс». Эти «комические книжки» с наглядными картинками рассказывают об убийствах, кражах, поджогах. Они являются, по существу, учебниками по бандитизму.

Не случайно в США наблюдается огромный рост преступности и 56 процентов всех преступлений совершается детьми.

Вот очередная иллюстрация к этим книжкам: несовершеннолетний преступник затеял ожесточенную перестрелку с полицией.

В Москве зима, а в Сухуми чернеют созревающие плоды маслины. Они свисают между ланцевидных листьев на серокорых деревьях, наполняются прозрачным жиром. О маслине знали народы Востока еще в глубокой древности. Они называли ее «деревом деревьев» и изображали ее плоды и листья на обелисках и драгоценных вазах. В древности греки считали маслину символом здоровья и сплетали венки из ее ветвей в честь победителей олимпийских игр.

Маслина имеет свою историю и в нашей стране. Вековые деревья ее можно встретить в садах Крыма и Закавказья, завезенные сюда еще генуэзцами. Но с тех пор маслина одичала, и культура эта была забыта. Теперь она возрождается в субтропических районах Грузии и Крыма, Азербайджана и Туркмении.

Маслина дает лучшее в мире оливковое масло, богатое белками и витаминами. Ее сочные плоды горьки, но после соления и консервирования приобретают приятный, освежающий вкус.

Из отходов переработки маслины извлекают технические жиры для смазки машин, варки душистого мыла. Древесина маслины весьма прочна, и из нее изготовляют дорогие столярные изделия.

Когда приближаешься к новоафонскому совхозу «Псырцха», то уже издали, словно в тумане, серебрится большая роща маслин. В Маштагах, недалеко от столицы Азербайджана, вырос крупный маслиничный совхоз. Для поливки деревьев здесь сооружен оросительный канал. Культура маслины возрождается в полупустынях Апшеронского полуострова, где в недалеком будущем она займет около трех тысяч гектаров. Новые рощи возникли в сухих субтропиках Туркмении — в колхозных садах Кизыл-Атрекского и Гасан-Кулийского районов.

Большое внимание уделяет культуре маслины советская наука. Никитский ботанический сад в Крыму вывел и размножил превосходные отечественные сорта маслин. Знаменитые французские сорта маслин содержат не более 29 процентов оливкового масла, а никитские сорта — 30—36 процентов. Еще более высоким выходом масла отличаются туркменские маслины.

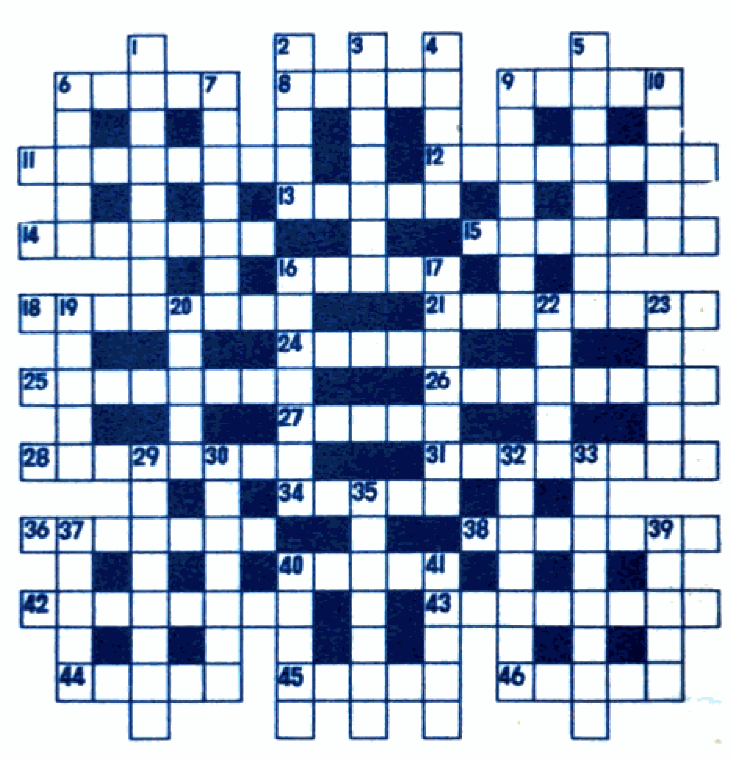
Обычно маслина размножается черенками, отпрысками и прививками, начиная давать плоды на 5—6-й год. Однако выращенные таким способом деревья имеют много дефектов. Они недостаточно устойчивы к морозам и подвержены различным болезням. Гораздо лучше развиваются деревья, выращенные из семян. Размножать плодовые деревья таким методом учил великий преобразователь природы И. В. Мичурин. Но как быть с семенами маслины? Они заключены в косточках, твердых, как камень, и извлечь их оттуда не так легко. Одни надламывают косточки щипцами, другие вымачивают их в едких щелочах, разъедающих оболочку. На юге Франции кормят маслинами индюков, и затем собирают косточки из помёта. Под воздействием ферментов желудка косточки становятся менее твердыми, и семена быстрее прорастают. Однако все эти приемы практически мало пригодны.

Недавно эту задачу удачно разрешил молодой советский ученый-мичуринец Е. С. Храмов. Он применил метод биологической посевной обработки семян, предложенный академиком Т. Д. Лысенко. Косточки маслины замачиваются в воде, подвергаются брожению при определенном режиме температуры и влажности и таким путем скоро размягчаются. Этот способ открыл путь для широкого размножения маслины семенами.

Древнее «дерево деревьев» становится у нас промышленной культурой.

А. И. ВЕКСЛЕР,
научный сотрудник Главного ботанического сада Академии наук СССР

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Учебное заведение. 8. Закваска для теста. 9. Балетное па. 11. Амплуа актрисы. 12. Гимнастические упражнения. 13. Приветствие. 14. Меткий стрелок. 15. Часть лестницы. 16. Смазочное масло. 18. Коренной житель. 21. Двадцатигранник. 24. Прием воздушного боя. 25. Твердая воля. 26. Морское животное. 27. Герой древнегреческой мифологии. 28. Сооружение для стока воды. 31. Изделие из картона. 34. Кухонная принадлежность. 36. Доклад. 38. Изменение в направлении. 40. Кровля. 42. Письменное извещение. 43. Прибор, используемый в музыке для указаний темпа и счета. 44. Участник театрального представления. 45. Цирковой артист. 46. Расценка товаров.

По вертикали:

1. Движущийся механизм. 2. Страховой документ. 3. Аэроплан. 4. Заход солнца. 5. Сухая лучина. 6. Брат жены. 7. Ледяная гора. 9. Льняная ткань. 10. Птица. 16. Перерыв. 17. Приспособление для черчения. 19. Театральное восклицание. 20. Испытание. 22. Род стихотворения. 23. Вид топлива. 29. Комическая опера. 30. Сельскохозяйственная машина. 32. Электрический прибор. 33. Покров. 35. Произведение Н. В. Гоголя. 37. Суетливый человек. 39. Поддержка. 40. Система знаний. 41. Молодежный журнал.

ШАШКИ

под редакцией мастера Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

Красивая комбинация

Несмотря на лишнюю шашку, черным следовало играть крайне осмотрительно, чтобы достичь ничьей. Вместо спасительного хода 1. ... a5 — b4 они сыграли 1. ...f8 — e7? и позволили мастеру З. Цирину (Харьков), игравшему белыми, добиться победы следующей комбинацией:

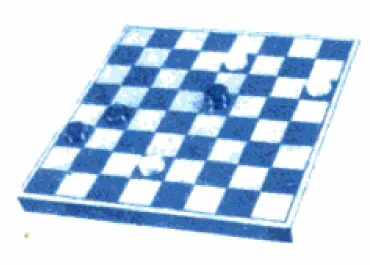
2.	g5 — h6	g7 — f6
3.	g1 — f2!	a5 — b4

Другого ничего не остается.

4.	f4 — e5!!	d6 : d2
5.	f2 — g3!	c5 : e3
6.	a3 : c5	b6 : d4
7.	h6 — g7!	f6 : h8
8.	g3 — f4	e3 : g5
9.	h4 : c1 и выиграли.	

Два этюда Г. Марносова

Белые начинают и выигрывают.

Белые начинают и делают ничью.

Оба этюда чемпиона г. Кисловодска перворазрядника Г. Д. Маркосова решаются сравнительно легко и представляют несомненную ценность для практической игры.

Подумай!

СЛУЧАЯ С НАЧИНАЮЩИМ ЛЫЖНИКОМ

Стояла мягкая зима, и я решил научиться кататься на лыжах. Постепенно я овладевал техникой скольжения, несмотря на усиливающееся с каждым днем похолодание. Даже когда морозы дошли до 20 градусов, я легко катался по снеговой целине.

К сожалению, мне пришлось выехать в командировку и прервать увлекательные прогулки. Зато с какой радостью, вернувшись домой, побежал я в поле, не обращая внимания на жестокую стужу и мечтая о хорошей прогулке на лыжах.

Но произошло что-то невероятное: как будто я впервые стал на лыжи. Я с трудом передвигал ноги, словно мне приходилось тащить лыжи по песку... Неужели за несколько дней я забыл всё, чему научился ранее? Или случилось что-нибудь с ногами? Я растерялся, но знакомый спортсмен-лыжник рассеял мои страхи и сомнения. Он рассказал мне...

Впрочем, вероятно, вы и сами догадались, что произошло?

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 4

По горизонтали:

4. Стратег. 5. Артерия. 8. Механизация. 11. Армия. 12. Право. 19. Квартал. 20. Союзник. 21. Договор. 22. Конституция. 23. Орденоносец. 25. «Капитал». 26. Реформа. 27. Страсть. 30. Киоск. 31. Завет. 34. Прокламация. 35. Кассета. 36. Конвент.

По вертикали:

1. Штурвал. 2. Материализм. 3. Семинар. 6. Гений. 7. Вихрь. 9. Организация. 10. Автопортрет. 13. Автомат. 14. Престиж. 15. Комитет. 16. Диорама. 17. Водолаз. 18. Совесть. 24. Государство. 28. «Искра». 29. Базис. 32. Экватор. 33. Картина.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ

Таинственная пропажа (№ 4)

В жемчуге и опале есть мельчайшие капельки воды в коллоидном состоянии. Во влажном воздухе или в соседстве с кожей человека эти драгоценные камни сохраняют свой нормальный вид. Однако в сухом воздухе, например, при длительном хранении в сейфе, жемчуг и опал могут потерять свою воду — «высохнуть» — и превратиться: первый — в обыкновенный мел, второй — в кремнезем, то есть в песок.

Детские кубики (№ 3)

Мастер разрезал каждый кубик на восемь кубиков. Грань каждого кубика стала вдвое меньше, но общая площадь увеличилась вдвое. Это видно из простого расчета: кубик с гранью в 4 сантиметра имел площадь в 96 квадратных сантиметров! ($4 \times 4 = 16 \times 6 = 96$). Разрезав кубики, мастер получил из каждого по 8 кубиков с гранью в 2 сантиметра, но площадь стала равной 192 квадратным сантиметрам ($2 \times 2 = 4 \times 6 = 24 \times 8 = 192$).

Запасы углекислоты (№ 3)

Запасы углекислоты в воздухе не иссякают, потому что они непрерывно пополняются, главным образом животными, выдыхающими углекислоту.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. **Оформление И. Уразова.**

А - 00833. Подписано к печати 24/I—50 г. Изд. № 75. 5½ печ. л. Тираж 381 000. Заказ 3392. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24

Министерство мясной и молочной промышленности СССР. «Главмолоко».

Покупайте

МОРОЖЕНОЕ

АД

Цена 3 руб.

К ФИНИШУ!
Фото Я. Барского